DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В отлаженный механизм преступной коррумпированной группировки, занимающейся незаконной торговлей человеческими донорскими органами, случайно попадает медицинская сестра. Пройдя через множество испытаний и опасностей, ей удается остаться в живых, избежав мученической смерти, а ее жених распутает клубок из преступников в белых халатах, коррумпированных чиновников, откровенных бандитов и некромантов. В книге подробно раскрыт мир современной российской медицины. При создании обложки вдохновлялся изображением, использованным в предыдущей публикации.

- Александр и Светлана Порохня
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Александр и Светлана Порохня
Приключения сестры милосердия

Пролог

Хирург стоял над распростертым на операционном столе телом. Круглая операционная лампа освещала ярко вскрытую грудную клетку. Голова человека, лежащего перед ним, была запрокинута, руки раскинуты в стороны, поэтому казалось, что пациент распят. Из горла к наркозному аппарату шла прозрачная трубка, аппарат ритмично работал, подавая наркозную смесь в легкие человека, лежащего на операционном столе, а тихий ритмичный писк сердечного монитора, фиксирующий сокращения сердечной мышцы, подтверждал, что больной еще жив. Операционная рана краснела посреди голубых стерильных простыней, закрывавших пациента. Сегодня предстояла сложная операция — пересадка печени. Ассистенты уже закончили выполнять начальный этап операции, Хирургу предстояло сделать самое главное, но он все медлил. Кто-то наблюдавший за ним мог подумать, что он молится или пытается справиться с волнением, но это было не так. Исход операции его волновал мало, любой результат — всего лишь результат.

Больные давно стали для Хирурга материалом, из которого подобно скульптору лепил обстоятельства своей жизни: ступени головокружительной карьеры, высокий доход, новейшие научные разработки.

Сегодня Хирург запланировал немного изменить привычный ход операции. Если все пройдет, как надо, это будет новое слово в науке. Если больной не выживет, в следующий раз надо будет сделать по-другому… Рано или поздно, верное решение будет найдено, и это будет его триумф! Наконец, решившись, Хирург взял в правую руку скальпель, который протягивала ему операционная сестра, и сделал решающий надрез.

Глава 1

Утром я внезапно поняла, что лето закончилось. И дело не в том, что утренний город пропитали характерные для осени ароматы — сладковатый приторный запах осенних флоксов и горьковатый дымок сгорающей листвы, а в остром щемящем чувстве одиночества, которое наваливалось на меня именно осенью.

Торопиться было некуда, поскольку до начала моего дежурства было еще полчаса, а идти до больницы мне предстояло еще от силы минут пять. Улица была совершенно пуста, казалось, что город вымер. Утро после Апокалипсиса, подумала я. Ни людей, ни животных, только солнце, робко выглядывающее из-за крыш многоэтажек.

Пронзительный вой сирены Скорой помощи вернул меня к действительности. Скорая пронеслась на всех парах мимо меня и повернула во двор больницы. Я очнулась от грустных мыслей и прибавила шаг.

— Привет, Лиса! Как дышишь? — приветствовал меня Дима, санитар приемного покоя, куривший на крыльце.

— Нормуль. Кого привезли?

— Парашютиста…

— ?!!

— Реально, парашютист. Прыгнул неудачно, вывих бедра, привезли вправлять.

— Да уж. Дельтапланеристы у нас были, горнолыжники тоже, промышленные альпинисты тоже — помнишь, парню веревку обрезала какая-то бдительная бабуля? Но парашютист впервые попал. Вот не повезло мужику!

— Сейчас Мертвецов придет, наркоз даст, вправлять будут. Хочешь посмотреть, приходи.

— Зачем? Я травматологом быть не собираюсь.

— А кем собираешься?..

— Медсестрой процедурного кабинета. Ты пришел или уходишь?

— Ухожу. Спать охота, сил нет. А теща как пить дать на дачу потащит…

Непьющий Дима — исключение из общего правила. Обычно, санитарками в больницах работают пожилые бабушки, или пьющие женщины средних лет. Мужчины на этой должности встречаются не часто. Но у Димы были особые обстоятельства. Отслужив на флоте три года, он сгоряча женился на своей однокласснице, писавшей ему нежные письма после нечаянного

поцелуя на выпускном балу. Довеском к тихой однокласснице в его жизнь вошла теща, женщина весьма строгая и даже сварливая, и теперь Дмитрий скрывался от семейной жизни на работе, с легкостью вырабатывая почти две санитарские ставки, лишь бы поменьше бывать дома.

В приемном пахло мочой, сигаретами и хлоркой.

Молодой мужчина лежал на каталке в приемном покое и виновато улыбался. Видимо, это и был невезучий парашютист.

— Доброе утро!

Тощая санитарка с остервенением терла ступени лестницы, обогнав ее, я ощутила запах перегара. Тоска какая, подумала я, в очередной раз, соболезнуя собственной неуклюжей судьбе.

Вообще я идеалистка, что, по-моему, значит «идиотка». Только полная идиотка могла послушать нудные увещевания родителей о смысле жизни, о пользе людям, и выбрать своей профессией медицину. Собственно, я ее не выбирала, я хотела стать юристом, точнее следователем. Но на семейном совете, посвященном моей профориентации мои родители в один голос, не стесняясь в определениях, смешали мою мечту с пищей для воробьев. Перебивая друг друга, они подробно объяснили мне, неразумной, что в рядах нашей доблестной милиции работают личности бездушные и неинтеллигентные, и о том, что я, конечно, стану легкой добычей для какого-нибудь женатого афериста в погонах, и о том, что приличной девушке не пристало общаться с отбросами общества. (Тут, я надеюсь, они имели в виду все-таки преступников, а не милиционеров).

Сражаться было бесполезно, и я смирилась. Правда, в институт мне поступить не удалось, так как оказалось, что кроме громких разговоров о том, что наша дочуля выбрала медицину, надо было платить репетиторам, и искать блат в приемной комиссии. Как бы то ни было, но я успела подать документы в медучилище, на отделении сестер милосердия был недобор, видимо, эта специальность у широких масс населения ассоциировалась с сиделкой, и через три с половиной года я имела диплом и право самостоятельной работы за три с половиной тысячи рублей в месяц.

Родителям неожиданно подвернулся зарубежный контракт, и они уехали на пять лет учить негритят английскому языку и русской литературе. Хотя, судя по их редким телефонным звонкам, они учили их всему, чему знали, включая математику и физику, при этом, будучи чистыми гуманитариями по образованию.

Я же, втянувшись в больничную жизнь, научилась получать удовольствие от своей нехитрой работы. Много человеческих

историй выслушала я за эти три года в своем процедурном кабинете, не переставая удивляться, насколько причудливой бывает жизнь.

Сегодня суббота, предстоящее дежурство не должно быть сложным — в этот день наша больница принимала экстренно только пациентов с острой травмой. Именно поэтому в моей сумке, кроме свертка с бутербродами, лежал томик Агаты Кристи, с которым я надеялась скоротать время до конца дежурства.

В сестринской было прохладно и накурено. Сорокалетняя Анна Павловна, медсестра из перевязочной, некрасивая, одинокая и поэтому молодящаяся из последних сил, вертелась перед зеркалом, поправляя помятую прическу. Увидев меня, она моментально заважничала и снисходительно мне кивнула.

— Ань, привет. Работы много оставила?

— Привет, Лиса. Да нет, только наркотики тяжелым больным, как всегда.

— А тяжелых много?

— Новых нет, все старые, ты всех знаешь, — повернувшись спиной, Аня уже выходила за дверь.

Худенькая Аня питала непонятное пристрастие к босоножкам на огромной пробковой платформе. Непонятно было, как она с них не падает…

— Ладно, пойду, переоденусь…

Лиса — это я. Собственно, я — Олеся, Олеся Смирнова. Мне двадцать пять лет и я не замужем. Учитывая мою профессию, звучит все это почти, как диагноз. Мои горячо любимые родители, с молодых своих лет тупо фанатевшие от белорусских «Песняров», наградили меня при рождении этим имечком, не думая, чем это обернется для их единственной дочки. В школе меня дразнили Оленем, что было очень обидно, учитывая то, что я все-таки девочка. В училище, куда я поступила впопыхах, когда не прошла по конкурсу в медицинский, я стала Лесей. Тоже так себе. И только здесь в больнице меня стали звать Лисой, хотя, в общем-то, хитрости во мне не было ни на грош. Чтобы поддержать имидж, я подкрашивала волосы хной, но хитрости от этого почему-то не прибавлялось.

* * *

С удовольствием натянув только что купленный сиреневый костюмчик из тонкой ткани, я повертелась перед зеркалом, отметив, что костюм мне, несомненно, к лицу. Хорошо, что в больницах теперь отсутствует строгий дресс-код, значит, женский

персонал больницы может легко поднять себе настроение вот такими яркими штучками, которые не стесняют движений, выгодно подчеркивают фигуру, и позволяют на работе выглядеть особами женского пола, а не тетками неопределенного возраста.

— Лиса, ты здесь?! Помоги скорее!

В сестринскую ворвалась медсестра-анестезистка Вера Голубушкина. От возбуждения ее очки запотели. Она тяжело дышала.

— Что?! — Я вскочила с дивана, готовая бежать на помощь.

— Реанимация… — на ходу выпалила Вера.

— Где?

— В экстренной!

На скользкой только что вымытой лестнице я подскользнулась и здорово потянула лодыжку.

Две дежурные операционные сестры с видимым усилием толкали по коридору первого этажа большой наркозный аппарат. При движении аппарат противно скрежетал. Я быстренько подключилась к процессу, и мы общими усилиями затолкали тяжеленную бандуру в дверь экстренной операционной.

— Вер, ты объясни, что там случилось? — повторила я свой вопрос после того, кивая на закрытую дверь.

— У того парашютиста остановка сердца на вводном наркозе, начали интубировать, а там аппарат не работает.

— Ну, началось дежурство. Чем закончится? — мой вопрос был скорее философским, поэтому остался без ответа.

Любопытство взяло верх над разумом, который шептал держаться подальше от чужих дел, и я, одев на босоножки стерильные бахилы, изо всех сил стараясь казаться незаметной, приоткрыла тяжелую дверь. Моим глазам предстала привычная суета, не предвещавшая ничего хорошего, и называющаяся больничным языком «реанимационные мероприятия». Мельком мне удалось увидеть, что объектом мероприятий является тот молодой мужчина, который виновато улыбался мне в приемном покое, и что дело совсем плохо. Дежурный анестезиолог Мокрецов, которого за «высокий профессионализм» злые языки давно окрестили «Мертвецовым» пытался сделать больному укол адреналина в сердце, причем делал это ничуть не ловчее, чем герой фильма Квентина Тарантино «Криминальное чтиво». Я быстренько ретировалась от дверей экстренной операционной, пока меня не заметили, и не припахали.

Настроение было испорчено. Медики, так же как летчики и моряки, весьма суеверны, и такое начало дежурства не предвещало в дальнейшем ничего хорошего.

Через полчаса неприятное ощущение улетучилось, и меня

захватила привычная и любимая работа.

Процедурный кабинет — место моего обитания в больнице — это помещение, где больным делают уколы.

Сверкающий белый кафель до потолка, яркий свет от медицинских ламп, стеклянные шкафчики, на полках которых в обязательном порядке разложены коробки с ампулами, специфический запах от применения дезинфицирующих средств и неуловимый запах дорогого солярия от ультрафиолетовой лампы, висящей над дверью — это моя территория, своеобразное царство здоровья в мире болезней и бед.

Уколы, в общем-то, простая манипуляция, но их тоже можно делать по-разному, причиняя боль или почти полностью избегая ее. Когда я работаю, мои руки живут отдельной жизнью, разглаживая складки кожи, молниеносно прокалывая ее тонкой иглой и с осторожностью вводя лекарственные растворы в вену. Уколов боятся практически все, я никогда не встречала человека, которому они приносили радость. Поэтому, смазывая кожу больного спиртом перед тем, как ввести иглу, я, мягко выражаясь, «заговариваю ему зубы».

И больные ведутся на это, слушают мои сказки, и получается, что самое главное в моей работе — общение с теми, кого ты лечишь. Пациенты все разные, в отделении лежат и женщины и мужчины, ухоженные и брошенные, состоятельные и нищие. И все они находятся в одинаковом положении — болеют. Поэтому приходят в голову разные философские мысли о смысле бытия, когда видишь на соседних кроватях небедного ухоженного директора одного из местных предприятий с последней моделью сотового телефона на тумбочке и запущенного во всех отношениях старика-ампутанта, который стучит палкой по полу и требует «укольчик». Вот и сегодня дед из третьей палаты, судя по многочисленным татуировкам на руках и спине, немало повидавший в жизни, увидев меня, начал кричать, что ему больно и нахально требовать укол.

— Сестра, укол мне сделай! Сделай укол, больно, ааа!… .

— Сейчас, миленький, все сделаю. — Спорить с упертым дедом не имело никакого смысла. Кому угодно он мог вынести мозг своими криками за полчаса, поэтому я на свой страх и риск уколола деду анальгин, после чего тот затих, но ненадолго.

Чтобы сбить вредного деда с толку, одновременно я уколола назначенный лечащим врачом наркотик его соседу по палате — ухоженному мужчине лет пятидесяти пяти, имевшему диагноз «онкология», говоривший о бренности наших мечтаний.

Приблизительно через час, закончив выполнять назначения, я пошла к себе в сестринскую, и с удивлением обнаружила, что там

никого нет. Это могло значить, что реанимационная суета в экстренной операционной продолжается.

Решив взглянуть, чего так долго возятся, я пошла к экстренной операционной, но в этот момент, почти сбив меня с ног, туда же быстрым шагом прошли три человека.

Судя по одежде, «пришельцы» несомненно, были врачами, но я их до этого в нашей больнице в глаза не видела.

— Тебе здесь чего надо? Иди к себе в процедурный! — Мокрецов — Мертвецов зло смотрел на меня из дверей экстренной операционной.

— Я думала, помощь нужна…

— Нужна будет, позовем, — он с силой захлопнул дверь у меня перед носом.

В сестринской я села у окна, развернула пакет с бутербродами (почему-то столько ем я только на дежурствах!) и раскрыла томик Агаты Кристи.

Всю свою сознательную жизнь я обожала детективы. Я зачитывалась рассказами о жизни великих сыщиков — Шерлока Холмса, миссис Марпл, комиссара Мегре, патера Брауна. Впоследствии к ним присоединились героини Дарьи Донцовой и Александры Марининой, сыщик Лев Гуров и прокурор Мария Шевцова… С увлечением «проглатывая» очередной детектив, я с первых страниц стремилась разобраться в хитросплетениях сюжета, вычислить преступника, и когда оказывалась права в своих предположениях о том, что «кто шляпку спер, тот и бабку пришил», радовалась от всей души.

Где-то через час чтение мое прервал женский вопль, полный отчаяния и неисправимого горя. Какая-то женщина кричала в приемном покое. Я вопросительно посмотрела на входящую в комнату Веру Голубушкину, медсестру-анестезистку, которой я помогала затаскивать наркозный аппарат в лифт.

— Вера, кто там так кричит?

— Привезли утром больного по экстренной, ну ты видела, с вывихом бедра, вправлять начали под общим наркозом. Внезапная остановка сердца, аллергия, наверное, на вводный наркоз, а может, тромб оторвался…

— Да ладно, правда что ли?

— Мертвецов злой как черт, только что не дерется…

— Бутерброд хочешь?

— Нет, не буду. Я на японской диете.

Это сообщение меня не удивило. Сколько я знаю Веру, она постоянно экспериментировала с диетами, безуспешно пытаясь приблизиться к идеалу 90-60-90.

— Ну и как, помогает?

— Не особо. Пока только в туалет часто бегаю.

— Это потому что соль убрала. Вода выводится.

— Ага. Скоро на нет сойду…

Видимо, из-за сегодняшних событий сегодня Вера была разговорчивее, чем обычно. Она приехала в наш город из глухой деревни, расположенной в соседней области, родители ее по слухам были старообрядцами, держали ее в строгости, не разрешали ей употреблять косметику, красить ногти и ходить на каблуках. Ногти красить, учитывая специфику нашей работы, никому из нас в голову не приходило, а с косметикой, конечно, был явный перебор. А впрочем, может, это были только слухи?

Пожевав бутерброд, я села к окну с книжкой, но сосредоточиться не смогла.

Парашютист умер на вводном наркозе. А с виду такой приятный мужчина был… Значит, вот как бывает…

Четкое ощущение неприятностей никак не давало мне вникнуть в подробности светской жизни патриархальной Англии, предшествующие смерти главного героя детективного романа, и я решила выйти на улицу, чтобы проветрится и привести мысли в порядок. У дверей в приемный покой, я столкнулась с молодой невысокой заплаканной женщиной с длинными темными волосами. Она нервно курила, руки ее тряслись, но она мужественно старалась не плакать. Я давно заметила, что социальный статус человека можно определить по мелочам, женщина, несомненно, была богатой, но воспитанной и интеллигентной. Но, Боже мой, как же ей было плохо! Руки тряслись, по бледным щекам текли слезы, казалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Увидев меня, она внезапно схватила меня за руку и потащила за угол больницы. Там она вытащила из сумочки сложенную пополам не большую пачку сторублевых купюр и сунула мне их в ладонь, прошептав еле слышно:

— Умоляю, помогите мне, узнайте, что случилось с моим мужем, его фамилия Серёгин, Владимир Серёгин. Вот моя визитка, позвоните мне, если что-то узнаете, я очень прошу вас!

Я еще не успела ничего возразить, как она резко повернулась и быстро ушла, оставив после себя тонкий аромат дорогих духов, и визитную карточку. На карточке было написано «Вероника Римская. Проведение праздников, банкетов и свадеб», и сотовый телефон. Оглянувшись по сторонам, я быстро сунула купюры и визитку в карман, и, уже хорошо понимая, что я стала невольным свидетелем событий непонятных и трагических, вернулась на свое рабочее место.

Пересчитав смятые купюры, я растерялась. Дело видимо было

серьезное, иначе, зачем совать малознакомому человеку в карман три тысячи рублей?

Моя наивная любовь к детективной литературе, как и ко всяким расследованиям вообще, сослужила мне, как оказалось в дальнейшем, плохую службу. Но в тот момент я об этом не подумала.

Узнать, что случилось с мужем этой женщины, я могла попробовать прямо сейчас — и я пошла в комнату к анестезиологам. Уже подходя по коридору, я поняла, что там творится что-то непонятное — в комнате слышались голоса, преимущественно незнакомые, мужские, и обсуждали они на повышенных тонах, несомненно, утренний печальный инцидент.

— Ты запиши, запиши все как надо!

— А подписывать кто будет? Главный упрется как всегда.

— Зам подпишет как миленький, или сегодня ответственного заставим.

— Заставишь его, как же.

— Значит зам.

— И труповозку не забудьте вызвать, созвонись с моргом с утра.

— Пару дневников динамических черкни, ну раз в полчаса. И заключение наше.

— Транспорт закажи. И труповозку.

— Заказал. Бронь есть!

Все это было мне совершенно непонятно. Что-то нелогичное и подозрительное произошло сегодня утром прямо у меня под носом. Внезапная смерть на вводном наркозе у молодого мужчины, и судя по жене, товарища весьма даже социального. Ну ладно бы, бомж какой, или алкоголик. И потом: откуда были эти посторонние люди в коридоре больницы, и что значил этот непонятный разговор?

Как правило, реанимационные мероприятия, или попытка оживления больного, проводятся от силы тридцать-сорок минут, а здесь возились чуть не полдня…

Улыбаясь до ушей, я зарулила в оперблок, надеясь хоть там узнать подробности внезапной смерти пациента, но две операционные сестры, Лидия Анатольевна и Тамара Максимовна демонстративно молча крутили на столике операционные салфетки. Обсуждать со мной утреннее происшествие они явно не собирались.

В приемном покое все тоже молчали, как партизаны под пытками, поэтому я покрутилась там минут пять и ушла, решив, что буду продолжать свое расследование уже в понедельник. Вскрытие умершему будет проводиться в старом больничном

морге никак не раньше понедельника, так что время придумать предлог для посещения этого скорбного места у меня навалом.

В мои обязанности процедурной сестры посещение морга не входило, умерших туда отвозили на скрипящих каталках санитарки, закрыв покойника с головой простыней от посторонних глаз, и я всегда старалась держаться подальше от небольшого желтого здания в глубине больничного двора, так, на всякий случай.

Врачи и медицинские сестры, долго проработавшие в отделениях онкологии, ожоговых центрах или в хосписах — больницах, куда привозят умирать безнадежных больных, совсем иначе относятся к смерти. Смерть больных со временем для них неизбежно становится чем-то обыденным, привычным, и это не дает им впасть в отчаяние при работе с безнадежными пациентами, особенно если эти больные — дети. В нашей больнице умирают сравнительно редко, может быть, поэтому я никак не могу привыкнуть к покойникам, проще говоря, боюсь их.

В медицинском училище я училась в одной группе с Валерой, который каким-то непостижимым образом, еще учась в школе, увлекся черной магией. Неплохой, и, в общем-то, тихий паренек за два года работы санитаром в городском морге совсем свихнулся — ходил во всем черном, подкрашивал глаза, носил на груди большой медальон в виде перевернутой пентаграммы, и значимо рассуждал о смерти. Как-то после сдачи одного из экзаменов, он (по огромному секрету) и, несомненно, желая произвести на меня впечатление, подробно рассказал, как запирается ночью на дежурстве в комнате с трупом, как расставляет вокруг секционного стола свечи, и танцует, стараясь впитать в себя «энергию смерти». Эта энергия, по словам Валеры, выделяется в момент смерти человека, в день похорон покойника, на 9-й и 40-й дни после смерти, и при умелом с ней обращении, может сделать человека могущественным. Причем, как оказалось позже, он не врал. Заинтригованная Валеркиными разговорами, я рылась в интернете в поисках информации на эту тему и на одном из обнаруженных мной сайтов поклонников Люцифера, заставкой которого служила фотография одной из разрушенных в 20-е годы в нашем городе кладбищенских церквей, я с ужасом прочитала подробное описание подобного ритуала, означенного как «Посвящение».

Валере я позвонила в воскресенье днем, пытаясь нащупать хоть что-то логичное в субботнем происшествии.

— Алло! — томный женский голос на той стороне провода, видимо принадлежал его маме, или он успел жениться?

— Валеру позовите, пожалуйста!

— А кто его спрашивает?

— Однокурсница из медучилища. Он мне очень нужен. Когда он придет?

— Он за город уехал, вроде в поход, сказал, что завтра вернется.

— Спасибо. — Я положила трубку. Поход, значит, ясен пень. Обкурятся ароматических смесей, сожгут на костре шкуру черного козла и в бубен бить будут…

В понедельник я пришла на работу пораньше и начала нарезать круги вокруг больничного морга. Я решила использовать в целях моего частного расследования трепетную любовь нашего больничного патологоанатома Софьи Матвеевны к братьям нашим меньшим. В морге я собиралась попросить немного формалина для бальзамирования внезапно умершего любимца-хомячка, которого я непременно хотела похоронить на собственной даче. Хомяка у меня никогда не было, но Софья Матвеевна об этом знать не могла. Софья, несомненно, была нестандартной женщиной, она отличалась от большинства своих коллег, прежде всего, своей потрясающей добротой, детским оптимизмом и ласковым обращением «деточка» ко всем своим собеседникам вне зависимости от пола и возраста.

Остается только догадываться, почему холеная красивая еврейка много лет назад, из всех возможных вариантов трудоустройства выбрала такую неприятную, с моей точки зрения, работу, но надо отметить, что владела она ей в совершенстве. Даже в трудных и запутанных случаях Софья Матвеевна всегда определяла истинную причину смерти больного, вначале отделяя один от другого все признаки поражения внутренних органов, а потом, сложив их вместе, точно вычисляла причину смертельного исхода. Ее выводы практически всегда соответствовали истинному положению дел. Но в отличие от многих своих коллег, она никогда открыто не обвиняла врачей в смерти больного, стараясь смягчить неизбежную правду. Еще в институте он увлеклась водным туризмом, с воодушевлением она чередовала свою непростую работу с походами на байдарках, обожала животных, много курила и часто на больничных посиделках пела низким голосом песни Александра Галича. Ее родственники давно жили на исторической родине, а она, будучи совершенно одинокой, из года в год рано утром приходила на работу, заботливо подкармливая двух старых дворняг, живших в больничном дворе. Я почти прослезилась, думая об этом парадоксе. Это было весьма кстати, учитывая придуманную мной смерть дорогого мне хомяка.

* * *

— Деточка, утро доброе, ты меня ждешь?

— Да, Софья Матвеевна, вас. Мне бы формалинчику немножко.

— Что случилось?

— Хомяк умер, я его забальзамировать хочу, и в деревню увезти, похоронить там. Не в мусорку же выбрасывать…

— Ну, пойдем, налью немножко.

Войдя в приземистое здание, я оробела. Софья куда-то ушла, и я протиснулась в небольшую комнату, где на столе лежал труп, укрытый с головой простыней. Из-под простыни виднелись бледные восковые ступни, одна из них была вывернута в сторону.

Воспользовавшись тем, что я одна в комнате, я откинула простыню, закрывавшую труп. Вначале до меня не дошло, но потом я с ужасом поняла явное несоответствие происходившего — на животе покойника, умершего на вводном наркозе при вправлении вывиха бедра, красовался операционный рубец. Швы на рубце были аккуратные, маленькие, и ничуть не напоминали тот ужас, который остается на теле умершего после стандартного вскрытия, когда патологоанатом зашивает тело покойника непрерывным швом большой иглой как курицу, фаршированную яблоками.

Осмыслить свое открытие я решила попозже, быстро задвинула простыню трясущимися руками и сосредоточила свой взгляд на столике с секционными инструментами, стоявшем совсем рядом. Вид блестящего металла ничуть меня не успокоил, но Софья Матвеевна уже протягивала мне, в общем-то, ненужный формалин, и я с облегчением покинула помещение морга.

Только потом я сообразила, что в момент передачи мне формалина несравненная Софья Матвеевна выглядела явно растерянной. Но тогда я не обратила на это никакого внимания.

— Лиса, ты чего шляешься? Уже обход начали! — крикнула мне через весь двор из открытого окна Аня. Сегодня ее прическа была в полном порядке.

— Петр Васильевич уже спрашивал, где ты.

— Бегу, бегу. — Я взглянула на часы. В пылу расследования я потеряла счет времени. В половине десятого совещание врачей у главного врача больницы уже закончилась, и сейчас в отделении проводился общий обход во главе с нашим заведующим Петром Васильевичем.

Склянка с формалином некрасиво оттягивала карман, стараясь не расплескать вонючую жидкость, я поднялась в отделение и, примостив флакон на ничейную тумбочку в

коридоре, присоединилась к обходу.

— Начнем с тяжелых, Петр Васильевич? — предложила заведующему наша единственная женщина-хирург, заслуженная Ольга Павловна.

— Все равно, давайте с тяжелых. — Заведующий сегодня был сговорчивым.

— Ольга Павловна, докладывайте.

Ольга Павловна, несомненно, была раритетом нашего лечебного учреждения. Стремительно начав свою карьеру хирурга в полевом госпитале во время Великой Отечественной войны, она не смогла впоследствии остановиться, и до сих пор активничала в коридорах нашего отделения, вскрывая гнойники и меняя повязки своим больным по два раза на дню. К старости она почти оглохла, общаться с ней персоналу и больным было уже тяжело, и я всегда удивлялась, почему ее с почетом не проводят на заслуженную пенсию.

Но, видимо, наш главный ценил ее опыт, поэтому она продолжала работать, неизменно появляясь, каждый раз после отпуска в отделении как Кощей на развалинах Лукоморья. Как это ни странно, осложнений у ее больных было мало, они быстро выздоравливали, хотя методы лечения Ольги Павловны были весьма допотопными.

Наша скромная больница никогда не была в числе самых престижных и обласканных спонсорами лечебниц города. Построенная в конце 40-х годов на окраине города, несмотря на весьма скромное оснащение, она имела хорошую репутацию. Может потому, что благодаря своей непрестижности и бедности в больнице работали люди не случайные, пришедшие в медицину не за регалиями, а чтобы помогать больным и убогим. Конечно, в семье не без урода, появлялись у нас и уходили, не задерживаясь надолго, выпускники мединститута, ожидающие «тепленького» места в престижной клинике, сынки и дочки из именитых медицинских фамилий, которых из престижных клиник выперли из-за пристрастия к алкоголю или к чему похуже…

Нашего заведующего отделением, Петра Васильевича Грекова, в больнице очень любили. Когда-то в студенческие времена он был лучшим студентом на курсе, став практикующим хирургом, разработал много методик, улучшающих результаты операций на желчном пузыре, быстро защитил кандидатскую диссертацию и получил место заведующего хирургическим отделением в нашей больнице. Крутой рывок карьеры остановила жизнь — Петр Васильевич был человеком очень добрым, очень честным, и каким-то очень нежным душой. В нашем отделении по полгода лежали люди, которым некуда было из больницы идти,

да и жить было особо не на что. И, несмотря на вполне прозрачные намеки нашего главного врача на то, что наша больница не благотворительный фонд, продлял безропотно Петр Васильевич курс лечения этих бедолаг. Выслушивал заслуженные упреки и шел выхаживать очередного обиженного судьбой пациента, с применением всех достижений современной медицинской науки.

Говорите, так не бывает? Еще как бывает, именно там, где нет огромных зарплат и гонораров за лечение, и работают те самые Врачи с Большой Буквы, сохраняя Богом запланированное равновесие между Добром и Злом.

А еще наш тихий Петр Васильевич за годы работы в отделении умудрился подобрать коллектив хирургов увлеченных и квалифицированных, был спокойным до невозмутимости, и говорил голосом тихим, почти шепотом.

Старушка Ольга Павловна была единственной женщиной-хирургом в нашей больнице.

Остальные хирурги, их в отделении работало трое, принадлежали к сильному полу. Пожилой и всегда недовольный жизнью Глеб Олегович (полный, страдающий одышкой мужчина предпенсионного возраста) вел «гнойных» больных. Ашот Андреевич (бородатый мачо лет сорока, похожий на подлого мушкетера и благородного пирата одновременно) был воспитанником Петра Васильевича, и пользовался его неизменным расположением. Иван Анатольевич (весьма талантливый хирург лет тридцати), был хорошо воспитан, не женат и стеснителен при общении с женщинами, (над скромностью его глумился весь коллектив оперблока, вернее молодая его часть.)

Мужская часть коллектива, за исключением заведующего, явно скучала и, переминаясь с ноги на ногу, с нетерпением ждала окончания обхода.

— Ашот Андреевич, давайте теперь к вам.

— У меня двое на операцию, предоперационные эпикризы я написал. — Ашот отодвинул плечом Ольгу Павловну и широким картинным жестом распахнул дверь в двухместную палату в конце коридора.

Палата была маленькая, поэтому мы все остались стоять в коридоре.

— Лиса, как подежурила в субботу? — Иван Анатольевич уже не в первый раз оказывал мне знаки внимания.

— С трупом. Парашютист умер на вводном наркозе.

— А наркоз кто давал? Мертвяков?

— Ага. Он дежурил.

Из палаты оживленно жестикулируя, вышли Петр Васильевич и Ашот Андреевич. Их разговор непосвященному понять было невозможно.

— Ваготомия, батенька, только ваготомия, — увещевал сравнительно молодого коллегу заведующий.

— Я настаиваю на резекции, ваготомия ничего не даст, вы посмотрите, какой у него тонус низкий… — кипятился Ашот.

Участники обхода шли за ними, почтительно прислушивались. Продолжая дискутировать, заведующий повернулся и пошел по коридору, на ходу махнув рукой, что можно идти работать. Ашот Андреевич последовал за ним, не прерывая дискуссии.

Больных в отделении лежало немного. Последним теплом радовал нас конец августа, все же еще лето, догуливает народ последние светлые деньки на дачах, не торопится лечиться, терпит до последнего. Вот закончится дачный сезон, пойдут внуки в школу, и сядет в приемном покое очередь бабушек-тружениц с желчнокаменной болезнью, одинаково прихватив загорелыми руками правый бок. Операционная будет работать в две смены, да и нам в отделении присесть будет некогда.

Мои философские размышления прервал негромкий женский плач.

— Кто это плачет? — спросила я Аню.

— Из травмы перевели, ампутантка. Новенькая.

— А что случилось?

— Дикая история, приехала из Воронежа на похороны к тетке полгода назад, а ее избили соседи тетки и в сугроб выкинули, она ноги обморозила, пришлось ампутировать обе стопы.

— А чего к нам? Нагноилось?

— Ее выписывать некуда, нет никого, вот Петр и перевел из травмы пока на долечивание. Накапай ей валерианки, или корвалолу капель тридцать.

— Хорошо.

У процедурного кабинета уже сидели человек пять, и конечно, первой в очереди была вредная старушенция с седыми кудряшками из «палаты повышенного комфорта». Судя по разрумянившемуся лицу, она уже «открыла дискуссию».

— Где вас носит, Олеся? — попыталась начать скандал вредная старуха.

— На обходе была, только закончили, — препираться с ней не имело никакого смысла, это я уже уяснила. — Все претензии к заведующему.

Проходите, кто первый.

Палаты повышенного комфорта появились в отделении с

полгода назад и представляли собой обычную одноместную палату с собственным санузлом, телевизором и маленьким холодильником. На высоких проемах окон гордо висели белые жалюзи, свидетельствовавшие о том, что больница наша идет в ногу со временем. Собственно, эти палаты были робкой попыткой нашего главного врача начать зарабатывать на лечении больных хоть какие-то деньги, кроме бюджетных. Но лежавшие в этих палатах своей исключительности не ощущали, потому что остальные помещения отделения были в том же запустении, что и лет двадцать назад.

Вредная старуха, систематически трепавшая нервы всему коллективу, была женой, вернее, вдовой большого областного начальника советских времен. Существо противное, нудное и неблагодарное, она появлялась в нашем отделении дважды в год. Сын ее охотно платил за лечение матери и в это время отдыхал всей семьей от ее назойливого присутствия. В больнице старушенция всех изводила — от соседей по коридору, которые храпят и воняют, до раздатчицы из буфета — типа, чем вы нас кормите? Врачей она донимала нудными разговорами о курсе своего лечения. Нам, медсестрам доставалось больше остальных, каждый день мы выслушивали неприязненные отзывы о своей работе.

Но лично я не обращала на ее выпады ни малейшего внимания.

И в этот раз все пошло по обычному сценарию.

— Вы сколько еще извольте возиться? — бабка явно соскучилась, и шла в наступление.

— Сейчас все сделаем — покладисто отвечала я, зная, что лучше не спорить, быстро отламывая наконечники ампул.

— Безобразие! А вы видели, кто сейчас приезжал? — уже делилась она со мной новостями.

— И кто же? — без всякого интереса спросила я.

И тут прозвучала фамилия одного из областных чиновников, который курировал здравоохранение, и, судя по выпускам местных новостей, занимался инновациями в медицине. Я сделала понимающее лицо, хотя лично мне это было совершенно безразлично.

Старушка уже оголяла тощую ручонку и сыпала именами-отчествами людей высокопоставленных, но мне было наплевать на ее знакомства, поэтому и я к ней не прислушивалась. Наконец, уколов ей все положенное, мне удалось избавиться от общества неприятной пациентки.

— Можно, сестричка? — в процедурный кабинет, сильно хромая, уже входил Вадик. Он работал на стройке плиточником и

серьезно повредил ногу, когда его подсобник-таджик уронил на него тяжелую упаковку керамической плитки. Кажется, у него был разрыв икроножной мышцы, закончившийся нагноением, но все обошлось, и он скоро должен был выписаться. Ему было около тридцати лет, он был не женат, поэтому вокруг его палаты постоянно крутились незамужние сестрички типа Веры, надеясь, что он обратит на них внимание.

— Боишься? Не бойся, больно не будет, — успокоила я его, когда он отвернулся, чтобы не видеть, как игла протыкает кожу.

— Правда, не больно, — похвалил он меня как всегда. — С меня шоколадка.

Это была дежурная шутка. Если бы мне за каждый укол дарили шоколадки, мне пришлось бы открывать кондитерскую лавку.

— Олеся, вы сегодня неотразимы! Эх, будь я помоложе! — этот игривый намек принадлежал старенькому полковнику в отставке. Военная выправка, все еще хорошо заметная, несмотря на его семьдесят пять, заставляла беспрекословно его слушаться и соседей по палате и обслуживающий персонал. Соседи по палате безропотно выполняли его требования: брились каждый день к обходу, мыли на ночь ноги и тщательно заправляли больничные постели. Он страдал тяжелым поражением сосудов на ногах, при ходьбе испытывая нестерпимую боль, но, не обращал на это внимания, упорно «расхаживался» по коридору, мужественно сопротивляясь неизлечимой в его возрасте болезни.

— Да бросьте вы кокетничать! Ну, что бы было, будь вы помоложе? — Мой риторический вопрос повис в воздухе: видимо, строгое воспитание не позволило полковнику ответить честно на этот прямой вопрос, поэтому он смущенно кашлянул и отвел глаза.

— Какой вы неугомонный! — Я тоже сделала вид, что смутилась, и быстро ввела иглу в вену. Лекарство подействовало быстро, потому что полковник тут же покраснел и на лбу у него выступили капельки пота. Собрав свою волю в кулак, он отвесил мне еще один витиеватый комплимент и неловко пошатываясь, вышел из процедурной.

— Старая гвардия все еще в строю? — на пороге, ехидно прищурившись, стоял Ашот Андреевич. Честно говоря, я его недолюбливала.

— Капельницу Емелиной когда ставить будешь?

— Сейчас заряжу и пойду ставить.

— Привяжи получше, а то она возбужденная какая-то сегодня.

Емелиной, лежавшей в нашем отделении с гнойным

перитонитом, капельницу полагалось ставить в последнюю очередь, так как в ее анализах была обнаружена синегнойная палочка. Операция по удалению аппендикса закончилась катастрофическим нагноением послеоперационной раны, перешедшим впоследствии в перитонит. С инфекцией боролись всем миром — делали посевы из раны, подбирали наиболее эффективные антибиотики, облучали рану бактерицидными лампами — все было тщетно. Пятидесятилетняя женщина буквально гнила заживо, ее брюшная стенка разваливалась на глазах, растекаясь потоками гноя по свежей повязке. Неделю назад у нее случился острый психоз, и она стала срывать с себя капельницы и повязки. Мы с Петром Васильевичем ее кое-как уложили, привязали к кровати и вызвали психбригаду, вкатившую ей лошадиную дозу успокоительного, после которого она спала почти неделю. И вот снова?

В палате, где лежала Емелина висел неприятный сладкий запах, признак синегнойной инфекции. Я не была в этой палате дня три, и меня неприятное поразил ее вид — восковое лицо, нос заострился, щеки ввалились. Глаза ее были закрыты, казалось, что она спит. У кровати понуро сидел щуплый затюканный мужчина, видимо ее муж. Я взяла ватный шарик со спиртом и начала тщательно протирать сгиб руки. Муж учтиво ретировался из палаты. Внезапно Емелина открыла глаза и стиснула мою руку так сильно, что я вскрикнула. Взгляд ее был почти безумен, но больше чем взгляд меня поразили ее слова, которые она отчетливо произнесла тихим голосом:

— Они здесь, они уже здесь!

— Кто они? — попыталась уточнить я.

— Трупоеды… — обессиленная, она откинулась на подушки и закрыла глаза.

Из-под закрытых век у нее потекли слезы. Я вытерла слезы салфеткой и позвала мужа.

Было время обедать, но есть по понятной причине мне не хотелось. Сидя у окна в сестринской, я уже полчаса терзала бутерброд с сыром, помешивая ложкой стоявший на подоконнике давно остывший чай с лимоном, и пыталась анализировать последние события.

Больные в нашей больнице, конечно, умирали и раньше. Но внезапная смерть на вводном наркозе приличного здорового человека? Длительность реанимационных мероприятий, затем появление в больнице посторонних людей, непонятная дискуссия на повышенных тонах за закрытой дверью, упоминание зам. главного врача в связи с каким-то эпикризом, растерянность Софьи Матвеевны — все это никак не укладывались у меня в

голове.

В кармане костюма лежала визитка несчастной вдовы, лишившейся мужа в одночасье. Но трогать ее мне почему-то очень не хотелось. Во-первых, узнать причину произошедшего мне пока не представлялось возможным. А во-вторых, внутренний голос советовал мне держаться подальше от этого неприятного события.

В привычных хлопотах рабочий день наконец-то закончился. По понедельникам после работы я ходила заниматься в тренажерный зал рядом с домом. К основам бодибилдинга приобщил меня мой бывший парень, Денис, заместитель командира отряда специального назначения криминальной милиции. При воспоминании о нем сердце сладко заныло. Это был мой самый отчаянный и самый серьезный роман. Прошлым летом посреди полного здоровья я решила пойти на городской пляж позагорать после дежурства. Был вторник, будний день, уговорить пойти со мной на пляж я никого не смогла, поэтому поехала одна. Уже появившись на пляже, я поняла, что приехала сюда совершенно напрасно. Пляж был почти пустой, если не считать нескольких подозрительных подвыпивших юнцов. Из чистого упрямства я легла на полотенце за кустами, втайне надеясь, что меня не заметят. Поскольку дело происходило после дежурства, я незаметно задремала. Проснулась я от того, что солнце светило мне прямо в глаза. Я отвела взгляд и дико завизжала — на ближнем ко мне кусте ивы сидел скорпион. Он был разноцветный, сине-черно-красный, и шевелился.

— Ты чего так орешь-то? — услышала я голос скорпиона.

Путаясь ногами в полотенце, я вскочила и попыталась убежать, но споткнулась, и неизвестно, чем бы это закончилось, но меня подхватил под руки молодой парень. Рассмотреть я его не успела, зато увидела скорпиона, сидевшего у него на плече.

— Татуировка… — растерянно сказала я.

— А ты что подумала? Так ты его испугалась? — парень расхохотался, и мне сразу стало легко и спокойно рядом с ним. Оказывается он пришел на пляж искупаться, потом заметил задремавшую девушку и, учитывая то, что подвыпившая компания стала с не хорошим интересом поглядывать в ее сторону, решил позагорать рядом. Для поддержания правопорядка в общественном месте и профилактики правонарушений, как он со смехом мне сам рассказал позже.

Потом он долго провожал меня до дома. Разговаривая о всяких пустяках, мы прошли полгорода пешком. Через пару дней он перезвонил мне, и мы начали встречаться.

У нас почти год были «отношения», которых у меня до него

ни с кем не было, и дело шло к свадьбе. Но вот только эта свадьба начала принимать отчетливые очертания, я вдруг испугалась. Мне показалось, что как только я выйду замуж, моя свободная жизнь закончится. Денис, как ни странно, это почувствовал, начал выяснять отношения, и мы неожиданно сильно поругались. Я ему не звонила, хотя очень скучала и ждала, что он позвонит первый. А совсем недавно мне сказали, что он уехал в «горячую точку» на Кавказ и вернется только через месяц. Я проплакала два дня, но решила выдержать характер. Надеюсь, мы помиримся, когда он вернется, а пока одна хожу в тренажерный зал, где пытаюсь себя уверить, что он занимается рядом со мной, и моя накопившаяся за день усталость растворяется в тяжелом металле тренажеров, и жизнь снова обретает привычную гармонию и смысл.

Чувствуя приятную тяжесть в уставших мышцах, я пешком протопала два квартала от тренажерного зала до своего дома. Во дворе на скамейке под фонарем сидели какие-то девицы и лихо пили водку из пластмассовых стаканчиков, запивая ее пивом из большой пластиковой полторашки, видимо пиво служило в данном случае закуской. «Мама дорогая!» — про себя подумала я.

После отъезда моих родителей за границу свое вынужденное одиночество я делю с моим другом — котом Касьяном, самым вредным и пакостливым представителем кошачьей породы.

Это отдельная история развенчивания моих идеалов приключилась со мной, когда у меня пропал очередной кот обычной породы.

По совету кого-то из друзей (эх, вспомнить бы, кого!) я пошла на ежегодную кошачью выставку. По иронии судьбы выставка расположилась в стенах бывшего дворянского собрания нашего города.

Пахло кошками даже на входе в солидное здание, украшенное лепниной в стиле ампир, так, что даже вахтерша, уже привыкшая за годы свободного бизнеса к восковым фигурам и рептилиям, выглядела обескураженной.

Такого количества кошек и котов я не видела даже в страшном сне. Воздух звенел от разноголосого «мяу». Выбор нового друга был явно затруднительным из-за количества претендентов, у меня почти сразу начало рябить в глазах.

Первым мне приглянулся толстенный рыжий котенок с приятной мордочкой (не люблю британцев, они похожи на бульдога), но выяснилось, что это кошечка, и я отошла. Топить котят я не смогу, и что же станет с моей квартирой года через два?

Потом я увидела голого сфинкса. Замшевый бежево-серый кот с прожилками сосудов под кожей казался умирающим от

последней стадии лучевой болезни. Мне сразу захотелось взять на его руки, закутать, защитить от холода. Но хозяйка кота, видимо, была на выставке не в первый раз, поэтому, увидев умиление на моем лице, сказала, как отрезала: Две тысячи долларов! — Я ойкнула и ретировалась.

Уже потеряв всякую надежду найти здесь что-то подходящее, пробираясь к выходу мимо последнего ряда проволочных клеток, в которых сидели противно орущие животные, я вдруг заметила котенка, который выглядел как помесь египетской кошки и голубого ангела.

— Как называется эта порода? — спросила я у хозяйки, стоявшей рядом.

— Русский голубой.

— А как его зовут?

— Касьян.

— Мальчик?

— Мальчик, последний остался. Новая порода в городе, вон британцев сколько, а мы одни, — вдруг разоткровенничалась хозяйка. — Берите, не пожалеете, я уступлю.

Сторговавшись на двухстах долларах, мы ударили по рукам. Радостная хозяйка снабдила меня паспортом с родословной, и распечаткой на принтере по уходу за котиком. Уход, судя по распечатке, был несложным, котик мог употреблять в пищу даже простые макароны. Когда я уже уходила, закутав котика в яркий шарфик, присланный мне родителями из Африки, он вдруг заорал во весь голос, то ли приветствуя это событие, то ли прощаясь с хозяйкой. Голос у ангела явно подкачал — был низким и противным. Но заводчица объяснила мне, что это — особенность породы, а так во всех других отношениях он ангел и есть… «Ангел», поселившись в моей квартире, быстро развенчал хорошее впечатление о себе: на руках не сидел, царапался, неблагозвучно орал по ночам, метил по углам комнаты. Апогеем вредности стала его «роспись» на моей сумке для спортивного зала, которая воняла так сильно, что мой тренер заметил, что у меня новые духи с необычным запахом.

Жрать «ангел» ничего не хотел, кроме дорогих кошачьих консервов. Когда он после дежурства в третий раз за ночь разбудил меня, требуя дорогой еды, я спросонья озверела, взяла мерзкого кота за шкирку и начала пальцем запихивать ему в пасть случайно имевшуюся в моем холодильнике творожную запеканку. К моему оправданию нужно сказать, что все это я проделывала в полусонном состоянии. Внезапно я наткнулась глазами на его взгляд, и моментально проснулась. Больше я его так не мучила, и научилась считаться с его маленькими

капризами. Впоследствии мы все-таки нашли общий язык с Касьяном, и мне в его присутствии было не так одиноко.

На следующее утро, подходя к больнице, я отчетливо поняла, что цепь странных событий в нашей больнице не была случайной. В больничной ограде торчал грузовик. Красные брызги, похожие на кровь покрывали растрескавшийся от времени асфальт.

Во дворе у приемного покоя стоял милицейский УАЗик, бестолково толпилось несколько человек в милицейской форме. Меня никто не останавливал, в состоянии, близком к шоку я вошла в приемный.

Медсестра Зина, работавшая сегодня в приемном, схватила меня за локоть и утащила в санитарную комнату — место в приемном покое, где больных мыли, переодевали, и, простите, делали клизмы.

Фаина, точнее сказать, Фаина Аркадьевна, особа глубоко пенсионного возраста, внешне была бы копией медсестры-садистки из фильма «Полет над гнездом кукушки», если бы не возраст и ярко-оранжевый цвет волос (редкий цвет волос был, достигнут систематическим применением вареной шелухи от лука).

— Ты уже знаешь?! — шипящим шепотом спросила она, — Это кошмар какой-то!

— ???

— Софью из морга сбило машиной, насмерть. Она на работу шла. Мозги по асфальту, сама переломана. Машина вон стоит, а водитель исчез.

Выяснилось, что сегодня утром нашу Софью Матвеевну прямо около больницы насмерть сшибла машина, причем при этом машина заехала на тротуар, то есть, не исключена возможность, что наезд был умышленным.

— Такого у нас еще не было — растерянно сказала я, пытаясь собраться с мыслями.

Патологоанатом редко становится объектом ненависти и мести родственников умерших больных, врачи — другое дело. Помню, как однажды на дежурстве прибежала на крики, доносившиеся из ординаторской. Сын умершей ночью древней старушки пытался задушить ее лечащего врача, тихого дежуранта из соседней больницы (я даже фамилии его не помню), видимо считая, что если бы не врач, бабуся прожила бы еще века два. Врача мы отбили общими усилиями, сына увезла психиатрическая бригада Скорой помощи, но неприятный осадок у всех остался надолго.

Потом история повторилась с хирургом-травматологом. Ему объявил войну цыганский табор из пригородного поселка.

Кажется, у кого-то из цыган неправильно сросся перелом.

Принято у нас искать виноватого, ничего не поделаешь. И в последнее время были подобные случаи — вот хирурга избили («неправильно лечил — ага…»), а вот главному врачу машину сожгли — не смогли заставить дать нужную справку…

Но патологоанатом?!.

Когда я вошла в сестринскую, Аня сидела у окна ко мне спиной, ссутулившись. По тихому хлюпанью, я поняла, что она плачет.

— Ань, ну ты что? — я тихонько обняла ее за плечи.

— Жалко очень. В Израиль уже собиралась уезжать, и вот…

— Ты откуда знаешь? — попыталась я отвлечь ее.

— Я у нее дачу сторговать хотела перед отъездом. Обломилась теперь моя дача, — уже в голос заревела Аня.

— Да ладно, у наследников сторгуешь, скажи, уже аванс ей дала, кто проверит?

— Лиса, ты гений! — тут же повеселела Аня. С меня бутылка!

— Ты же знаешь, я не пью.

Аня задумалась.

— Я тебе косметики хорошей куплю… Хочешь?

— Купишь, купишь (Зажмет ведь, жаба!)… Сторгуйся сначала. Что у нас нового? — надо было идти работать.

— Старуху выписывают домой, танцуй. Да, еще ночью… — она замялась.

— Емелина умерла? — выдохнула я.

— Ты откуда знаешь, звонила что ли?!

— Да нет, просто я ей вчера капельницу ставила, как бы моя бабка покойная сказала, видно было, что «собирается»…

Мы помолчали.

Нужно было прийти в себя, поэтому я начала рабочий день с наведения порядка в своем маленьком царстве.

Протирая влажной салфеткой чистую, в общем-то, стеклянную полку, я продолжала думать. Понятно, что нелепая смерть нашего патологоанатома была кем-то подстроена. Улица около больницы обычно пуста, нельзя не заметить весьма крупную женщину на тротуаре, значит, Софью переехали умышленно.

Мне было непонятно, почему наша Софья оказалась крайней в этой нелепой субботней истории с погибшим парашютистом. И зачем я вчера поперлась к ней в морг?! Последняя мысль окончательно меня добила. Хорошо, в тумбочке в сестринской была заначка — пачка дамских сигарет, на всякий пожарный случай, которая сейчас мне пригодилась.

Вдыхая дым на боковой лестнице, где одновременно пахло

лекарствами, окурками и закисшей мочой из мужского туалета, я постаралась успокоиться, расслабилась, и потеряла бдительность, поэтому не обратила внимания, как ко мне подошел молодой человек лет двадцати пяти, явно намереваясь задать мне кучу вопросов. Данный индивид всем своим обликом подчеркивал свою несомненную принадлежность к правоохранительным органам, и с первого взгляда не понравился мне чрезвычайно.

— Олеся? — произнес сотрудник каких-то там органов. — Можно с вами поговорить?

— О чем собственно? — откликнулась я, поняв, что деваться некуда.

— Вы дежурили в субботу?

— Ага. — Я выпустила струйку дыма прямо в лицо неприятному собеседнику, но это его ничуть не смутило.

— Необычного ничего не заметили?

«Черт, вот зануда, — подумала я — скажешь «нет», поймет, что вру. Скажешь «да», вопросами замучает».

Сотрудники правоохранительных органов, согласно моим жизненным наблюдениям, практически так же как их коллеги с другой стороны баррикад, относятся ко всем остальным как мусульмане к православным — и попользоваться можно, и надуть не грех. Люди обычные для них никто, так — шелуха. Пообещав не использовать полученные сведения, они получают у тебя информацию, и тут же оборачивают ее против тебя. Не стоит много болтать, решила я. Старательно изображая дурочку, я повернулась к дотошному сотруднику.

— В смысле, чего необычного? У нас все как обычно — больные, операции…

— И смерть — тихо произнес мой собеседник.

— А вы собственно кто будете? — перешла я в наступление.

— Вот! — протянул мне визитку парень. «Охранное агентство «Баррикада». Частный детектив Скворцов Сергей Васильевич.

— Что именно вы хотите узнать, Сергей Васильевич?

— У вас умер больной в субботу?

— Он умер не у меня, а в операционной. Кажется, реакция на наркоз. Шок аллергический. Больше ничего сказать не могу. Спросите у операционных сестер или у того, кто наркоз давал. А в чем собственно дело?

— Его гражданская жена считает его смерть странной.

«Гражданская жена, вот почему фамилия другая!»

— Смерть всегда выглядит странно, особенно если умирают в молодом возрасте, — ляпнула я, явно не подумав.

— Значит, вы заметили его возраст, а говорите, в другом отделении работаете.

— Ко мне его жена тоже подходила, визитку оставила, просила позвонить — честно призналась я, вытаскивая из кармана злополучный кусочек картона.

— А почему не позвонили?

— Нечего было говорить. Я ничего не знаю. Она так плакала, я не смогла ей отказать.

— А это правда, что у вас сегодня в больнице врача убили?

«Ну, здравствуйте, это как в том старом анекдоте: армянское радио передало новость — профессор Иванов выиграл в международную лотерею сто тысяч долларов. На следующий день опровержение — не профессор Иванов, а сантехник Петров, не выиграл, а проиграл, не в лотерею, а в преферанс, и не сто тысяч долларов, а триста рублей».

— Софья Матвеевна не врач, а патологоанатом. Ну, в смысле, была… Ее машиной сбило, здесь, рядом с больницей. — Сказала я со скорбью в голосе. — Носятся все как ненормальные.

— Вы хорошо ее знали?

— Да откуда?! Послушайте, Сергей, мне работать надо, я не знаю ничего, — взмолилась я, поняв, что ничего хорошего этот разговор мне не сулит.

— Ладно, возьмите визитку, позвоните, если что вспомните или узнаете…

— Хорошо. Я уже повернулась, чтобы уйти.

И тут этот парень с птичьей фамилией сказал мне в спину:

— Он был моим другом, он мне жизнь в Чечне спас. Не было у него никакой аллергии. А вот группа крови была редчайшая — четвертая минус. Это вам о чем-то говорит?

— Извините, мне пора идти… — и я ретировалась в совершенной панике. Чтобы замаскировать свою растерянность, я решила налить себе чаю в раздатке, но дверь была заперта, видимо буфетчица отошла на кухню.

Так, — размышляла я, стоя у запертых дверей раздатки буфета. — Что же получается? Приличный человек умирает на вводном наркозе. К сожалению, такое случается. Но что за лица заседали в ординаторской? Травматологи по вызову? Наш заведующий травматологией никогда никого не приглашал себе в помощь. Наверное, это были представители страховой компании, решила я: мужчина с виду был очень даже социальным, наверное, страховка присутствовала, вот эксперты и явились денежные вопросы утрясать. Я с облегчением вздохнула, решив, что шарада разгадана.

Мои размышления были прерваны появлением в коридоре заместителя главного врача по лечебной части Михаила Моисеевича Абрамова. Имея ту же историческую родину, что и

Софья Матвеевна, он был не в пример разворотистее — активно торговал запчастями для иномарок, втихую использовал бокс больничного гаража в качестве склада, постоянно ездил на какие-то курсы усовершенствования, семинары и тренинги. Злые языки поговаривали, что он давно и безуспешно пытается «подсидеть» нашего главного врача, но главный сидел в нашей больнице давно и плотно, регулярно выезжал на охоту в область с вышестоящим начальством и даже не реагировал должным образом на слабые выпады в свой адрес со стороны своего заместителя.

Абрамов проследовал в отделение, чтобы лично проследить за выпиской вредной старушенции, которая сегодня, наконец-то нас покидала. Держа в руках пачку документов, он распекал на ходу нашего Петра Васильевича, видимо, за нерасторопность.

— Поймите, Петр Васильевич, нормативная база сейчас изменилась, мы должны соответствовать…

Наш заведующий молча, шел рядом с невозмутимым видом, и было видно, что думает он о совсем другом.

Позади них, под руки поддерживаемая сыном, еле передвигала ноги старушенция, с неизменной гримасой мученицы на лице.

«Ну, она им дома покажет кузькину мать!» — подумала я и прошла в открытую буфетчицей раздатку.

Там я налила себе в кружку остывшего кофе с молоком, оставленного с завтрака, и неторопливо поедая тушеную капусту с котлетой, вдруг ни к селу, ни к городу вспомнила трагическую гибель Софьи Матвеевны на пороге собственной больницы. Единственное, что объединяло два нелепых последних события — операционный шов на животе умершего, которому должны были оперировать не живот, а, извините, вывих бедра в паху вправлять. К этому можно было прибавить странную просьбу его жены, и доверительный разговор с сотрудником частного охранного агентства.

Интересно, что записано в истории болезни умершего больного о причинах его смерти. Что бы с пациентом не случилось, это должно быть записано в истории. Почему эта простая мысль раньше не пришла мне в голову?

Я с усилием впихнула в себя остатки кислющей капусты, допила кофе, подумала, что моя беспечность в еде сегодня дорого мне обойдется в виде протестующих против столь бесцеремонного обращения с собой желудка и кишечника, и пошла в отдел медицинской статистики.

Маленькая комнатка, доверху забитая картонными папками с историями болезни, располагалась между больничной

лабораторией и кабинетом Абрамова на первом этаже административного корпуса. На двери не было даже надписи, и я еще раз посчитав на пальцах кабинеты, робко постучала в дверь.

— Войдите! — медстатисткой у нас работала бывшая секретарша бывшего главного врача, голос у нее был низкий, учитывая ее солидную комплекцию. Лет ей было около сорока, и трудно было поверить, что когда-то из-за этой полноватой женщины кто-то собирался уходить из семьи. Впрочем, это могли быть только сплетни.

— Извините, меня Петр Васильевич послал сюда. Мы историю найти не можем.

— Чью?

— Больной поступил в субботу, умер на столе.

— Мне не приносили.

— А где может быть? Что я скажу Петру Васильевичу?

— Скажи, что не нашла. Может, Абрамов взял, или в Центральный морг увезли.

— Извините за беспокойство. — Я повернулась и пошла к двери.

— Не лезла бы ты в это дело. — Это сказала тихо бывшая секретарша, или мне послышалось?!

Сегодняшний рабочий день был явно какой-то не такой. Он тянулся так долго, что, казалось, никогда не закончится. Я выполнила все назначения, убралась в процедурном кабинете по второму разу и от нечего делать вышла на крыльцо приемного покоя покурить.

Шикарная черная машина медленно заехала во двор больницы. Дверь автомобиля тихо открылась, и из-за руля вышел молодой человек в черном костюме. Был он круглолиц, и согласно внешним данным мог легко играть Иванушку-дурачка в постановке детской сказки. Проходя мимо меня, он обернулся назад быстрым движением, оглядел больничный двор, и поздоровался со мной, сильно заикаясь:

— З-здравствуйте, девушка, урология на каком этаже?

— На третьем, а вы к кому.

Но Иванушка, немножко косолапя, заходил в приемный покой и не удостоил меня ответом.

Второй парень в черном костюме вылез из роскошной машины и нервно курил.

Он был небольшого роста, светлый ежик стриженых волос торчал как у первоклассника. Я улыбнулась.

Дверь приемного покоя за моей спиной распахнулась так резко, что я чуть не свалилась с больничного крыльца. Из двери вышел маленький человек в черном пиджаке, кажется, такой крой

называют, френч, или сюртук? — некстати пришло мне в голову незнакомое слово. Проходя мимо меня, маленький мужчина посмотрел мне прямо в глаза, и меня поразила мертвенная бледность залитого, словно воском, его кукольного лица. Глаза мужчины тоже ничего не выражали, как будто он смотрел внутрь себя. За ним как тень, буквально вплотную прикрывая ему спину, двигался Иванушка-дурачок. «Телохранитель», только сейчас сообразила я. Кукольный мужчина с явным усилием сел в машину, дверь тихо захлопнулась. «Как крышка гроба» — некстати пришло на ум сравнение, когда я заходила в приемный покой. В приемном покое стояла полная тишина, даже мухи не летали.

— Кто это был? — мой голос прорезал тишину, и все заговорили разом.

— Криминальный авторитет это, — услужливо затарахтела Тамара, наша самая бестолковая санитарка. Она жила рядом с больницей в частном доме, старательно мыла полы на дежурствах, но была занята только мыслями о своем огороде, о чем постоянно сообщала всем окружающим, хотя никто ее и не спрашивал.

— В урологии лежал, проблема с почками у него… — подтвердила Нина, дежурная медсестра, полненькая и кудрявая дамочка лет сорока.

— В нашей урологии? Криминальный авторитет?! — не поверила я.

— Он, вроде, одноклассник Мухина, так говорили. — Нина как всегда все знала. — Вроде на пересадку почки его повезли, он долго у нас лежал, не могли найти почку, у него группа крови редкая, четвертая минус…

История погибающего от почечной недостаточности криминального авторитета мне была явно неинтересна, но из вежливости я стояла и слушала.

— У него сеть казино по всему городу, Мухин у него каждые выходные зависает, играет, говорят, он ему кредит открыл в своих казино за какие-то прошлые дела. Мухин вон машину купил жене, видали? — Никто, похоже, не видал ни Мухинской жены, ни ее машины, но все дружно закивали головами.

— Это он банк снял, сам хвалился Мертвецову во время последнего дежурства.

— Да врет, наверное… — верить в такой фарт никак не хотелось, хотя, в общем-то, мне было по барабану. Как-то скептически я относилась ко всяким выигрышам в лотерею, самой мне никогда не удавалось выиграть хотя бы рубль, а уж если в моментальную лотерею мне доставался халявный билетик, я

просаживала рублей по пятьсот, пытаясь поймать капризную удачу за хвост. Может, я игроманка?

— Да, а тут еще жена от него ушла, к другу его.

— Как ушла, он же ей машину купил?

— Да нет, от авторитета жена ушла, к другу его закадычному. Он и по бабкам бегал, говорят, и по колдунам, а потом таблеток каких-то выпил, вот почки и отвалились.

— Ну и как, помогли колдуны ему, вернулась жена?

— Ага, вернулась, чтобы вещи забрать…

Все засмеялись. В самом деле, парадокс, какую бы власть не имел человек, а насильно мил не будешь, ушла от авторитета любимая жена, несмотря на казино и телохранителей.

— За деньги счастья не купишь! — изрекла глубокую мысль Тамара.

С этим было трудно спорить.

Кстати о деньгах. До зарплаты еще неделя, а денежек у меня в кармане кот наплакал. И корм у Касьяна почти закончился, и я персиков уже третий день хочу, аж зубы сводит! Последняя зарплата почти полностью ушла на оплату телефонных разговоров с любимыми родителями, которые почему-то в последнее время денежными переводами меня не радовали, наверное, в их понимании мне зарплату тоже платили в долларах…

Правда, у меня были еще три тысячи, которые мне сунула жена умершего парашютиста. Но для того, чтобы я могла ими воспользоваться, нужно было продолжить мое частное расследование…

Как ни крути, мне надо достать историю болезни. А еще мне нужен мой бывший сокурсник Валера-сатанист, он работает в городском морге, и уж наверняка сможет мне объяснить, что за странный шрам я обнаружила на животе покойника в нашем больничном морге.

Размышляя на эту тему, я не могла даже предположить, чем это в конечном итоге для меня обернется…

* * *

И все же я решилась частично потратить те самые три тысячи. Они жгли мне карман, и я решила зайти в супермаркет после работы. Вечером дома, покормив кота дорогущими консервами из мяса креветок, я намыла целое блюдо душистых персиков. И вдруг решила перебрать старые фотографии. Лежали они у меня, где попало, и в ящике письменного отцовского стола, и на буфете,

и в тумбочке. Я давно, и не раз давала себе слово купить альбомы, и все фотографии разместить в хронологическом порядке, но руки никак не доходили до дела. А сегодня я просто сгребла все имеющиеся фотки на диван, закутала ноги плюшевым пледом (подарком родителей), и вскользь подумав, какие хорошие теплые вещи Красный Крест присылает голым неграм, «замерзающим» в Африке, стала медленно разбирать квадратики блестящей и матовой бумаги, на которых были остановлены моменты моей жизни.

Вот мама ведет меня в школу. Туго завязанные хвостики по бокам худенького лица. Это восьмой класс, перемена. На фотке выхвачен кусок школьного коридора, и я с учебником биологии. Судя по выражению лица, урок биологии мне явно в тягость.

Море. Цветная фотка запечатлела позапрошлый отпуск. Это виды пригорода Сочи — яркие цветы на толстых стеблях, маленькие пальмы, мама в соломенной шляпке, которая ей ужасно не идет… Родители тогда приехали в отпуск из своей Африки и уговорили меня вместе поехать на море. Я там чуть не умерла от жары и от скуки, поправилась на три килограмма и дала себе слово больше вместе с родителями в отпуск не ездить!

А вот другая фотография. Серо-коричневые холмы, грузовик в камуфляжной окраске, и рядом мой Денис в зеленой бандане улыбается мне, держа на руках маленького толстого щенка, это он в одной из своих командировок, про которые он мне ничего не рассказывал, как я его не расспрашивала. Эту фотографию я выпросила у него за неделю до того, как мы поругались. В носу противно защипало. Я поставила фотографию Дениса со щенком на тумбочку рядом с диваном, сгребла остальные фотографии в кучу, положила их в ящик стола, и легла спать.

* * *

В ту ночь оба Брата плохо спали. Это они выяснили утром за завтраком. Близнецы тонко чувствуют друг друга даже на большом расстоянии, а уж в одной квартире… Дурочка тоже, судя по всему, спала плохо — из ее комнаты время от времени доносился то ли смех, то ли всхлип, то ли бормотание. Братья где-то читали, что даунята, несмотря на слабое развитие, способны чувствовать то, что недоступно обычным людям. Поэтому они ничуть не удивились, когда раздался звонок мобильного и голос в телефонной трубке равнодушно назначил встречу. Быстро съездив на «стрелку» и вникнув в суть дела, они тревожно переглянулись. Такого им еще не поручали. Братьям

было не по себе. За всю свою тридцатипятилетнюю жизнь они пролили много человеческой крови, но всегда делали это, зная, что они «в своем праве». Но похищать человека «на всякий случай»?! Да еще привозить туда, где самих мороз по коже дерет?!

Приехав домой, Близнецы, не сговариваясь, прямо из прихожей прошли в комнату сестры. Умаявшись после бессонной ночи, дурочка спала, из угла рта к подушке тянулась ниточка слюны, редкие волосики были мокрыми от пота и прилипали к вытянутому черепу. Каждый раз, глядя на нее, Братья задавали себе вопрос, за что судьба так наказала их всех? Родители их явно такого не заслужили. Познакомились они на слете Клубов самодеятельной песни, тихо поженились, родили через год двух мальчиков-близнецов, так же тихо и радостно их воспитывали, и мечтали о дочке. Мама сообщила о долгожданной беременности отцу, когда они семьей отдыхали в Судаке на диком пляже. Ей было всего тридцать пять лет, она ничем не болела, и почему девочке не хватило какой-то одной хромосомы, объяснить им не смог никто. Вначале их сестренка отличалась от других детей только разрезом узковатых глаз и постоянно открытым ротиком, но с возрастом она начала отставать в развитии, плохо говорила, только слоги вместо слов. Когда ее отвели в первый класс специальной школы, она, видимо из-за незнакомой обстановки, вдруг стала агрессивной, дралась с детьми в классе, дома била маму. Мама не отстранялась от ее острых кулачков, тихо плакала, а где-то через год, заболев раком, тихо угасла. Папа после ее похорон словно оцепенел, выбросил свою шикарную гитару на помойку (когда он уснул, они пошли ее искать, но конечно, уже не нашли), начал пить, и за два года полностью потеряв человеческий облик, замерз в сугробе пьяный, не дойдя до подъезда каких-то сто метров. Им тогда уже было по шестнадцать. В детский дом их отдавать не стали, формально опекуном стала их бабушка, живущая в пригороде, а вот сестру органы опеки попытались отобрать, чтобы поместить в интернат для неизлечимо больных детей-инвалидов. Неожиданно для себя, Близнецы резко воспротивились — сестренка была напоминанием об их когда-то счастливой и благополучной семье, они и сами не могли себе объяснить этого. Девочка осталась дома, а они дали друг другу клятву никогда ее не бросать. Во многом вся их дальнейшая жизнь была определена необходимостью заботиться о сестре. Рано начав зарабатывать и оценив, чего стоит трудовая копейка, Братья в шальные девяностые примкнули к одной из криминальных группировок, но угрызений совести никогда не испытывали. Близнецы никогда себя не осуждали, за то, что они

делали — ведь у них было прекрасное самооправдание, что они делали это ради больной сестры.

Постояв рядом с кроватью, братья молча переглянулись, и тихо вышли, аккуратно прикрыв за собой дверь. Надо было ехать работать.

Глава 2

Следующим утром я проснулась бодрая и отдохнувшая. Сегодня была среда, всего ничего до конца недели. В среду в отделении работы, как правило, было немного. Дежурить больница будет только в четверг и в субботу, а сегодня врачи выписывают больных, чтобы подготовить отделение к дежурному дню.

Касьян был со мной как-то нетипично нежен: мурлыкал, терся о ноги, не орал, по обыкновению требуя еду. «Не заболел ли?» — такое необычное поведение кота могло говорить о каких-то важных событиях в его кошачьей жизни. На улице моросил мелкий дождь, зонтик я забыла, поэтому, решив не возвращаться, потрусила к остановке. Мутное стекло маршрутки было заляпано изнутри и снаружи. Господи, какая тоска у нас здесь, подумала я. В это серое утро предложение моих родителей плюнуть на мою копеечную работу, сдать квартиру и уехать к ним в Африку уже не казалось таким абсурдным.

В больнице было сонное царство. Мелкий дождик и туман за окном расслаблял как хороший транквилизатор. Хотелось запереть дверь процедурки, лечь на кушетку и, укрывшись белой стираной простыней проспать до обеда.

Я открыла форточку нараспашку и стала протирать столик для инъекций, когда в процедурный кабинет ко мне зашел Ашот Андреевич. Он явно был не в духе, и я приготовилась получить выговор.

Но я ошиблась. Ашот несколько минут постоял, молча на пороге процедурного кабинета, как будто наблюдая за мной, потом вкрадчиво сказал:

— Олеся, я к Вам с просьбой…

Ну и ну, подумала я, какой вежливый сегодня, не к добру.

— Да, конечно, Ашот Андреевич. Что надо сделать?

— Я сегодня своего знакомого положил в седьмую палату. Подойди к нему, пожалуйста, поставь капельницу.

— Конечно, я и так бы поставила. Вы в листке написали? — имелся в виду лист назначений.

— Написал. Просто, тут дело такое. Соболев, новый пациент, — директор машиностроительного завода. Он в больницах сроду не лежал, все больше в Карловы Вары и в Ниццу ездил лечился.

— И каким же ветром занесло такого важного дяденьку в нашу богадельню? — ехидно прищурилась я. — Или деньги кончились?

— Да нет, деньги не кончились — Ашот всегда где-то находил себе богатеньких Буратино, оперировал их блестяще, а потом обдирал как липку. — У него обстоятельства семейные.

Я, молча, слушала, чтобы не показать собственного любопытства.

— В общем, я его семью хорошо знаю, жена двое детей взрослых. А тут он с девицей со своего завода связался, видимо, в одной из командировок скучно стало, в общем, снесло крышу начисто ему, из семьи не уходит, а гуляет в открытую.

— Я-то тут причем? — не выдержала я подробного рассказа об амурных похождениях совершенно неизвестного мне директора.

— У него онкология. Похоже на рак желудка. Я его планирую перевести через недельку в Центральную больницу на операцию, после того как анализ гистологии с фиброгастроскопии придет. А пока он здесь полежит, мы ему покапаем. Только я боюсь, что мадам его с завода таскаться сюда будет постоянно к нему, а она, извините, уже с пузом. А я не хочу, чтобы Люда, жена его, все узнала, или они встретились здесь.

— Так мне что, сидеть там постоянно?

— Да нет, ты не сиди, просто посматривай. Если что, мне звони на мобилу. Договорились? А с меня шампусик.

Я кивнула. Ашот Андреевич повернулся и вышел из кабинета. Даже со спины было видно, как он огорчен. Ничего себе история. Только хотел человек новую жизнь с новой женой начать, а вот оно, и добегался…

Посмотрев листок назначений господина Соболева (фамилия-то какая, прям купец!), я заправила капельницу и пошла в седьмую палату.

На кровати в палате «повышенной комфортности» лежал мужчина средних лет, лысеющий, с хорошим открытым лицом. Правда, выражение лица здорово портила гримаса брезгливости, видимо, при виде наших «хором», которые смотрелись довольно убого, по сравнению с курортом в Ницце.

Конечно, «повышенная комфортность» у нас в больнице — это не клиника Мейо, где больные питаются на «шведском столе» и плавают в бассейне, а просто одиночная палата со стареньким холодильником и отдельным санузлом.

— Здравствуйте, капельницу поставим? — мой вопрос звучал чисто формально, ну не откажется же он, в самом деле?

Директор не успел мне ответить, как дверь распахнулась настежь, и в палату ворвалась энергичная особа лет двадцати пяти, видимо, это и была его любовница, потому что ее худенькую невзрачную фигурку уже закрывал уродливый

балахон. При виде девицы Соболев занервничал, попытался встать, но скривился от боли и откинулся на подушку.

— Выйдите из палаты, девушка! — пришла я ему на выручку. — Вы что не видите, я капельницу ставлю, вам тут нельзя находится, подождите в коридоре.

С таким же успехом я могла разговаривать с подоконником. Промчавшись мимо меня, и чуть не опрокинув капельницу, нахалка села на край кровати, вытащила из сумочки носовой платочек с гламурной вышивкой, и стала вытирать вспотевшему директору лоб.

«Надо звать Ашота, а то затопчет…» — задвинув капельницу в угол, я побежала в ординаторскую.

Ашот Андреевич, к счастью, еще не ушел в операционную, решительно вошел в палату, и через минуту вывел оттуда наглую девицу, и увел ее в ординаторскую, видимо, для промывки мозгов.

— Сериал мексиканский, а не больница, куда только катимся, никакого уважения к медицине… — бормотала Аня, разбирая листки назначений на посту в коридоре. В этот раз я была с ней согласна на все сто процентов.

Но как показали последующие события, мексиканский сериал еще и не начинался.

Где-то через полчаса, уже заканчивая выполнять назначения, я услышала громкие женские крики, доносившиеся из коридора. Решив, что опять кто-то умер, и, посетовав на несдержанных родственников, я выглянула в коридор. Моим глазам предстала дикая картина: в коридоре дрались две женщины. Одну я знала: беременная любовница директора завода. Вторая, как я понимаю, женой тоже быть не могла, так как явно была моложе первой лет на десять. Девица выглядела как персонаж комиксов: в черной водолазке и брюках, с черными волосами и черными длинными ногтями, она наскакивала на свою противницу, пытаясь дотянуться до ее глаз. На прыщавом личике соискательницы руки директора уже сияли две здоровенные царапины, в глазах стоял ужас, она била свою противницу по спине маленькой голубой сумочкой и при этом визжала как сумасшедшая. Картина была настолько нетипичной для отделения, что все прибежавшие на крик, застыли как вкопанные: Ашот Андреевич держался за сердце, Аня держала в руке поднос с лекарствами так, как будто готовилась опустить его на голову дерущихся девиц, но при этом не двигалась с места. Не растерялась только наша древняя Ольга Павловна, видимо сказался фронтовой опыт. Она схватила графин с водой, стоявший на тумбочке около палаты, налила полный стакан и плеснула в лицо разъяренным девицам.

Представляете, они зашипели! Ашот схватил за руки беременную сожительницу, и вытолкал ее из отделения. А Ольга подошла к черной девице, обняла ее за плечи и увела в ординаторскую. Девица при этом заплакала.

— Аня, что это? — спросила я, пятясь в свой кабинет, вполголоса.

— Дочка его, директора завода. Та, любовница видно вчера к ним домой прирулила, рассказала, что беременна. Жену директора с инфарктом в седьмую ночью увезли. А дочка пришла за папу отомстить. А может, за маму, их не разберешь. Вот ведь трагедия. — Аня склонилась над столом, чтобы рассортировать лекарства, сбившиеся на подносе в кучу во время боевых действий, всей своей позой показывая, как нелегка жизнь.

— А чего она черная такая, как из мультика? — я уже не могла остановиться.

— Готка она, неужели не видишь. Они все так одеваются. — Аня передернула плечами, показывая, что разговор закончен.

Включив в кабинете кварцевую лампу, я вдруг подумала, что больше всего в этой истории мне жалко директора завода. Никому-то до него нет дела, до его онкологии. Может и не случайно он с девицей этой сошелся — от такой вот доченьки скорее нож в спину дождешься, чем почтения да понимания… Я не понимала смысла молодежного увлечения так называемой готикой. Что заставляет молодых людей тусоваться на кладбище, раскрашивать лица в виде маски не выспавшегося вампира, постоянно говорить о смерти? Неужели в их жизни так мало привлекательного? Но судя по всему, дети из не богатых семей не увлекаются готской культурой. Да и дочка директора завода вряд ли испытывала по жизни какие-либо затруднения. Может быть, это протест непонятых родителями детей? Но зеленый или малиновый гребень панка, мне кажется, в большей степени уместен на голове двадцатилетнего молодого человека, чем жуткие черные волосы и шарф с черепами. Впрочем, может быть все это не философия — а дань дикой моде. Моде на смерть.

Было около пяти часов вечера, когда я вышла из больницы и не торопясь пошла к автобусной остановке, прикидывая, что буду делать вечером. Во-первых, надо купить консервов и покормить кота. Во-вторых, можно выбить ковер и пропылесосить квартиру. В-третьих, надо покрасить волосы хной, а то уже рыжая искорка в волосах почти незаметна. Этот процесс я не любила особенно. Жидкая кашица хны оставляла пятна везде — на руках, на лице, на любимом розовом халатике.

Как ни странно, сегодня после работы о событиях в больнице мне думать совсем не хотелось. В самом деле, все это меня не

касается. Может быть, вообще ничего особенного не произошло, ну умер больной, всякое бывает, а неприятные предчувствия объясняются моими фантазиями, вызванными одиночеством и любовью к детективным историям? Но придумать причину, которая вынудила пациенту с вывихом бедра резать живот, я так и не смогла, как ни старалась. Так вот, в размышлениях, я почти добралась до своего дома. В этот момент сильный порыв ветра взлохматил столб пыли на дороге, и мне что-то попало в глаз. Возвращаться в больницу не имело смысла, и я решила удалить соринку сама, остановилась около покосившейся разбитой скамейки у подъезда многоквартирного дома и вытащила пудреницу из косметички. Соринку в глазу я так и на заметила, собрав волю в кулак подхватила пальцами верхнее веко и одела его на нижнее. Этот способ удаления инородных тел из глаза нам показывал в медицинском училище один из наших преподов, служивших врачом-подводником на Северном флоте. Резь из глаза тут же ушла, я вытерла слезы со щеки, и в этот момент заметила, что позади меня метрах в тридцати стоит темно-зеленая иномарка, в салоне сидели два человека. Все бы ничего, но эту машину я уже видела краем глаза, выходя из больницы, а цвет очень запомнился, приятно порадовав глаза на фоне серого города. Пока мы встречались, Денис научил меня некоторым своим оперативным штукам. Машина стояла в совершенно не логичном месте, почти на автобусной остановке, и при этом, чуть ближе ко мне, была удобная и полупустая парковка. Во мне разлился не приятный холодок, и сразу как-то ослабели ноги. Господи, неужели за мной следят!

Почему за мной, возможно, следят, вот вопрос. Кроме меня на улице находились — хромой местный дворник Юра и сантехник из ЖЭКа, они, оба уже подвыпившие, шли из минимаркета, о чем свидетельствовала бутылка водки и батон в прозрачном пакете, шумно обсуждали какую-то Любку с соседнего участка.

Еще по улице неторопливо шли две лаборантки из нашей больничной лаборатории, рассуждая о преимуществах и недостатках разных способов засолки огурцов, выращенных на даче.

Держался за больничный забор, изо всех сил стараясь не упасть, молоденький вдребезги пьяный паренек, которому только что в приемном покое обработали рваную рану на щеке, и, естественно, отпустили домой. Правила предписывали госпитализировать пациентов с ранами лица, но парень был настолько пьян, что с ним, конечно, никто не стал возиться.

Поэтому, скорее всего, те, кто находился в иномарке, следили

именно за мной.

«Надо бежать» — подумала я и рванула навстречу моим возможным преследователям мимо автобусной остановки к стоящему трамваю. Такое импульсивное, но в то же время правильное решение я приняла, основываясь на смеси страха и тех обрывков знаний, которые мне успел вдолбить в голову Денис. «Преступника, если ты слабее его, надо ошеломить — говорил Денис — если жертва бежит, то ее надо догнать, если жертва кричит, то ей надо заткнуть рот. Такое поведение и преступника, и жертвы естественно. А вот что будет делать нападающий, если его жертва пойдет ему на встречу с распростертыми объятьями и криком — Дорогой ты мой! Ну, наконец-то я тебя нашла!». Все это промелькнуло у меня в голове, когда ноги меня уже несли в сторону трамвая, уже открывшего двери на остановке. И я увидела удивленные и растерянные лица моих преследователей, сидевших в машине. Я успела заскочить в уже закрывающиеся двери трамвая. Протиснувшись в вагон, я увидела, что села на маршрут, следовавший по городскому кольцу. Я постаралась расслабиться и подумать. Так, а ведь они точно, по мою душу. Чем может вызвать такое выражение лиц обычная девушка, спешащая на трамвай. Только если эта девушка должна делать что-то противоположное, по их мнению. Резкий тычок локтем под ребра оторвал меня от этих раздумий. В трамвае было полно народу. Бесплатный проезд в электротранспорте для пенсионеров в нашем городе обеспечивал этому самому электротранспорту катастрофическую бесплатную же загрузку. Куда они все едут? — в который раз задала я себе вопрос, с усилием пробираясь на заднюю площадку, чтобы быть поближе к окну. Средний возраст пассажиров, стоявших вокруг меня, был никак не менее 70 лет, причем я попала в самый центр стихийного митинга, организованного каким-то седым мужчиной лет семидесяти, видимо, для того, чтобы было не так скучно ехать.

— Вы посмотрите, что они с нами делают! — громко возмущался противный худой старик в черном видавшем виды пиджаке.

— Я сорок минут стоял на остановке, даже в войну трамваи чаще ходили!

— У нас интервал утвержденный, тридцать минут. — Парировала уставшая от бесконечных претензий кондукторша. — Не нравиться ждать, езжайте на такси. За проезд платим! Проездные предъявляем!

Старик не унимался.

— Сволочи! Довели народ! Расстрелять их всех!

В этот момент трамвай резко затормозил. Я впечаталась носом с потную спину кондукторши, стоявшей впереди меня, и чуть не упала.

Молчавшие до этой минуты другие пассажиры как по команде тоже начали орать.

— Не дрова везете!

— Осторожнее надо!

— Ой, мне ногу отдавили! Мужчина!

Трамвай встал как вкопанный, двери открылась.

— Выходите, авария. — Мстительно сообщила пассажирам кондуктор.

— Деньги за билет верните!

— Мне ехать надо!

— Сколько можно!

Я тихонько вышла из трамвая, и увидела, что впереди на трамвайных путях стоят две иномарки. Огромный черный «Лексус», видимо, хотел обогнать скромную серую «десятку» по трамвайным путям, но не рассчитал, и притерся к ней правым боком. Водитель Лексуса, который был, несомненно, сам виноват в этой аварии, тем не менее, вел себя как Кинг-Конг, которого только что выпустили из клетки. Он неистово стучал кулачищами по капоту разбитой машины, орал как бешеный слон, пытался открыть пассажирскую дверь «десятки», и вытащить из салона незадачливого водителя, который сидел в салоне и, видимо, так переживал случившееся, что стекла его машины изнутри запотели.

Высыпавшиеся, как горох, из трамвая пенсионеры окружили место событий, видимо желая бесплатных зрелищ вместо бесплатного проезда.

«Стоять вам здесь и стоять», — подумала я, и, внезапно осененная гениальной мыслью, отправилась на работу к Денису. В самом деле, почему мне раньше не пришло в голову посоветоваться о том, что произошло за последние два дня с кем-нибудь из наших общих с Денисом друзей, работавших в правоохранительных органах?

Волею случая, сейчас я находилась неподалеку от базы отряда спецназначения, которая располагалась в здании старой постройки на небольшой улочке в центре города. Глядя на это старинное двухэтажное здание никак нельзя было предположить, что в нем располагается не музей и не музыкальная школа, и даже не кружок народного танца, а база отряда спецназначения криминальной милиции города. Ну не все же они уехали в командировку, кто-то остался, мысленно уговаривала я себя, старательно обходя грязные лужицы на асфальте, оставшиеся

после вчерашнего дождя.

Грязь в центре города была везде — на тротуарных дорожках, на проезжей части, во дворах. В городе велась точечная застройка центра, и огромные КамАЗы, подвозившие на новостройки бетон и другие стройматериалы, несмотря на строжайший приказ главы города не выезжать со строительных площадок с не помытыми колесами, заваливали жидкой грязью все вокруг.

Поскользнувшись на комке мокрой глины, я чуть не сломала каблук, и чтобы не упасть, мне пришлось уцепиться за край растяжки с надписью «Отстоим наш двор!». Сверху криво была пририсована буква Р. Здесь шла война между застройщиками и жителями тех дворов, в которых велась застройка. Жителей можно было понять: в один момент их привычная жизнь менялась, вырубались деревья, посаженные ими собственноручно десятилетия назад, рылись котлованы, заполняя дворы несусветной грязью, шум и грохот стройки пробивался даже через европакеты окон. А когда дом, наконец, был построен, тротуары и оставшиеся газоны заполняли дорогие иномарки новых жильцов, презрительно смотревших на своих соседей из не престижных «трущоб». Классовая ненависть цвела махровым цветом: под бамперы дорогих машин подкладывались кирпичи и палки враспор, прокалывались колеса, иногда машины поджигали. Логика чиновников, разрешивших точечную застройку, мне была понятна, точнее даже не логика, а величина «отката», но почему никто из жильцов не написал в Верховный суд о нарушении своих прав и всяческих жилищных норм, запрещавших строить здания в пяти метрах друг от друга?

На базе отряда спецназначения было пустынно.

Молодой дежурный в камуфляже, сидевший за стареньким письменным столом на входе, неприязненно на меня посмотрел.

— Вы кто? Здесь посторонним нельзя.

— Кто-нибудь есть здесь, кроме вас? Я посоветоваться пришла.

— Девушка, здесь база отряда спецназначения. Советоваться по своим делам идите к участковому.

Я молча кивнула, и вышла во двор. Уже смеркалось, в середине двора грудой металла возвышался то ли БТР то ли БМП, никогда не могла понять, в чем разница. Выходя из ворот, я буквально наткнулась на темно-зеленую машину, так напугавшую меня днем. Дверь автомобиля была открыта. Проходя мимо машины, я заглянула в салон, там находилось два человека. Мне показалось, что у меня двоиться в глазах, они были похожи, как две капли воды.

Стараясь не бежать, я пошла по старой улочке по

направления к центру города. Машина вроде бы осталась на месте. Может, это Денис попросил за мной приглядеть? Однажды уже было что-то подобное. Желая произвести на меня впечатление, где-то через месяц после нашего знакомства, он вдруг посреди полного здоровья предоставил мне полный фотоотчет о моих передвижениях по городу в выходные. Сам он в те выходные работал, а я болталась без дела, не зная, чем себя занять. Когда я увидела фотографии, запечатлевшие меня без моего ведома, я озверела, и мы в первый раз сильно поругались.

Болталась по городу я же больше двух часов. Поскольку я замерзла и проголодалась, да и ноги уже гудели от усталости, я решила зайти в пиццерию, которая была неподалеку. Пиццу я не особо любила, но выбирать не приходилось. Просидев полчаса в полупустом кафе и убедив себя, что слежка мне померещилась, приняла твердое решение вернуться домой.

Родной двор хоть и был безлюдным, но выглядел абсолютно безопасным, вокруг кирпичной пятиэтажки шумели огромные тополя. Сейчас листья с тополей уже опадали, и на дорожках было много желтых пятен, прозрачно намекавших, что осень не за горами. Машины, так испугавшей меня днем, во дворе не было. Подойдя к своему подъезду, я внимательно осмотрелась, не заметила ничего подозрительного и стала медленно подниматься по лестнице. Неожиданно для меня лампочка в подъезде погасла, но бежать вниз было уже поздно, и я трясущимися руками начала открывать свою дверь.

— Извините, можно вас на минуту? — раздался мужской голос, и в эту минуту свет в глазах померк, и сознание покинуло меня.

* * *

Анестезиолог районной больницы чувствовал себя совершенно раздавленным. Ему вчера опять звонили из банка. Когда он полгода назад покупал новенький Форд в автосалоне, Анестезиологу казалось, что ежемесячный взнос размером в половину его официальной зарплаты — это пустяки. Жена поехала вместе с ним, а теща отказалась и осталась дома. Еще бы! Смотреть, как ненавистный зять покупает новый автомобиль, этого еще не хватало. Глаза жены светились счастьем, как десять лет назад, когда они только поженились. И Анестезиолог был готов отдать все на свете, чтобы она стала прежней, веселой, не раздражалась и не кричала на него по любому поводу. Но радость от приобретения быстро улетучилась, а теща после покупки

машины удвоила свои требования. Анестезиолог крутился, как мог. Кушал на дежурствах больничную еду. Курил дешевые сигареты. Ходил пешком на работу. Занимал деньги до зарплаты у знакомых. Но теща с женой вдруг решили поехать на санаторное лечение в Кисловодск, и ему пришлось идти в другой банк и просить кредит на личные нужды. Один заем наложился на другой, денег совсем не стало, жена опять начала раздражаться и рано ложилась спать, постоянно ссылаясь на головную боль. В банке, выдавшем кредит на машину, после трех месяцев просрочки его кредитный договор отправили в фирму, выбивающие долги из неплательщиков всеми доступными методами. Анестезиологу стали регулярно звонить домой, а он, даже не вникая в суть угроз, все боялся, что жена услышит разговор. Неделю назад вечером у своего дома Анестезиолог увидел трех накачанных парней, представившихся представителями агентства по возврату долгов. Они объяснили Анестезиологу, что из-за просроченных выплат сумма долга увеличилась, и дали две недели отсрочки, чтобы он нашел деньги. Анестезиолог был в отчаянии и даже дал в интернете объявление о том, что хочет продать свою почку. На объявление никто не откликнулся, но тут его неожиданно вызвал заведующий. И доверительно сказал ему, как он может заработать ДЕНЬГИ. Это было ужасно, это противоречило всему, ради чего он жил. Но, похоже, для Анестезиолога это был единственный выход.

Глава 3

Я очнулась от жуткого холода, пронизавшего все мое тело. При попытке пошевелиться виски и затылок пронзила жуткая боль. Я лежала со связанными за спиной руками в полной темноте на голом холодном кафельном полу. Пытаясь рассмотреть помещение, я приподняла голову, но ничего не увидела. Повязки на лице я не ощущала, значит или я ослепла, или вокруг меня кромешная темнота. Вначале я решила что сплю, и даже не испугалась. Но через несколько минут я поняла, что это не так. Очень болело плечо, кисти связанных рук, кружилась голова. Поскольку видеть в темноте я не могла, я втянула носом воздух, чтобы по запаху определить, где я нахожусь. Воздух вокруг меня был затхлым и вонючим. В больницах так не пахнет, это точно. Где еще может присутствовать вот такой кафель на полу? В лаборатории? Но там воняет реактивами и мочой. В гараже? Однако металлом и бензином здесь точно не пахло.

Запах был тягучий, сладковатый, терпкий, с примесью гнили и тлена. Неужели я в судебном морге? Мысль о том, что за стеной может находиться несколько десятков мертвых тел, напугала меня даже больше, чем мое нынешнее беспомощное положение. Какое-то время я пыталась понять, где я нахожусь, а потом до меня дошло, что меня сюда привезли не для того, чтобы пообщаться. Если я не возьму себя в руки, и не выберусь отсюда, меня, скорее всего, убьют. Нет сомнений, что я попала сюда из-за глупого любопытства, которое проявила в полной мере, пытаясь расследовать смерть незадачливого парашютиста. Скорее всего, в смерти мужчины на вводном наркозе присутствовал какой-то криминал, который обнаружила знающая и порядочная Софья Матвеевна. Ее убили, и меня, скорее всего, тоже убьют. И я буду лежать в морге, мое лицо закроют простыней, из-под которой будут торчать мои восковые лодыжки. Я с трудом удержалась, чтобы не завыть в голос.

Как я могла так влипнуть? История с парашютистом Серёгиным, так нелепо начавшаяся в субботу на обычном дежурстве казалась мне сейчас дурным сном. Но проснуться не получалось, как я не убеждала себя, что вот-вот зазвенит будильник, я сяду на краю дивана, обиженно мяукнет потревоженный Касьян, и все будет как обычно…

«Мне нужно срочно что-то придумать, чтобы выбраться отсюда», — я постаралась не думать об угрожающей мне смертельной опасности, и попробовала сесть, но связанные за спиной руки онемели, ноги скользили по холодному скользкому

кафелю, не находя опоры. От отчаяния я заплакала, щеки защипало, стало трудно дышать. Нет, так не пойдет, надо думать о чем-нибудь хорошем, приказала я себе.

Я попыталась вспомнить лицо Дениса. После нашей ссоры я старалась не думать о нем, но сейчас мне было очень плохо. Денис Викторович Павловский, майор милиции, 32 года. Серые прищуренные глаза, волевой подбородок, широкие, азиатские скулы. Господи, любимый мой, где ты? Денис часто рассказывал мне истории из своей жизни. Служба в ВДВ, потом Школа милиции, командировки на Кавказ. Мне казалось это далеким от обычной жизни, и я обычно слушала его невнимательно, зная, что он это видит, и злится.

Не плакать, не распускаться, не отчаиваться. Я должна понять, чтобы предпринял Денис, окажись он на моем месте.

Я должна выбраться отсюда, пока меня не убили.

Так, спокойно! Успокоиться и думать.

Восстанавливаю дыхание, это раз.

Освобождаю руки, это два.

Выбираюсь из этого чертового места, это три.

Голова продолжала нестерпимо болеть, мешая думать, во рту был противный металлический привкус. Кровь, или они меня чем-то накачали?..

Почему меня сюда привезли, зачем? Этого понять я не могла. Видимо, кто-то решил, что я что-то знаю. Но ведь меня даже не было в операционной!

Зато общалась с женой умершего пациента, дура! Я разговаривала с ней практически на глазах у всей больницы, она передала мне визитку и деньги.

В понедельник я, изображая из себя детектива, пошла в больничный морг, где общаясь с патологоанатомом, опять привлекла к себе чьё-то внимание.

Заметила Софья что-то странное, или ее убили «на всякий пожарный» значения не имело. Важно, что я поперлась туда, куда по роду моей деятельности мне ходить не полагалось.

Во вторник ко мне приходил частный детектив, и я общалась с ним на лестнице запасного выхода.

После этого в поисках истории болезни умершего пациента я отметилась в отделе медстатистики, получив там, кстати, предупреждение «не вмешиваться в это дело».

Ну и последнее — я зачем-то поехала к Денису на работу, чертова идиотка! Если за мной просто Могла бы просто позвонить, оставить свои координаты. Меня сейчас хотя бы теоретически могли хватиться, и начали бы искать.

Почему меня привезли в морг? Ну, это очевидно, потому что

в морге легче всего спрятать чью-то смерть от посторонних любопытных глаз. Я помню кое-что из Валеркиных рассказов о буднях судебно-медицинского морга. О том, как в один гроб за большие деньги кладут второго покойника и везут хоронить на окраине кладбища в общей могиле. Или о том, как санитары морга срезают длинные волосы с головы молодой умершей женщины, а потом несут и продают эти волосы в салон, занимающийся наращиванием волос. Как здорово, что я никогда не наращивала волосы!

Задумавшись, я не заметила, в какой момент кисти моих рук совершенно онемели. Медлить больше было нельзя, и я предприняла попытку освободиться. Я досчитала до десяти, втягивая, а потом с силой напрягая брюшной пресс, после чего постаралась успокоиться и расслабилась. Потом глубоко вздохнула, задержала дыхание, и, приняв как можно более компактную позу, резко перевела связанные руки вперед, изо всех сил поджав к груди колени. Рост у меня «метр с кепкой», вес маленький, я гибкая, поэтому у меня все получилось.

Я всегда злилась, когда Денис показывал мне подобные «примочки». Но сейчас его тупая дрессура, как я тогда считала, похоже, могла спасти мою жизнь.

Теперь мне нужно было освободить связанные руки. Мои похитители использовали банальный скотч, поэтому, потратив всего несколько минут, я его перегрызла, выплюнула обрывки и осмотрелась.

Но что толку-то, в комнате была темнота, хоть глаз коли. Шарахаться впотьмах не хотелось, можно было нечаянно налететь на что-нибудь, поэтому я нащупала руками холодную кафельную стену, привалилась к ней спиной, обняла руками колени, чтобы хоть как-то согреться, и как ни странно — заснула.

* * *

Рабочий день близился к концу. Как всегда, после возвращения из отпуска Судебный Эксперт всей кожей ощущала нестерпимый запах, пропитавший все вокруг. Надо потерпеть, через пару дней это пройдет, и запах перестанет ее донимать. Судебный Эксперт и сама не понимала, почему на пятом курсе вдруг решила, что станет судебным медиком. Веселая и разбитная отличница, душа компании, она никак не ассоциировала себя с темной энергетикой человеческой смерти. Впервые посетив судебно-медицинский морг во время учебных занятий, она вдруг почувствовала себя необыкновенно живой на

фоне мертвецов, лежащих на стеллажах в холодном помещении морга. Это ощущение радовало ее недолго, оно улетучилось уже после пары лет самостоятельной работы судебно-медицинским экспертом. На дежурствах она сопровождала оперативные группы на место убийства, где видела смерть в разных проявлениях, тщательно записывая ее признаки в судебно-медицинском протоколе.

Мысль о том, что все рано или поздно умрут, стала ее навязчивым состоянием. К чему шить новое платье или делать другую прическу, ведь перед лицом смерти, которая неизбежно наступит рано или поздно, это не имеет значения. Однажды она рассказала о своих мыслях отцу, и он уговорил ее пойти к психологу. Результатом двухлетних занятий в группе психоанализа стало рождение дочери, которое на некоторое время отвлекло ее от размышлений о смерти. Но смерть не покинула ее, она всегда была рядом, и ей хотелось закрыть глаза и никогда больше не видеть как из полуразложившегося носа мертвеца, найденного на городской свалке, выползает опарыш. Сегодня Судебному Эксперту пришлось совсем тяжело, изнасилованная и задушенная девочка была ровесницей ее десятилетней дочки, поэтому ей пришлось сделать два перерыва, пока она закончила вскрытие.

Трудно было представить человека (или нелюдя!?), который так изуродовал ребенка. Неужели он получал от этого удовольствие? Что чувствовала перед смертью маленькая мученица, она и представить не могла, но ребенок до самого конца был в сознании, она знала это точно.

На тонкой шейке убитой девочки было несколько странгуляционных полос, одна самая глубокая. Это значило, что убивавший девочку изувер несколько раз затягивал и ослаблял шнур у ребенка на шее, любуясь, как жизнь то гаснет, то появляется в маленьком тельце. И кто-то еще пытается говорить, что смертная казнь — зло?!

Неожиданно раздался звонок на мобильный телефон, ночью предстояла работа, и она как всегда обрадовалась этому. То, что Судебному Эксперту предстояло сделать, не было сложным, и очень хорошо оплачивалось.

* * *

Я не знаю, сколько я спала, но когда я открыла глаза, в комнате уже было чуть светлее и можно было различить очертания маленького продолговатого окна. Подойдя к нему на

цыпочках, я обнаружила, что оно снаружи заколочено широкими досками. Зато внутри на фрамуге окна присутствовала ручка! Я нетерпеливо огляделась. Стены комнаты покрывал светлый кафель, а вот мебели не было, кроме медицинской кушетки и металлического ведра, покрытого тряпкой.

Прежде чем действовать, надо все тщательно продумать — так учил меня Денис. И почему только я его невнимательно слушала?

Я могла выбраться из этой комнаты или через дверь, или через окно. На всякий случай я тихонько подошла к двери и осторожно покрутила ручку, но дверь, конечно, была заперта. В комнате не было ничего подходящего, чтобы попробовать взломать замок. Внезапно в коридоре послышались шаги. Я замерла у запертой двери, стараясь даже не дышать. Выбор действий, если кто-то войдет в комнату, у меня был невелик.

Кинуть в лицо вошедшему половую тряпку, затем, пока не очухался, изо всех сил ударить его по голове пустым ведром, и бежать к выходу — это раз. Заползти под медицинскую кушетку и, схватив вошедшего за лодыжки, резким рывком попытаться свалить его с ног, это два. Не густо, подумала я, попытавшись изобразить из себя хамелеона и слиться с кафельной стеной.

— Игнат! — прервал мои лихорадочные размышления мужской голос за дверью.

От неожиданности я подпрыгнула, чуть не опрокинув пустое ведро.

— Чего?

— Шеф звонил, сказал в семь приедет.

— А чего так поздно?

— Труповозка опаздывает, их куда-то вызвали.

— Ладно, тогда позже ее кольну…

Шаги удалились.

Так. Все плохо. Кольнуть, несомненно, собираются меня. После укола ясно, что со мной будет. Меня разделают как рождественскую индейку, изуродуют лицо, срежут кожу с кончиков пальцев, чтобы нельзя было опознать, а затем… Меня охватил ужас, я с трудом сдержалась, чтобы не заорать, сильно укусила себя за палец, и снова попыталась собраться с мыслями.

В коридоре их там двое. Может, кто-то еще есть в подсобке. Значит, в коридор бежать бесполезно, меня там схватят. Остается один выход — в окно. Но как я смогу вылезти через окно, забитое снаружи досками?

Допустим, я переверну тихонько ведро, встану на него, открою фрамугу (если она не заколочена). А что я буду делать дальше? Я взяла в руки ведро, и, провозившись с ним минут пять,

сняла металлическую круглую ручку, после чего перевернула ведро, встала на него и попыталась открыть окно. Ручка повернулась, но створка окна не поддавалось мои усилиям. Я покачала окно, толкнула наружу и снова потянула на себя. Оконная створка поддалась. Тихонько, так, что бы не издать не звука, я распахнула окно и, просунув конец ручки ведра в щель между досками, начала их отжимать. Звук треснувшей доски раздался в моих ушах грохотом, но терять мне было уже нечего, и, обдирая в кровь локти и колени, я втиснулась в узкую щель между досками. Изворачиваясь, как ящерица, я выпала на асфальт из окошка цокольного окна. Несколько секунд я лежала на земле, пытаясь отдышаться, сердце бешено колотилось, из глаз текли слезы.

Через несколько мгновений, с усилием встав на ноги, я огляделась по сторонам.

Вокруг располагался гаражный массив. Бетонные блоки перемежались металлическими воротами с написанными на них масляной краской трехзначными номерами.

«Надо убираться отсюда, пока никого нет», — подумала я, и в этот момент раздался собачий лай. Ко мне бежала небольшая лохматая собака, а за ней еле поспевал какой-то дядька в спортивном костюме.

— Помогите! — бросилась я к нему.

Ничего не спрашивая, он повернулся, и быстро пошел прочь. Я, прихрамывая, заковыляла за ним, старалась не отставать. Рядом со мной, как ни в чем не бывало, молча, бежала его собака. Когда гаражи остались позади, мужчина обернулся. Он был похож на учителя физкультуры и бродягу-путешественника одновременно. Возраст определить было сложно — может быть и пятьдесят, и семьдесят. Худощавое лицо рассекали морщины, которые появляются у людей волевых и отважных. Мешки под глазами и легкий запах перегара говорили, что мужчина «после вчерашнего». Но взгляд его пронзительных серых глаз был молодой, и как ни странно, трезвый.

В критических ситуациях лучше говорить правду, или хотя бы полуправду, поэтому я выпалила:

— Меня сильно ударили по голове в подъезде и привезли туда, — я махнула рукой в сторону морга. Мужчина не двинулся с места, и молча, как-бы вопросительно, продолжал смотреть на меня.

— Я еле выбралась оттуда… Помогите мне! — в моем голосе звучало отчаяние.

— И чем же я могу помочь? — пожал он плечами, — может, тебе в милицию стоит пойти?..

— Я не могу сейчас в милицию, у меня документов нет, они меня там слушать не станут. Мне позвонить надо и хотя бы умыться… — растерялась я.

— Извини, у меня дома мама старенькая, она не поймет, — как бы оправдываясь, ответил мне мужчина, — а вот на работу могу тебя отвести, пойдем.

— А собака?

— Пойдет с нами, правда, Дик? — повернувшись ко мне спиной, мужчина повернулся и пошел, даже не посмотрев, иду ли я за ним.

— А где вы работаете? — ободранную коленку жгло как огнем, но я старалась не отставать, и почти бежала рядом.

— Придем, увидишь.

Собака, высунув язык, бежала рядом, опасливо кося глазом в мою сторону. Пес явно проявлял осторожность, видимо я показалась ему подозрительной.

Местом работы моего нового знакомого, которого звали довольно банально — Иван Ивановичем — была районная подстанция Скорой помощи, находившаяся где-то в десяти минутах ходьбы от гаражного массива. Время было пять утра, весь дежурный персонал подстанции спал, даже диспетчер дремала у телефона, положив кудрявую голову на сложенные на столе руки.

Стараясь не шуметь, я прошла в женский туалет, умылась там ледяной водой, и, дрожа от холода, попыталась хоть немного привести в порядок свою одежду.

Когда я вошла в маленькую комнатку, видимо, служившую сотрудникам подстанции кухней, мой новый знакомый уже заварил чай и выложил в керамическую вазочку, с отбитым краем разломанную на мелкие кусочки заветренную шоколадку. Я обхватила кружку с горячим чаем, пальцы рук наконец-то согрелись, и минут через пять от шоколадки не осталась и следа.

— Согрелась, пришла в себя? Ну, рассказывай, что с тобой случилось… — Он внимательно смотрел на меня, пытаясь, видимо понять, как я очутилась в такое раннее время в таком безлюдном месте. Сил врать и изворачиваться у меня не было, поэтому тихо, неторопливо, прихлебывая горячий чай из кружки, который по мере того, как кружка пустела, мне заботливо туда подливал мой собеседник, в ритме давно забытой детской сказки про колобка: «жили-были», я поведала моему новому знакомому все события последних дней.

Когда я закончила, он долго молчал.

— Да, попала ты в самое пекло… — Иван Иванович задумчиво вертел на пальце связку ключей от квартиры.

— В смысле? — булькнула я в чашку с горячим чаем.

— Сама подумай. Скорее всего у того парня незаконно удалили какие-то органы. Умер он, возможно, случайно, от наркоза, сейчас аллергии знаешь сколько? Этим воспользовались те, кому срочно были нужны органы для пересадки. Судя по разрезу, у несчастного вырезали печень для пересадки.

— Незаконной пересадки? — уточнила я очевидный факт.

— Ну, конечно. Зачем им похищать тебя, если они действуют в рамках закона? — Иван Иванович резко встал и прошелся по маленькой комнатке, размахивая руками. Видимо, эти движения помогали ему размышлять.

— А почему меня привезли в морг? — я старалась казаться наивной. Мало ли что за человек мой новый знакомый!

— А куда тебя везти? На кладбище? Там скрыть следы преступления не так-то просто. А потом, наверное, твои органы тоже могли впоследствии кому-то пересадить. У тебя какая группа крови?

— Третья минус. — Мне стало холодно.

— Вот видишь! Редкая группа… Ты вообще разницу между больничным и судебным моргом знаешь? — вопрос был задан таким тоном, что промолчать мне не удалось.

— Приблизительно… Ну, не точно. В больничном морге лежат больные, а в судебном убитые, наверное.

— В принципе ты права, девочка. В больнице смерть пациентов связана или с течением болезни, или с проводимым лечением. Вскрытие там проводят, чтобы узнать, правильно ли лечили больного. После этого его тело выдают родственникам. В основном в больнице умирают люди или пожилые, или тяжелобольные. — Иван Иванович снова начал ходить по комнате, сопровождая свои слова жестом, как будто он что-то рубил.

— Если же человек погибает насильственной смертью, его тело везут в судебный морг, где проводится судебно-медицинская экспертиза. Как правило, в результате насильственной смерти гибнут люди молодые и здоровые, если этот факт на экспертизе подтверждается, прокуратура возбуждает уголовное дело. Если есть родственники — тело выдают им.

— А если родственников нет? — мой голос от волнения сел, и эти слова я прошептала тихо, как будто боялась, что меня услышат.

— Труп считается невостребованным, и его следует хоронить в общей могиле за счет государства. Обычно таким телом сотрудники морга могут распоряжаться по своему усмотрению: например, отправляют труп в анатомку, где после длительной обработки формалином из него изготавливается препарат для

изучения анатомии. Если же умерший молод и здоров, органы могут использовать для других целей, например, для незаконной пересадки. Знаешь, сколько всего органов можно забрать у одного трупа? — Иван Иванович наклонился прямо к моему лицу, неосторожно обдав меня вчерашним перегаром.

— Сколько? А почему незаконной? Разве пересадка органов запрещена?

— Столько вопросов сразу… . Пересадка органов разрешена, но с момента создания трансплантологии как науки, стоит один вопрос — когда можно забирать органы у донора. Когда человек может считаться умершим, когда умер его мозг или когда остановилось сердце? Как точно определить, что мозг погиб? Сейчас считается, что если мозг еще функционирует, то есть человек еще не умер, органы забирать нельзя. Смерть мозга определяют специалисты — невропатолог, реаниматолог и судебно-медицинский эксперт. Кроме этого, проводится лабораторный анализ по степени насыщения крови кислородом, я не буду тебе рассказывать подробно, довольно сложный тест, но это всего лишь лабораторный анализ, цифры, ничего больше! Знаешь, сколько всего можно забрать у трупа? Забрать, чтобы впоследствии продать тем, кто нуждается в пересадке этих органов? Две почки, печень, сердце, две роговицы глаза. Это то, что можно пересаживать сразу. Связки, кости, сухожилия можно пересаживать после необходимой обработки. Можно переливать трупную кровь.

— Что?! — я, конечно, натерпелась за последние сутки, но мысль о том, можно перелить живому человеку кровь трупа, казалась мне особо кощунственной.

— Докторская диссертация была написана лет десять назад по переливанию трупной крови, занимались этим в основном военные, но тем не менее…

— Господи, ужас какой!

— Да, и органы для пересадки донорам стоят очень дорого.

— Но я где-то читала, есть какой-то Банк органов.

— Есть. Но органов для пересадки все равно не хватает, то группа крови не подходит, то пробы на совместимость отрицательные, в общем, мутная вода. А если есть спрос, обязательно будет предложение.

В комнату заглянул заспанный мужик, спросил — Иваныч, это ты? Чайник поставь, не проснусь никак. Иван Иванович взял со стола полупустой чайник, вышел из комнаты на несколько минут, вернувшись включил чайник, и продолжил, как ни в чем не бывало.

— Я только сейчас вспомнил, в нашем городском судебно-

медицинском морге несколько лет назад была пресечена деятельность преступной группы, во главе которой стоял один из видных судебно-медицинских экспертов. Из трупов, попавших в морг молодых женщин удаляли яичники, и переправляли их в Прибалтику, кажется, для приготовления омолаживающихся кремов.

— А в морге много таких, ничьих трупов?

— Невостребованных. Ну, я же уже тебе объяснял, большая часть покойников, попадающих в этот морг, не имеет в городе ни родственников, ни знакомых — это перегонщики, гастарбайтеры из бывших союзных республик, бомжи.

Сама посуди, сколько людей гибнет ежедневно в таком огромном городе из-за криминальных разборок, несчастных случаев, аварий. И сколько можно на этом заработать.

— Кто же меня похитил, как Вы думаете, Иван Иванович?

— Я не знаю, видимо те, кто оставил послеоперационный шрам на животе умершего в субботу больного.

— А почему?!

— Видимо, решили, что ты много знаешь… . Но я могу только предполагать.

— И что мне делать?! Идти в милицию?

— Милиция тебе вряд ли поможет, у шаек подобного рода в милиции есть, как правило, хорошее прикрытие. Тебе надо срочно уезжать из города, и скрываться, пока все не утихнет.

— Но мне некуда…

— Всегда есть куда. Думай. Ладно, пошли отсюда, уже пора.

Мы попрощались с Иван Ивановичем на крыльце подстанции. Оказалось, что он был хирургом в областной больнице, но, повздорив с заместителем главного врача, ушел работать на скорую помощь. Пока он писал мне на бумажке свой телефон, я подавленно молчала. Потом я, молча, погладила по мохнатой голове бдительного пса, сунула листочек бумаги в карман, и быстро пошла к автобусной остановке, трепетно сжимая в кармане сто рублей, которые в последний момент, явно стесняясь этого, сунул мне Иван Иванович…

В этом районе города мне раньше бывать не приходилось. Неподалеку дымил трубами какой-то завод. Современных домов было мало, в основном, частный фонд и двухэтажные деревянные здания барачного типа. По дороге с двухполосным движением медленно ехал милицейский УАЗик. Первая мысль, которая пришла мне в голову, была пойти в милицию и все рассказать. Но тут я вспомнила, как Денис однажды пришел ко мне злой как черт, и рассказал, что ночью из его машины, которую он оставил около подъезда, кто-то украл магнитолу и служебный пейджер,

разбив при этом заднее стекло. Решив не выделяться из общей массы, придя в районный отдел милиции, самонадеянный Денис не обозначил дежурному капитану ни своего звания, ни должности, и попытался написать заявление о пропаже магнитолы и пейджера «на общих основаниях». Неудачный эксперимент чуть было не закончился совсем плохо. Дежурный капитан, озверевший от усталости, тут же обвинил моего бравого друга в краже собственной магнитолы из собственного автомобиля с целью получения страховки. Денис завелся, начал качать права, назревал неминуемый скандал, и от немедленного водворения моего бравого майора в камеру КПЗ спасло только предъявленное им служебное удостоверение, которое минут через десять бесполезного разговора он вытащил из кармана и сунул под нос вконец оборзевшему капитану.

Так что на помощь милиции в моем нынешнем положении мне рассчитывать явно не приходилось, тем более что документов у меня с собой не было.

Присев на холодную лавочку пустой автобусной остановки я горестно разглядывала грязные колени, которые мне так и не удалось отмыть туалете подстанции, и думала, куда же мне идти сейчас.

Ответ на этот простой вопрос никак не приходил мне в голову. Идти мне было, собственно, некуда.

Телефон жены умершего Серегина остался в больнице в кармане моего больничного костюма. Сумочку, где были мои документы и сотовый телефон, у меня, естественно, забрали. Без документов в милицию идти мне было бесполезно, там меня даже слушать не будут.

Домой идти, по понятным причинам, мне было нельзя. Знакомых и родственников, которым я могла бы довериться, втягивать в эту историю не хотелось. Оставалось или искать охранное агентство «Баррикада», или бежать прочь из города.

Но вот беда — адреса упомянутого агентства я не знала. Когда мы беседовали в больнице, я была слишком взволнована случившимся, да и продолжать знакомство не собиралась.

Наверное, от обилия ночных впечатлений у меня опять началась истерика, и я неожиданно начала плакать и смеяться. Хорошо, что никого не было рядом. Я сидела на автобусной остановке в мятой и грязной юбке, у меня был разодран локоть, болела голова, и я абсолютно не знала, куда мне идти, и что делать дальше!

По щекам текли слезы, смех сменялся рыданиями, меня сильно знобило. С большим усилием я заставила себя успокоиться и подумать о чем-то постороннем.

Положение, в котором я находилась, напомнило мне недавно прочитанную статью о нестандартных развлечениях топ-менеджеров крупных компаний. Для получения острых ощущений, которых в их богатой и сытой жизни явно не хватало, они переодевались, гримировались и изображали бомжей и проституток, получая в избытке так недостающие в их сытой жизни острые ощущения. Агентства, специализирующие на организации корпоративов, стали предлагать желающим в последнее время даже «туры» в тюрьму на недельку-другую, где можно было похлебать баланду и поспать в отдельной камере на тюремной койке, размышляя о бренности жизни.

«Их бы на мое место!» — решила я, и, вытерев слезы краешком испачканной юбки, твердо решила прямо сейчас уехать из города.

Подошедший к остановке старенький автобус был абсолютно пустым в этот ранний час, не считая заспанной кондукторши, оглядевшей меня неприязненным взглядом. Наверное, глядя на мою грязную одежду и заплаканное лицо, она хотела мне сказать что-то обидное, но я заплатила за билет и присев на заднее сиденье спиной к ней, демонстративно отвернулась к окну.

Наконец мне пришла в голову здравая мысль.

Единственное место, где я могла реально спрятаться, одновременно сохранив связь с внешним миром, была психиатрическая больница для «хроников», главным врачом которой был мой сосед по лестничной клетке Слава Коротков. Мы дружили с ним с самого раннего детства, мне всегда было интересно и весело с ним. Он был старше меня на четыре года, но, тем не менее, мы долго были «не разлей вода», пока не повзрослели. Собственно говоря, родителям удалось уговорить меня выбрать медицинскую стезю только потому, что Слава там уже учился.

В медицинском институте Слава был лучшим студентом на потоке, круглым отличником, и с третьего курса начал посещать студенческий кружок на кафедре психиатрии. Но у его мамы-учительницы совсем не было связей в медицинском мире, и после окончания института, он был неожиданно распределен в маленькую психиатрическую лечебницу для хронических, то есть неизлечимых, больных. Лечебница эта, к слову, находилась даже не в районном центре, а практически в чистом поле, до сих пор отапливалась углем и представляла собой несколько деревянных бараков с маленькими окнами и унылыми решетками на окнах.

Вот здесь-то мой друг детства Слава, а сейчас уже Вячеслав Николаевич, и «горел, светя другим» последние семь лет. Не падал духом, писал научные статьи, внедрял новейшие методики

и все-таки сделал «головокружительную» карьеру — его назначили главным врачом больницы после того, как его предшественник ушел на повышение в область. Ничего удивительного в том, что такого молодого доктора выдвинули на руководящую должность не было, так как желающих ехать в это захолустье не находилось. Дальнейшая Славина судьба была предопределена — прожить всю жизнь и умереть ему предстояло именно здесь, так как своей семьей он так и не обзавелся, а мама-учительница, настрадавшись в школе, тяжело болела, поэтому он ее перевез к себе, выделив отдельную палату. Впрочем, этим и ограничилось его «злоупотребление» должностью. К другой карьере Слава не стремился, потому что к своим подопечным — хроническим психам испытывал искреннюю любовь и сострадание, знал их всех по именам, и даже принимал участие в их дальнейшей жизни, если кому-то из пациентов выпадало редкое счастье выйти на волю.

Прокручивая все это в голове, я вышла из автобуса и медленно пошла к автостанции, откуда в нужную мне сторону области ходил один-единственный маршрут. Однако мне не повезло — в кассах заваленной мусором автостанции мне объяснили, что сегодня рейса не было, автобус будет только завтра. На эту вынужденную меру руководство автостанции, видимо, пошло для экономии топлива, и увеличения количества перевозимых пассажиров за один сдвоенный рейс. Естественно, что ждать до завтра я не могла, оставалось попробовать добраться автостопом. До Славиной больницы ехать было не очень далеко — сто с небольшим километров, а там от поворота можно, было уже дойти пешком или километра два, напрямую через поля или чуть подальше по проселочной дороге через ближайшую деревню.

Недалеко от автостанции располагался железнодорожный переезд, и именно там стояла толпа лиц разного возраста, желающих уехать «на подсадке». Народ был разный. Группа полупьяных работяг из четырех человек, видимо, уже несколько дней активно отмечало получение зарплаты. Две девушки в обтягивающих коротких юбках, на лицах которых была ясно прописана самая древнейшая в мире профессия, томно «голосовали» каждой приличной проезжающей легковушке. Толстая тетка с румяным загорелым лицом с огромной корзиной наперевес, в которой пищали то ли утята, то ли котята, наоборот, с отчаянием кидалась к каждому проезжающему мимо автобусу.

Я быстро просчитала возможные варианты. В компании с теткой, учитывая объем и ее, и корзины, мы не поместимся ни в одной кабине, а если я примкну к обтянутым девицам, то быстро пожалею об этом. Работяги, как вариант, мной вообще не

рассматривались.

Времени было уже около десяти утра, попутных машин наблюдалось мало — город наш весьма удален от других областных центров, расположенных на федеральной трассе, и для того, чтобы найти попутный транспорт в нужную сторону, стоило немало потрудиться. Тем более что денег у меня кот наплакал, а это значит, придется давить на жалость.

Я внимательно огляделась вокруг, и заметила, что недалеко от переезда на сером приземистом здании под синей надписью «Почта России» стоял небольшой грузовичок с надписью «УФПС».

Водитель грузовичка, крепкий мужик лет шестидесяти, таскал тюки, аккуратно укладывая их в металлический фургон.

Уже заканчивая работу, он оглядел меня подозрительно, захлопнул фургон, и сев в кабину, явно собирался уже уехать, но тут я решилась.

— Простите, Вы хозяин этого автомобиля? — В моем вопросе был завуалирован явный подхалимаж, ясно, что машина не его.

— Ну, я хозяин. Тебе что надо?

— Я с автобусом ошиблась, вернее, с расписанием. Надо ехать, ждать до завтра не могу. А голосовать боюсь очень. Видите, на попутной ехала до города, водитель видно за плечевуху принял, еле отбилась, почти на ходу выскочила… А Вы человек приличный, сразу видно…

— А куда тебе надо?

Я назвала направление федеральной трассы.

Водитель молчал. Видимо, для него мыслительный процесс не был быстрым.

— Ладно, я в ту сторону еду, возьму тебя. Сколько заплатишь?

Я смутилась. Молча показала ему на ладони смятую сдачу от ста рублей, выданную мне кондукторшей в автобусе. «Не возьмет, денег мало, наверное»- я едва не заревела от обиды и отчаяния.

— Не переживай, вдвоем веселее, возьму тебя. Минералки мне купи и пирожков каких-нибудь, на что хватит.

Девяносто двух рублей по ценам автостанции мне едва хватило на бутылку теплой минералки, и на два жареных пирожка с картошкой, от запаха которых у меня закружилась голова.

Когда, наконец, мы тронулись в путь, было уже около одиннадцати. Напряжение чуть спало, и я опять обрела способность размышлять и анализировать. Смерти я к счастью пока избежала. Искать меня могут только дома или на работе, куда я не собираюсь в ближайшее время соваться. С работой кончено — меня неизбежно уволят за прогул, но лучше быть

безработной, но живой, что весьма логично.

Пока я предавалась этим невеселым мыслям, водитель, который представился мне как Митрич, болтал, не переставая. Меня разморило, и я почти задремала, слушая его болтовню.

Перемежая свою речь словом-паразитом «с-самое», Митрич неторопливо рассказывал мне, что работать в УФПС можно только будучи пенсионером, так как зарплаты очень маленькие, сроки доставки корреспонденции сжатые, ответственность огромная, но кто-то должен делать эту работу. Жена его покойная проработала всю жизнь на почте, только вот два года как умерла. А его дочка с зятем-военным живут в гарнизоне на Дальнем Востоке, и вся радость, которая у него осталась после смерти жены — это один раз в год в отпуск увидеть двух своих внуков, проехав полстраны за две недели в душном и грязном плацкартном вагоне, воспользовавшись льготным проездом для военных пенсионеров. Оплачивают только плацкарт, но и за это спасибо, десять лет назад об этом и не мечтали…

Постепенно его монотонный голос убаюкал меня, и я заснула. Обычно я устаю на работе и сплю без сновидений, но переживания последних дней не прошли даром, и приснившийся мне сон походил на кошмар и был реален до мельчайших подробностей.

* * *

Я бежала по темному длинному коридору, задыхаясь от ужаса. Стены были грязно-серыми, покрытые жуткими пятнами и брызгами бурого цвета. На потолке мутно светили круглые плафоны, с которых свисала грязная паутина. Когда паутина коснулась моего лица, я закричала от ужаса и отвращения. Позади меня тяжело клокотало в безуспешной попытке меня догнать, нечто отвратительное, чужое и грязное. Пол был залит чем-то липким, мои ноги увязли на повороте, и я упала, но смогла подняться, обламывая ногти и цепляясь за грязную стену. Внезапно свет в коридоре стал ярче, я увидела в конце коридора открытую дверь, с разбегу влетела в какую-то комнату.

Собственно, это была не просто комната, а операционная. Посредине стоял стол, ярко светила круглая плоская лампа на штативе, отбрасывая чудовищные тени по углам. На операционном столе вместо больного лежали какие-то темно-красные куски. Я подошла ближе и поняла, что это органы — вот сердце, вот две почки, вот печень. Они были живые, они пульсировали, и как мне показалось, слабо пищали. «Нужно их

унести отсюда» — почему-то решила я. Рядом с операционным столом на металлической тележке стояла переносная сумка-контейнер. Я подбежала к столу и дрожащими руками начала складывать органы в контейнер. На ощупь они были скользкими, видимо, от свежей крови. Дверь медленно открылась, я от страха закрыла глаза. На пороге стоял молодой мужчина. Я не сразу его узнала, это он сидел в то субботнее дежурство в приемном покое моей больницы и виновато улыбался, ожидая, пока его поведут в операционную умирать. Но выглядел он сейчас ужасно, в углах рта запеклась кровь, запавшие глубоко глаза были обведены темными кругами и полузакрыты. На животе кровоточил длинный операционный шов, руки болтались вдоль обнаженного тела. Он подошел к операционному столу, не замечая меня, взял в руки пульсирующий кусок плоти из контейнера, запихнул его в рот и начал медленно жевать, не обращая на меня никакого внимания. От ужаса и отвращения меня затошнило.

* * *

В этот момент я проснулась, и поняла, что меня сейчас вырвет. Услышав мой дикий вопль, Митрич быстренько припарковался к обочине, и я пулей вылетела на свежий воздух.

Заползая минут через пять в кабину, я была в панике. Если мое состояние — результат удара по голове, это не так страшно. А если нет? Внеплановая беременность на фоне последних событий — это уже перебор, как ездовые коты, подумала я. Черт, дура, какая беременность, обругала я себя, с Денисом я поссорилась где-то три месяца тому назад, он уже месяц как в Чечне, а других связей у меня не было. Эта мысль меня успокоила, и я с явным облегчением глотнула теплой минералки из полупустой уже бутылки.

За окном желтые поля сменяли еще зеленые перелески, маленькие домики придорожных деревень выглядели опрятно и мило. Небо еще было по-летнему голубым, белые облака уходили за горизонт, унося прочь всякую надежду на грибной дождик.

Судя по времени, которое я спала, мы уже подъезжали к нужному километру дороги. Впереди замаячил пост стационарный ГАИ на трассе и в этот момент страх опять навалился на меня, лишив возможности двигаться и соображать. Поток машин, в котором мы двигались, вдруг начал притормаживать. Проехав еще немного, мы встали в длинную очередь на досмотр машин. Проверка документов по плану перехвата преступников — решила я. Я уже была рядом с

больницей, поэтому рисковать не было смысла, объясняться с Митричем по поводу отсутствия у меня документов я не стала, и довольно натурально изобразила очередной приступ рвоты. Он остановился, подозрительно посмотрев на меня, но мне уже было наплевать, я бежала прочь от трассы в сторону ближайшего перелеска, быстро перебирая ногами и по возможности пригнувшись как можно ниже. Скорее всего, искали не меня, а очередную угнанную машину, но такая предосторожность вовсе не казалась мне лишней.

«Береженого Бог бережет» — пришла мне на память любимая фраза моей бабули. Она родилась еще до революции, ребенком пережила гражданскую войну, работала учительницей в сельской школе, но дожила до очень почтенного возраста, сохраняя ясный ум и твердую память. Она умела все: печь пироги, доить корову, вязать и штопать. Дочь известного дореволюционного фотографа она никогда мне об этом не рассказывала, я узнала об этом от своей мамы уже после смерти бабули. Ее родители настрадались после революции от новой власти, выехать за границу они не успели, были репрессированы за то, что у деда было свое фотоателье, в котором он делал портреты богатых и влиятельных людей из нашего города. Бабулю от лагеря спасло только то, что она заболела то ли тифом, то ли испанкой, и провалялась в госпитале, а когда вышла оттуда, никто не узнал в истощенной обритой наголо худющей девочки румяную красавицу с длинными косами, которая кружила голову кавалерам. Бабуля уехала в деревню, устроилась в школу преподавать русский язык местной ребятне, познакомилась там с молодым агрономом (который тоже скрывался в деревне по причине своего происхождения — был сыном священника из соседней области), и вышла за него замуж. Не смотря на то, что они встретились, когда моей бабушке было уже за тридцать, они родили двоих детей и перебрались в город уже во времена хрущевской оттепели. Все свое детство я слышала от нее эту фразу. Как правило, это фраза для меня означала неприятные ограничения моей свободы: меня не пускали отдыхать в пионерский лагерь или в поход с одноклассниками, не разрешали кататься на велосипеде по проезжей части улицы, или ночевать у подруги. Но сейчас, в свете последних событий, знакомые с детства бабулины слова вдруг приобрели горький и глубокий смысл.

«Береженого Бог бережет», повторяла я как заклинание, пробираясь по молодому лесочку прочь от дороги, в сторону, где по моему мнению должна была находиться Славина больница. Но я шла уже больше часа, а признаков населенного пункта мне не попадалось. Придорожный лесок, начинавшийся веселой

порослью кустарников, становился все выше и гуще, ноги заплетались в высокой траве, сменившейся густыми папоротниками, и я вдруг поняла, что заблудилась.

Солнце стояло в зените, тишина была какой-то нереальной. Ни жужжания, ни шорохов не доносилось до моих ушей, окружавший меня лес как будто вымер. Сил, чтобы двигаться дальше у меня не было.

«Ну здесь меня точно никто не найдет», попытка успокоить себя в этой непростой ситуации, прошла успешно. Кстати, я и не подозревала, что могу в принципе выдержать все то, что пришлось на мою долю за последние сутки.

В детстве, впрочем, как и сейчас, я была одинокой и нелюдимой. Любила, сидя на подоконнике в своей комнате представлять себя на месте героев только что прочитанной книги. Библиотека у нас дома была огромная, хотя и старомодная, собранная в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века. На полках произведения Жюля Верна, братьев Стугацких и Рэя Бредбери стояли по соседству с идеологически правильными опусами о героической жизни пионеров, тружеников села или заводской рабочей династии. Описанный в книгах, выдуманный мир приключений и путешествий заменял мне шумные компании друзей в переходном возрасте. Вместо общения с грубоватыми сверстниками я проводила все свободное время с моими любимыми героями. Отдельное место в моей жизни занимали книги о войне. Я прочитала их очень много, плакала над судьбой Вани из «Сына полка», восхищалась силой духа героев «Молодой гвардии», подвигом отважного летчика Маресьева из «Повести о настоящем человеке» (к слову, больше всего я жалела зарезанную бабкой курицу). Но для меня все военные произведения как для любого современного читателя были какими-то нереальными, как Мифы древней Греции. Но то, что со мной произошло за последние сутки, вернуло меня к прочитанной мной в шестом классе средней школы повести «Девочка ищет отца». Там довольно натуралистично описывались опасные приключения партизанской дочки в поисках отца-героя-партизана в оккупированном немцами городке во время Великой отечественной войны. Книга запомнилась мне своей безысходностью — куда ни сунься, везде немцы. Так и сейчас я вдруг почувствовала себя затравленным зверьком. Как выйти из этого леса, куда мне идти потом, и что вообще делать со всей этой ситуацией?!

Между тем, солнце ушло за облака и стало заметно прохладнее. К моим ногам стали подползать причудливые мохнатые тени, прятавшиеся до этого в тени высоких

папоротников. Если нельзя определить направление движения по солнцу, надо идти в любую из сторон света, не сворачивая, в этом районе области больших лесов нет, я обязательно выйду куда-нибудь до темноты. Внимательно оглядев стволы деревьев, росших вокруг, и определив юг и север, я смело пошла на запад, так как солнце могло выглянуть до конца светового дня из-за туч, и это мне могло служить дополнительным ориентиром. Но ждать просвета в облаках мне не пришлось, где-то через час, я уже стояла на опушке леса и смотрела на большое поле, покрытое по краю фиолетовыми бутончиками увядающих васильков. На нем стояло множество стогов сена, заготовленных на зиму.

В этот момент я поняла, что если не посплю хотя бы полчаса, сил добраться до больницы у меня не останется. Надеясь, что здесь нет змей и мышей-полевок, я подошла к ближайшему стогу сена. Часто в разных фильмах я видела, как люди в стогах прятались, ночевали, занимались любовью… Мне казалось, что это невероятно романтично. Однако все гораздо прозаичнее, подумала я, когда попыталась устроить себе лежбище. Во-первых, от разворошенного стога шел ошеломляющий запах скошенной и начавшей перепревать травы, во-вторых, сено нещадно кололось, в-третьих, мне казалось, что мне под одежду кто-нибудь заползет. Тем не менее, повозившись еще чуток, я моментально заснула.

* * *

Я стояла на краю высокого обрыва, под моими ногами медленно проседала и ползла вниз мягкая земля. Внизу, метрах в десяти отсюда, мелко извиваясь между заросшими осокой берегами, под обрывом текла неширокая грязная речка. Противоположный берег у речки был низким и болотистым, у берега цвели какие-то желтые цветы, кажется, это были кувшинки. Облачное небо нависало над моей головой, придавливая к земле, оно было серым, как пепел догорающего костра. Мне было не по себе, я нервно озиралась, потому что мне все время казалось, что кто-то пристально наблюдает за мной. В который раз я почувствовала на себе чей-то взгляд, и оглянулась назад, но кроме края леса ничего не увидела. В этот момент вдалеке на темной глади реки появилось черное пятно, края его постоянно меняли свою форму. Пятно стремительно приближалось ко мне. До берега реки с верха обрыва было далеко, я никак не могла понять, что это за пятно, я попятилась, но лес за моей спиной сомкнулся, подступил ближе, и я опять очутилась на самом краю обрыва. Черное пятно было уже совсем

близко от меня, я всматривалась в его поверхность, и когда вьющаяся по краям чернота уже почти поравнялась со мной, я увидела, ЧТО плывет вниз по реке, и громко завизжала. Черная извивающаяся масса состояла из множества змей, их здесь были тысячи, десятки тысяч, миллионы… Я увидела даже маленькие глазки на плоских треугольных головках, эти глазки смотрели прямо на меня, как мне показалось, с ненавистью. Внезапно край обрыва зашатался под моими ногами, край берега обрушился, и я начала стремительно сползать вниз к темной гуще реки, покрытой клубками змеиных тел… Одна из змей оторвалась от поверхности реки, и, каким-то непостижимым образом подпрыгнув над водой, подлетела ко мне, и вцепилась мне зубами в щеку.

Сильная боль придала мне силы, обеими руками я сдавила мерзкое существо и оторвала змею от своего лица. Последнее, что я смогла рассмотреть — раздвинутая змеиная пасть с раздвоенным языком извивалась в моих руках, пытаясь дотянуться до меня снова.

* * *

От ужаса я проснулась буквально в холодном поту. Змей рядом не было, я лежала в стоге сена на краю поля, и в мою правую щеку упиралась острая соломинка. Солнце уже село, сумерки наползали плотной пеленой и на поле, и на опушку леса за моей спиной. Небо еще освещалось на западе уходившим за горизонт солнцем, было глубоким и темно-голубым с белыми прожилками перьевых облаков. С краев леса выползал беловатый туман, потянуло сыростью. Минут через десять небо окончательно потемнело, и темнота упала плотным покрывалом на весь мир вокруг меня, но именно благодаря этому мне удалось разглядеть слабый мерцающий свет впереди за полем. Наверное, эта была деревня, и я пошла в ту сторону, стараясь не вывихнуть ногу на многочисленных кочках. Наконец, я ощутила под ногами твердую поверхность, и поняла, что поле закончилось. Но радость от того, что я вышла на дорогу, была преждевременной, через несколько шагов мои ноги по щиколотку провалились в жидкую грязь.

Неяркий свет внезапно исчез, видимо, деревня скрылась за поворотом или пригорком. Я уже почти выбилась из сил, ничего не разбирая перед собой, преодолевая пересеченную местность, а тут еще резко запахло навозом.

От этого запаха на меня снова навалилась дурнота, и рот

наполнился кислой слюной. Расслабляться было нельзя. Запах мог означать, что где-то поблизости ферма или чье-то частное подворье. Можно будет спросить дорогу до Славиной больницы, а если повезет, даже заночевать.

В последнее время на телевидении стало модно проводить круглые столы с обсуждением насущных проблем. С пеной у рта именитые гости в телестудии доказывают окружающим, что современное село — лучшее место для молодежи, приводят примеры государственной поддержки сельского населения, высказывают искреннее удивление, что не едут молодые специалисты работать в деревню, игнорируя и социальные программы, и финансовую поддержку. При этом не упоминается ни о хлюпающей под ногами жидкой грязи, в которой я увязла по щиколотку, ни о гнетущем виде полуразрушенной одноэтажной постройки, напоминавшей скорее фильм ужасов, а не трудовые будни российской деревни.

И в этот момент до меня вдруг дошло, что моя привычная жизнь в одно мгновение закончилась. У меня нет ни дома, ни документов, и мне угрожает смертельная опасность.

С трудом ориентируясь в темноте, я села на сухую кочку, и в третий раз за этот день отчаянно заревела. Я оплакивала все: и брошенного на произвол судьбы кота, и свою привычную работу, и свою размеренную и спокойную жизнь. Не знаю, сколько это продолжалось, но рыдания постепенно утихли, и мне вдруг стало легче. Как будто я сбросила старую кожу, мешавшую мне двигаться и дышать. Я встала, потянулась, глубоко вздохнула и пошла дальше. Свет приближался, и я увидела слабоосвещенную стену с отваливающейся местами штукатуркой со следами давней побелки. Судя по всему, это была молочная ферма. На старых бревнах, лежащих вдоль стены фермы, прямо под тусклым фонарем, сидела какая-то женщина. Она, похоже, была пьяна, потому что раскачивалась из стороны в сторону и что-то тихонько пела. Мне опять показалось, что я вижу этот абсурд как бы со стороны. Но в этот момент рядом раздался звук мотоцикла, и из-за угла выехал какой-то допотопный агрегат с коляской. Когда это чудо техники выехало на свет, я увидела, что мотоциклом управляет молодой паренек. Увидев меня рядом с теткой, он, похоже, испугался, но виду не показал.

— Здравствуйте, я отстала от рейсового автобуса и заблудилась. Мне бы переночевать где. — Робко попросила я паренька.

— А ты куда едешь, к кому? — чтобы скрыть растерянность он взлохматил волосы на голове, внимательно наблюдая за мной исподлобья.

— Я в больницу еду, психиатрическую, я медсестра, у меня там друг главным врачом работает, — я тараторила, как будто оправдываясь и боясь, что парень развернет мотоцикл и уедет, оставив меня здесь, посреди грязи, воняющей навозом, у тусклого убогого фонаря, наедине с пьяной женщиной.

— В больницу я тебя не повезу, а до деревни возьму, пожалуй. Не оставлять же тебя здесь, в самом деле. Переночуешь у соседки моей, она иногда берет на ночлег приезжих, ну там рыбаков, охотников.

Я согласилась, мне было, в общем-то, все равно, главное не на улице ночевать, тем более, похоже, что других вариантов ночлега не было. С трудом мы погрузили обмякшую тетку в коляску мотоцикла, я села сзади, мотоцикл затрясся как отбойный молоток, и медленно поехал, разбрызгивая грязь и выхватывая светом фары придорожные кусты.

* * *

Авария на федеральной трассе была страшной. Два автомобиля сошлись в лобовом столкновении на скользкой дороге. Двое, ехавшие в старенькой девятке, погибли на месте. Чтобы достать их трупы из машины, сотрудникам ГАИ пришлось вызывать спасателей и разрезать кузов автомобиля. А молодой парень-перегонщик из праворульной Тойоты с транзитными номерами все еще жил. Ему повезло — в его машине были подушки безопасности, которые смягчили страшный удар. Все случилось недалеко от небольшого районного центра, поэтому Скорая помощь прибыла на место аварии неожиданно быстро. Бригада Скорой отчаянно боролась за жизнь пострадавшего, и когда его доставили в больницу, он был еще жив. Состояние его, правда, оставалось очень тяжелым, лицо было изуродовано, нос сломан, в ушных раковинах запеклась кровь. По правилам следовало вызывать дежурного нейрохирурга и срочно делать экстренную операцию на черепе. Но карточки медицинского страхования у парня при себе не было, а это значит, что больнице за операцию страховая компания не заплатит. Можно было раскрутить на деньги родственников, да где их найдешь! Кроме этого, даже при успехе срочной операции, шансы вернуться к нормальной жизни у пострадавшего оставались очень малы. При таком повреждении он, скорее всего, останется навсегда прикованном к постели, или станет полным идиотом, парализованным и пускающем слюну, сидя в инвалидной коляске.

По данным прикрепленного длинным проводом к пальцу монитора, сердце пострадавшего продолжало работать, тихо и ритмично. Взятые из вены пробы крови показывали достаточное насыщение кислородом, но это уже было неважно. Парень, видимо, был перегонщиком и, судя по паспорту, проживал на другом конце страны. Если его и будет кто-то искать, это случится не скоро. Его органы так необходимы другим людям! За них точно заплатят кругленькую сумму. Что там у нас? Две почки, печень, а если повезет, и будет соответствующая заявка, то можно пристроить и сердце. А это уже такие деньги, что до пенсии можно не работать! Этот аргумент стал решающим, и в истории болезни несчастного молодого водителя появилась запись дежурного реаниматолога, констатировавшая у больного клиническую смерть в 21.30. Далее следовала запись о безуспешности реанимационных мероприятий. Все это было неправдой — реанимационные мероприятия не проводились, но проверить это фактически было невозможно.

Глава 4

Утром я проснулась поздно и попыталась понять, где я нахожусь. Я спала в маленькой комнатке, похожей на светелку из старинного русского романса. Узкая кровать стояла у стены, сложенной из толстых светлых бревен, в щели между бревнами выглядывал темный мох. На маленьком окне висели веселые голубые занавески в беленьких цветочках. Пластмассовый белый абажур, свисавший с низкого деревянного потолка, был засижен мухами, на стене тикали древние часы-ходики с гирьками на цепочках.

Ситцевая занавеска-задергушка, заменявшая дверь в комнатку, вдруг отодвинулась, и в комнатку вошла пожилая женщина. Черные, с сильной проседью волосы обрамляли загорелое лицо, глаза женщины были голубыми, с неприятным прищуром.

— Проснулась, девонька? — сильно окая, спросила меня хозяйка.

— Да, у вас тут спиться хорошо, — постаралась я быть вежливой.

— Намаялась, пока сюда бежала?

Вопрос поставил меня в тупик.

— Пойдем, молочка попьешь, я корову подоила…

— Извините, а у вас халатика нет? Мне бы одежду постирать…

— Сейчас, — она вышла из комнатки, мотнув подолом широкой юбки. «Как странно одевается, как цыганка, а на цыганку не похожа».

Тщательно завернувшись в старенький, но чистый фланелевый халат, я вышла из комнаты.

Дом, в котором я нашла приют, был сложен из толстенных бревен, и назывался избой-пятистенкой. Деревянные широкие лавки, покрытые домотканными половиками, да железная допотопная кровать, стоявшая у дальней стены, были единственной мебелью в просторной комнате. Над кроватью на полочке, покрытой белым полотенцем, стояли иконы, перед ними слабым пламенем горела маленькая лампадка. За перегородкой у печки стоял стол. Большая русская печь была тщательно выбелена, из печи пахло топленым молоком и хлебом. Я умылась из древнего рукомойника, прибитого к стене, пригладила ладонью спутанные волосы, села за стол, покрытый клеенчатой скатертью, на которой стояла алюминиевая кружка с молоком. Рядом на маленькой тарелке лежал кусок пирога с ягодами,

видимо с черникой. Пирог состоял из толстого слоя печеного теста, покрытого сверху слоем ягод или варенья. В комнату из сеней вошла хозяйка, молча села напротив меня, как бы изучая, пристально вглядываясь мне в лицо.

— Спасибо. Очень есть хочется. Меня Аней зовут, — назвалась я на всякий случай чужим именем. Почему-то я чувствовала себя очень скованно. — Только денег у меня нет, скажете, как, я вам отработаю.

— Отработаешь, отработаешь, — хозяйка внезапно рассмеялась.

— Ешь пока, там поговорим.

Пирог с молоком улетели в один момент, и мне опять захотелось спать.

— А ты иди, поспи, не стесняйся. — Как будто я что-то ей сказала, подхватила мою мысль хозяйка.

Голова закружилась, ноги стали ватными, и я еле смогла дойти до постели в светелке, и, не успев даже снять халатик, крепко заснула.

Проснулась я к вечеру, когда стемнело. И опять, не успела я открыть глаза, в комнату вошла хозяйка, и пригласила меня ужинать.

Я умылась наспех из умывальника, прибитого на стене в кухоньке, вытерла лицо жестким льняным полотенцем, которое мне подала хозяйка, после чего немного пришла в себя.

— Меня зовут Татьяной Васильевной, можно бабкой Таней. — первая представилась мне хозяйка.

Я молчала, напрочь забыв, как представилась ей несколько часов назад. То, что я назвалась не своим именем, я помнила точно, только вот каким?

Пауза становилась уже явно затянутой.

— Ты не бойся меня, я никому не скажу, что ты была здесь. Вижу, неприятности у тебя большие, бежишь куда-то. Расскажи, может, я помочь тебе смогу чем.

— А вы что, всем помогаете? — от растерянности мой вопрос звучал почти по-хамски, но хозяйка почему-то не обиделась на меня, а тихо рассмеялась.

— Ладно, не хочешь говорить, не надо. Поешь, милая. Я картофельную запеканку спекла.

— Спасибо. Вы не сердитесь, у меня и, правда, неприятности. Сунула нос в чужие дела, теперь ищу, где спрятаться. Вернее, не ищу, в больницу на Березовом поселке еду, там у меня друг главным врачом работает, спрячусь там. — сама не понимая почему, я легко рассказывала бабке Тане то, что совсем не стоило бы говорить.

— Ладно, покушай. Чаек пей, я заварила с травами.

В полном молчании я быстро расправилась с вкуснющей запеканкой, выпила душистый чай, заваренный прямо в кружке, и исподлобья посмотрела на хозяйку, которая внимательно наблюдала за мной, сидя напротив.

— Тебя ведь не Аня зовут? — я, молча, кивнула. — Ладно, давай, я тебе погадаю.

Откуда-то из-под стола появилась колода карт, каких я никогда не видела. На черном фоне картонных прямоугольников были затейливо выписаны необычные рисунки.

Загорелые, покрытые морщинками пальцы ловко метали кусочки картона на старенькую скатерть. Татьяна Васильевна внимательно всматривалась в них, убирала обратно в колоду, перемешивала, наконец, на столе осталось три карты.

— Тебе угрожает смертельная опасность. — Тихо вымолвила она, глядя на карты. — Только ты не в ту сторону бежишь, куда ты бежишь, там не спрячешься.

— Меня похитили, хотели убить, — призналась я. — А где мне прятаться? И от кого, я не знаю. Я медсестрой в больнице работаю, в субботу на операции больной умер, а потом меня по голове стукнули, похитили, я еле убежала.

— Так как тебя зовут? — хозяйка испытующе глядела на меня.

— Олесей. Я, и, правда, ничего не знаю. Боюсь очень.

— Правильно делаешь, что боишься, заступиться за тебя сейчас некому.

— У меня жених — мент. — попыталась я хоть как-то упрочить свое нынешнее положение.

— Жених у тебя может и есть, только он далеко, да и в ссоре вы…

— Неужели это на картах написано? — Моему удивлению не было предела. Я всегда относилась к гадалкам и предсказателям скептически, как к фокусникам, выступавшим в цирке.

— Кому читать… — Уже совсем непонятно ответила мне Татьяна Васильевна, быстро смешала карты на столе, резко встала и как отрезала, — Иди-ка ты спать, я подумаю, утром поговорим.

— Татьяна Васильевна, а где у вас туалет, я с утра терплю, а спросить неудобно.

— Во двор выйди, там. Да, и не мешай мне ночью, даже если увидишь чего.

Я послушно кивнула, отворила тяжелую дверь и вышла во двор дома по скрипящим ступенькам крыльца. Темнота была, хоть глаз коли. Вдруг справа от меня раздался шумный глубокий вздох. Первой мыслью было кинуться назад в избу, потом я

сообразила, что это, наверное, хозяйкина корова, и пошла искать туалет. С большим трудом в кромешной темноте нащупав во дворе маленькую досчатую будку, я еще раз подумала, как в деревне только люди живут. Покинув, пожалуй что, самую экзотичную в моей жизни уборную, и, поглядев на темное небо, я поплелась спать.

Ночью я проснулась от невнятного бормотания. Выглянув из-за занавески, я увидела хозяйку, сидевшую за столом. На голову ее был накинут черный платок, на столе горела тоненькая свечка. Рядом со свечкой стояла глиняная миска, видимо с водой и деревянная солонка, в которой горкой была насыпана соль. Татьяна Васильевна взяла горсть соли, бросила в миску с водой, и внимательно начала всматриваться в миску, как будто видела там что-то недоступное моему взгляду. Окончательно оробев, я тихо залезла под одеяло, и крепко заснула.

Утром события вчерашнего вечера показались мне сном. Хозяйки в доме не было. Выйдя во двор, я увидела образцовый огород, с ровными рядами зеленого лука и зонтиками укропа. Кое-где в огороде росли красивые цветы — кажется георгины и маки. За забором из деревянных кольев, на которых вверх ногами сушились трехлитровые банки и глиняные горшки, расстилались желтые поля, кое-где перечеркнутые синеватыми перелесками. Не удержавшись от соблазна, я сорвала с грядки два крепеньких огурца и, отщипнув перышко сочного лука, пошла в избу. Но поесть так и не успела, дверь открылась, и в комнату вошел тот самый парень, который привез меня сюда сутки тому назад.

— Бабка Татьяна велела отвезти тебя до больницы. — Буднично сообщил он мне. — Сказала, чтобы ты потом к ней заехала.

— Слушай, а заплатить ей за постой, наверное, надо?

— Не надо, поехали. — И он вышел, не дожидаясь моего ответа.

Я вышла во двор и уселась в коляску уже знакомого мне допотопного мотоцикла. Мы завелись и медленно покатили по деревенской улице, сопровождаемые лаем лохматой собачонки, выскочившей из-под соседнего забора. «Реутово» мелькнула табличка, извещающая об окончании населенного пункта, и мотоцикл, выехав на асфальтовую дорогу натужно хрипя, набрал скорость.

Ведущая к больнице дорога кривлялась, как будто заметала следы, а состояние асфальта вызывало ощущение недавней бомбежки. До больницы оказалось всего ничего, каких-нибудь полтора-два километра, но ночью я дороги точно бы не нашла. Не доехав до ворот больницы метров двести, мотоциклист

остановился, и как только я вылезла из коляски, быстро развернулся и уехал, как будто боялся, что я попрошу отвезти меня обратно в деревню.

Подойдя к больничным воротам, я почувствовала необъяснимый страх, но деваться мне было некуда, и я, открыв тяжелые ржавые ворота, шагнула туда, куда по доброй воле никто и никогда не заходил.

* * *

В маленьком кабинете следователя районного отделения милиции было очень душно. Перечитав в который раз, написанный неразборчивым почерком осмотр места происшествия, следователь, уставший от жизни мужчина лет пятидесяти, откинулся на спинку стула, и закурил. Дело по факту смерти докторши из районной больницы под колесами грузовика он собирался отправить месяца через два в шкаф с «висяками», но что тогда делать с этим? Он взял другой листок, на котором ровным женским почерком сообщалось, что медсестра той же больницы украла три упаковки наркотического средства и скрылась в неизвестном направлении два дня тому назад, дата, подпись.

Почти все сотрудники отдела или были в отпуске, или взяли отгулы за сверхурочную работу, кто копал картошку, кто собирал ребенка в школу, посещая многолюдные школьные базары. В отдел по борьбе с оборотом наркотиков управления МВД без соответствующих мероприятий и доказательной базы дело о похищении наркотиков из процедурного кабинета сплавить не удастся. Придется следователю ехать на обыск в квартире дуры-беглянки, а для этого нужна санкция прокурора, а значит, ему нужно оформить кучу бумаг, и на рыбалку, так давно обещанную пятнадцатилетнему сыну, он так и не попадает. Чертова девка, ну что ей стоило тиснуть эти наркотики на неделю позже, он уже бы был в отпуске, копал картошку у матери на огороде, а теперь все пошло насмарку, и жена опять будет обиженно поджимать губы и молчать, всем своим видом показывая, что он никудышный муж и плохой отец.

Но что он мог сделать? До пенсии ему оставалось доработать всего три года, все в отделении это знали, поэтому ездили на нем, почем зря.

Если бы кто знал, как он ненавидел свою работу! Поддавшись на уговоры своего соседа по лестничной клетке, следователь пришел сюда после армии рядовым дознавателем. Высшего

образования у него тогда еще не было, юридический он заканчивал уже заочно, постоянно путаясь в словах на экзаменах и зачетах и ненавидя про себя все эти толстенные тома с казенными формулировками законов и предписаний. Но работать в милиции тогда было некому, и он закончил все-таки институт с грехом пополам, к сожалению, поздно осознав, что кроме изнурительной работы следователя районного отдела милиции ему в органах внутренних дел ничего не светит. Идти на завод ему не хотелось, поэтому он постарался смириться с мыслью о том, что это навсегда. Все, что следователь много лет наблюдал, приходя на работу — пьяные опустившиеся бомжи, укравшие из трансформаторной будки кусок высоковольтного кабеля, молодые наркоманы, вытащившие из сумки у девушки в автобусе сотовый телефон, малолетние парни и девчонки, распивающие водку с пивом около своих подъездов — это и есть его жизнь, его территория закона.

Следователю было совершенно все равно, кто украл телефон или побил пострадавшего. Он относился к своей работе как к тяжелому ярму рабства и втайне мечтал о пенсии, считая выслугу год за годом, и мечтал, как уедет в деревню и заведет пасеку. И ранним утром будет выходить на порог своего дома и полной грудью вдыхать пряный аромат полей.

Глава 5

Нужно сказать, Слава совсем не удивился, когда увидел меня в своей больнице. Позже он признался мне, что давно подозревал, что моя любовь к детективам добром не кончится. Но поговорить мы смогли только на следующий день вечером, весь день я лежала на жесткой койке в одноместной палате и думала, с чего нужно начать мой рассказ, чтобы Слава мне сразу поверил.

Пока я мучительно подбирала слова, чтобы изложить кратко факты и свои предположения об истории, что случилась со мной, мне принесли из столовой на подносе в алюминиевых тарелках супа и перловой каши с куском вареной рыбы, в которой было больше костей, чем мяса. «Господи, почему посуда алюминиевая» — подумала я, но потом сообразила, где я нахожусь и, что здесь бьющейся посуды быть не может. После деревенских вкусностей я смогла осилить едва ли половину порции супа.

Надо сказать, что в больнице мне очень не понравилось. Больничная территория была с виду небольшой, на ней располагались два корпуса, видимо для тихих больных и для буйнопомешанных. Была еще одноэтажная столовая, похожая витражом застекленной веранды на старинный флигелек из рассказов Антона Павловича Чехова, котельная, сразу напомнившая мне печи в концлагере Бухенвальд. Где-то за котельной располагалось несколько отдельно стоящих двухэтажных небольших домиков для персонала больницы, но идти до них было далековато, да и больных туда, судя по всему, не пускали.

Весь следующий день после моего появления в больнице, Славе как назло было некогда. Он пришел ко мне в палату поздно вечером, молча заполнил историю болезни, протер неожиданные для меня очки на переносице, глубоко вздохнул, и сказал мне:

— Рассказывай, Леся, что там у тебя стряслось?

Медленно и четко (все-таки с психиатром разговариваю!) я изложила ему суть странных событий, случившихся со мной.

Слава долго молчал. Я, по понятным причинам, не торопила его.

Наконец, видимо, он смог переварить весь тот объем информации, который я на него вывалила, потому что довольно метко выделил суть моей проблемы:

— Ну, ты все-таки доигралась в детектива, поздравляю!

Ответить мне было нечего, и я пожала плечами, не собираясь спорить.

— Ладно, приехала, так полежи, может, поумнеешь. Я тебе успокоительные назначу, нервишки подлечим заодно. Меня в больнице не будет некоторое время, лежи в палате, в коридор постарайся без нужды не высовываться, я вернусь, поговорим. — Он повернулся на каблуках вышел из палаты, не дожидаясь моего ответа.

«Уж лучше бы я оставалась в деревне у Татьяны Васильевны», пришла мне в голову запоздавшая мысль.

В палате было довольно прохладно, наступала осень, но тепло в больнице еще не запустили. Оказывается, отапливалась больница и дома сотрудников котельной, работавшей на угле. А заказанный вагон угля все никак не могли разгрузить на станции в районном центре. Моему другу пришлось ехать на больничном стареньком УАЗике-«буханке» в районную администрацию, договариваться и о разгрузке, и о выделении грузовика для доставки угля и все это контролировать, разрываясь между станцией, администрацией и пьяным водителем погрузчика на железной дороге. Все это он мне рассказал, появившись на второй день у меня в палате, явно довольный проделанной работой.

— Ну что, решил все проблемы? — я решила подлизаться к нему, обсудив сначала его дела.

— Лесь, не крути, мои дела как всегда нормально. Уголь в котельной. А вот у тебя, по-моему, большие проблемы.

— Какие? — я похолодела. «Наверно, что-то с котом?!»

— Я позвонил в твою больницу, ну с дороги, не из больницы, со станции. Мне сказали, что ты украла наркотики и ударилась в бега. — Слава смотрел на меня в упор, не мигая, видимо ожидая, что я признаюсь в краже наркотиков.

— Что?! Я украла наркотики? — я ожидала чего угодно, только не этого.

— Именно! Из процедурного кабинета. Две упаковки. — Слава заложил руки за спину и начал ходить из угла в угол моей небольшой палаты, покачиваясь в такт словам.

— Но я не брала… Что это значит?! Слава! — я была готова разрыдаться.

— Не ори, хоть ты и психбольная как-бы, но говори тише, у нас здесь стены слышат. Это значит, крепко ты зацепила компанию, которая тебя похитила. — Слава потер руки, как будто они у него замерзли, и, ссутулившись, сел на край моей кровати.

— Но я ничего про них не знаю… Правда! — Голова кружилась сильней и сильней, наверное, я сейчас потеряю сознание.

— А они не знают, что ты не знаешь, вот ведь как получается! — Похоже, этот разговор доставлял Славе

удовольствие. Да, специальность никому не проходит даром! Раньше Слава не был таким жестоким.

— Значит, меня ищут? — Мой вопрос был, несомненно, неуместным.

— Ты в розыске. И фото на доске «их разыскивает милиция» повесили. — «Нет, он точно издевается. Ударить его, что ли?» — Ладно, не паникуй. Подумаем, что нам делать. — Он приобнял меня за плечи, как будто устыдился своей предыдущей резкости, и вышел из моей палаты, плотно прикрыв за собой дверь, и оставив меня наедине с невеселыми мыслями.

Если честно, то от последних новостей я пребывала в состоянии, близком к шоку. Вообще, я долго не могла понять, что же такое шок. В училище нам читали лекции, я сдавала выпускной экзамен, тщательно наизусть заучив формулировку, изложенную в учебнике по сестринскому делу. И только во время накопления практического опыта в нашей больнице, я поняла, в чем суть этого процесса, но, наверное, так и не смогла бы даже сейчас описать его словами. Если говорить максимально упрощенно, шок это реакция организма на любую чрезмерную для этого организма нагрузку или раздражитель. Возьмем, к примеру, боль. Каждый человек может терпеть боль, в большей или меньшей степени. Но когда боль становится запредельной, и человек уже не может терпеть, в организме развивается шок. Падает давление, реже становятся удары сердца, человек перестает сопротивляться и бороться. И если не убрать травмирующий организм фактор, человек умирает.

Вот и сейчас я внезапно почувствовала, что последняя новость для моего организма стала чрезмерной. Пропали все желания, не хотелось ни бороться, ни узнавать правду, из-за которой я попала в такую безвыходную ситуацию. Хотелось свернуться комочком, залезть под одеяло с головой, и крепко зажмуриться. Что я и сделала, а потом незаметно для себя уснула.

Проснувшись к вечеру, я почувствовала, что проголодалась. Решив пойти поужинать, и завернувшись в стиранный темный больничный халат, я брезгливо осмотрела казенные разбитые шлепанцы из черного кожезаменителя. Шлепанцы были велики мне размера на три, но другой обуви не было, одев их, я передвигалась по больничному коридору в сторону столовой, шаркая пятками, как больная старуха, так как при каждом моем шаге гигантские тапки слетали с ног.

Коридор женского отделения напоминал скорее готический замок, чем больницу, видимо, из-за высоченных потолков с лепниной и узких зарешеченных окон с широкими мраморными

подоконниками. Светло-серые стены, крашенные масляной краской, и темный, почти черный линолеум пола освещались мертвенным светом ламп дневного света, приделанных высоко над потолком и прикрытых полукруглыми пластмассовыми плафонами. Двери, ведущие в палаты, были белые, я обратила внимание, что вместо привычных взгляду дверных ручек на них были металлические накладки с дыркой посредине.

В сторону столовой одновременно со мной передвигались и другие женщины, лежащие в отделении. Все это живо напомнило мне фильмы ужасов про оживших мертвецов, медленно и неуклонно нагонявших своих жертв такой же рваной скованной походкой. Атмосфера была тягостная, никто не смеялся, и даже не разговаривал. Хмурая неопрятная женщина необъятных форм в засаленном переднике с остервенением бухала половник с пшенной кашей в тарелки подходивших к ней пациенток отделения. Рядом стояла молодая девушка с тупым выражением на лице разливавшая из чайника в пластмассовые кружки мутный коричневый напиток, похожий на чай. Одни женщины садились кушать здесь же, за квадратные столики, другие уносили еду в палату. Я пошла в палату. Смотреть, как едят другие, у меня не было ни желания, ни сил.

Слава, который воспринял мое появление здесь как лишнюю обузу для себя, даже не ввел меня в курс дела, как мне вести себя я толком не знала. Поэтому я тихонько ушла в палату, где опять горестно пожалела, что уехала из деревни от гостеприимной бабки Татьяны с ее пирогами, картофельными запеканками и необычными картами. Еще два дня я не виделась со Славой, поэтому выходила из своей палаты только тогда, когда голод становился нестерпимым. Большую часть времени я спала или лежала на кровати, рассматривая потрескавшийся потолок. Пару раз, выйдя в унылый двор больницы, где разрешалось гулять больным, я поняла, что видеть такое скопление душевнобольных я не в силах. Сама в коридор я лишний раз не выходила, вечером мне приносили пластиковый стаканчик с микстурой и какую-то красную таблетку. Таблетки я прятала в спичечный коробок, в котором раньше была соль — соль я высыпала в туалете, поскольку другой коробочки не было, а снотворные таблетки из психбольницы мне могли пригодиться в дальнейшем.

Во время моих нечастых походов в столовую, я заметила, что в отделении царят прямо-таки «зоновские» законы. Все лежащие здесь женщины принадлежали к одной из трех групп пациентов. Три самые толстые и немолодые уже женщины, активные, и, по-моему, самые злые, выполняли роль старших (я про себя окрестила их мамками). Мамки брали себе самые большие

порции в столовой, никогда не принимали участие в коллективных занятиях, которые проводила с больными маленькая, похожая на якутку, женщина. Внимательно оглядывая на прогулке, кто как одет, эти три мегеры могли запросто подойти и сорвать с головы любой гуляющей во дворе больницы женщины понравившиеся им шапку, или шарфик. Другие пациентки, видимо их боялись, отдавали все, что у них попросят мамки, не возмущались, вставали в конец очереди в столовую, иногда оставаясь без супа, куска рыбы или булочки, с покорностью овец доедая оставшийся невкусный гарнир. Третья группа лечившихся здесь женщин, видимо, как раз и принадлежали к категории «овощей», они сидели в инвалидных колясках, тупо пуская слюну, глядя на всех ничего не понимающими глазами. В столовую их привозили или две нянечки, работающие в отделении сутками по очереди, или кто-нибудь из второй группы угнетаемых и презираемых мамками пациенток.

Я старательно держалась в сторонке ото всех, но на второй день, когда я вышла в столовую к обеду, меня буквально притиснула к стене отделения одна из мамок. Обдав мое лицо смрадом никогда нечищеных зубов, она спросила:

— А ты тут откуда взялась, что-то я тебя не помню?

Я мотнула головой, выскользнула из-под ее руки, и продолжила свой путь по направлению к столовой.

— Ты че, брезгуешь со мной разговаривать, падла?! — схватив меня за руку, она развернула меня лицом к себе.

Тут мне в голову пришла спасительная мысль, я замотала головой и показала свободной рукой себе на рот.

— Немая, что ли? — удивилась она.

Я кивнула, не глядя ей в глаза, как учил Слава.

— Черт с тобой, иди, жри, потом с тобой разберемся. — Мамка развернулась, потеряв ко мне всякий интерес, и быстро выхватила пирожок из руки проходившей мимо нас женщины с длинными спутанными волосами. Женщина при этом даже не повернула головы в нашу сторону, видимо привыкла к выходкам подобного рода в свой адрес, или ей было безразлично, отнимают у нее еду или нет?

Самым жутким местом в отделении был туалет в конце коридора. Ходить туда все равно приходилось, но то, что я впервые увидела там, было настолько шокирующим, что я старалась дотерпеть до поздней ночи, и посещала данное место не чаще одного-двух раз за сутки.

В туалете висел плотной пеленой отвратительный запах свежей хлорки, испражнений, окурков дешевых сигарет, но самое

ужасное было не это. Стены туалета кто-то систематически вымазывал дерьмом, и, несмотря на усилия санитарок, вычистить отхожее место никому дочиста не удавалось.

Потерпев два дня до поздней ночи, я заработала цистит, и поняла, что эту проблему надо решать как-то по-другому.

Настраивалась я на решение проблемы долго, почти всю ночь. Главное было не привлечь к себе лишнего внимания со стороны мамок. Вечером за ужином я подошла к санитарке, дежурившей в отделении. Это была худая изможденная женщина лет пятидесяти или сорока, с явным отпечатком пристрастия к алкоголю на лице. Стараясь держаться в рамках своей роли, я, молча, поскребла ложкой по поверхности стола, и вопросительно на нее посмотрев, кивнула в сторону туалета.

Как ни странно, она меня поняла практически сразу.

— Убраться, что ли хочешь там?

Я кивнула.

— Подожди, сейчас принесу.

Вернувшись из раздатка с ведром воды, от которого за версту несло хлоркой, она протянула мне деревянную лопатку и старую рваную тряпку из холстины.

— Ты только попозже иди туда, а то мало ли… — Шепнула она мне на ухо, и отошла.

Вечером, когда все стихло, как вор, ступая на цыпочках, вышла из палаты, и, волоча тяжеленное ведро, пробралась в туалет. Разделив холодное и грязное помещение на четыре сектора, я тщательно оттерла стены, пол, треснутые унитазы и древнее ржавое биде, стоявшее в углу рядом с бачком для мусора. Если бы у меня была другая тряпка, я бы помыла и окно, даже не закрашенное, а залепленное толстенным слоем белой масляной краски.

Теперь в туалете пахло только хлоркой. Я оставила ведро у стены, тщательно прополоскала тряпку в ледяной воде умывальника, и с чувством выполненного долга, пошла отдать инвентарь. Санитарка сначала сходила посмотреть результат моей работы, потом забрала ведро, посмотрев на меня с уважением. Я уже собралась идти в палату, как она меня окликнула.

— Погоди, пойдем, я тебе открою душевую.

Я решила сначала, что она хочет, чтобы я и там прибралась, а потом сообразила, что мне просто предлагают помыться.

Вернулась я в палату уже распаренная после горячего душа, с ощущением чистоты и удовлетворения от проделанной работы.

Хотя я очень устала, сон ко мне не шел, я лежала под жестким колючим одеялом, и вспоминала, как моя бабуля

рассказывала мне о своем дяде, царском офицере и дворянине, которого арестовали в 33 году. На пересылке по пути в лагерь, его, конечно, с умыслом, посадили к прожженным уголовникам, предварительно сообщив блатным, что новый заключенный — бывший барин, до революции угнетавший трудовой народ. Уголовники, решив поиздеваться над чистюлей, дружно нажрались какой-то гадости, и хором пропоносив, измазали тюремный туалет сверху донизу своими испражнениями, после чего довольные чрезвычайно, легли спать. Каково было их изумление, когда утром, решив посмотреть, как чистюля — барин будет себя чувствовать в загаженном туалете, вошли туда, они увидели чистоту и порядок. Всю ночь мой двоюродный дед оттирал ручкой своей ложки старую грязь и свежее дерьмо со стен и пола туалета, воспользовавшись тем, что ему оставили нательную рубаху, пустил ее на тряпки, и теперь туалет сверкал чистотой. Бабуля рассказывала, что старший из уголовников спросил, находясь в полной растерянности «Не стыдно ли тебе, барину, было в г… е пачкаться?», на что мой двоюродный дед ответил ему «Я дворянин и офицер, а потому и не буду в г… е жить!», или что-то вроде этого. После этого уголовники, проникнувшись с уважением к моему двоюродному деду, взяли его под свое покровительство, благодаря чему он благополучно пережил все годы лагерного срока в Магаданской области. Его выпустили перед войной, и он вернулся домой. В первые дни войны дядя моей бабушки записался в ополчение, несмотря на слабое зрение и погиб при обороне Москвы.

Утром во время завтрака я поняла, что мой ночной подвиг не пошел мне на пользу. Мамки собрались втроем за дальним столиком в столовой и что-то горячо обсуждали, глядя на меня с непонятным выражением.

Из столовой мне удалось уйти без эксцессов, но когда часа через два я решила посетить отмытое дочиста отхожее место, меня там уже ждали. Снова навалившись на меня всей своей тушей, одна из мамок прошипела мне в лицо, брызгая слюной:

— А ну колись, падла! Кто ты такая, и откуда здесь взялась?!

Сомневаться в серьезности намерения мамок, выяснить, кто я мне явно не приходилось, делать было нечего, пришлось идти на контакт. Правда, я уже продумала, как буду вести себя в подобной ситуации, поэтому показала на свой рот левой рукой, отчаянно при этом, мотая головой из стороны в сторону, и старательно изобразила, как будто я что-то пишу правой.

— Она немая, — въехала, наконец, в ситуацию моя мучительница — а ну девки, принесите ей листок бумаги и карандаш…

Кто-то из мамок метнулся в коридор, через пару минут мне уже протягивали листок бумаги и карандаш. Я облокотилась на отмытый, (слава Богу!), подоконник, и написала

«У меня шок. Говорить не могу. Спрашивайте, я отвечу».

— Кто ты такая? — Она орала так, как будто я была не немая, а глухая.

«Знакомая вашего главного, учились вместе». Где учились, я предусмотрительно не уточнила.

— Что с тобой случилось, почему ты здесь? — Добившись первого ответа, она сбавила обороты.

«У меня любовник был, хирург. Его жена узнала, что мы встречаемся, она патологоанатом. Она мне отомстила, кольнула чем-то и в морг привезла, я там очнулась ночью, а там мертвяки кругом»…

— А ты чего? — агрессивное поведение сменилось явным интересом.

«Убежала», — тут я сделала вид, что сейчас упаду в обморок.

— Кончай ее мучить, видишь ей плохо совсем, — в туалет незаметно вошла одна из санитарок, работавших в отделении. — Отступись, девки, потом все нам расскажет. Пусть идет пока к себе, а то закинется, отвечай потом за нее…

Хорошо, что я все продумала заранее, ликовала я про себя уже в палате, а то неизвестно, чем бы все кончилось. Денис мне часто повторял «Будешь врать, учти, что твое вранье должно или полностью проверяться, или не проверяться вообще». Еще один его урок пошел мне на пользу, отметила я.

Но расслабляться было нельзя, и в этом я скоро убедилась.

В этот день мне захотелось погулять во дворе больницы. Было еще тепло, я запахнулась потуже в толстый больничный халат, и побрела вместе с другими пациентками обозревать местные достопримечательности, стараясь не проявлять явного интереса ко всему, что меня окружало.

Прогулкой сегодня командовала та самая санитарка, которая вошла в туалет во время моей беседы с мамками. Ей было около шестидесяти, и на фоне остального персонала она выглядела даже интеллигентной, выгодно отличаясь короткой стрижкой покрашенных хной в красный цвет вьющихся волос и узкими, всегда поджатыми, накрашенными бордовой помадой губами. Я старалась не смотреть в ее сторону, поэтому отошла от группы женщин, вяло гуляющих по кругу вокруг неработающего то-ли фонтана, то-ли бассейна, и села на лавочку рядом с молоденькой девицей практически без волос, так коротко она была

подстрижена. Какое-то время мы молчали, потом девочка тихо спросила:

— Ты новенькая?

Я кивнула, решив твердо держаться придуманной легенды.

— Осторожнее с ней, — девочка кивнула на санитарку, так занимавшую мои мысли, — она раньше охранницей на женской зоне работала, садистка…

Я опять кивнула. Вот значит, дело в чем, откуда в отделении взялась эта нетипичная для больницы иерархия. Ладно, посмотрим, что с этим делать дальше. В этот момент я обратила внимание на неопрятного бородатого мужчину, скорее, мужичка, который подошел к санитарке, внимательно следившей за женщинами на прогулке. Внезапно я встретилась с ним глазами, и сразу отвела взгляд, а потом долго вспоминала — где я видела похожий. Потом меня осенило. Так смотрит крокодил, когда сыт. Абсолютно ничего не выражающий взгляд смертельно опасного существа, вызывающий у потенциальной жертвы омерзение и страх. Страх за свою жизнь.

«Для одного дня многовато событий» — подумала я, и, сделав вид, что замерзла, пошла в свою палату, уже практически сравнявшуюся температурой с улицей из-за открытой форточки. Обед и ужин прошли без происшествий, а после ужина ко мне в палату пришел Слава.

Выглядел он уставшим и каким-то пришибленным. Оглянувшись, он тихонько прикрыл за собой дверь в палату, запер ее изнутри блестящим металлическим крючком, и, тяжело вздохнув, вытащил из пакета три апельсина, пачку печенья, батон, при виде которого у меня заурчало в животе, и кольцо краковской колбасы, которую при других обстоятельствах я бы есть ни за что не стала, но после жидкого и вонючего больничного супа мне даже в голову не пришло проявить разборчивость.

Наплевав на этикет, я отломила от колбасы здоровенный кусок, и с набитым ртом спросила Славу:

— Как дела? Узнал что-нибудь?

Слава кивнул, сел рядом со мной на кровать, и медленно начал чистить апельсин, видимо, собираясь с мыслями.

Второй кусок колбасы я ела уже не торопясь, тщательно пережевывая, отломив горбушку мягкого батона.

— Даже не знаю, с чего начать. — Слава положил очищенный апельсин на край тумбочки и тяжело вздохнул.

— Ну, начни с чего хочешь, не тяни. Узнал, где у нас в городе пересадку органов делают?

— Пару пересадок почки сделали в Центральной, в урологии.

Но это разово, я узнавал. В принципе, мне мало что удалось узнать. Все молчат как рыбы… — Видимо он имел в виду главных врачей больниц. — Только странное что-то творится в области.

— Что?! — Есть мне расхотелось, и я положила колбасу рядом с апельсином.

— Очень многих главных врачей поменяли, причем на их место поставили не замов, как было раньше, а «варягов» со стороны. Во-вторых, смертей много в разных районах, и все на вводном наркозе. И ты знаешь, что самое интересное?

— …

— Когда я спросил, какая у умерших была группа крови, на меня посмотрели как-то нехорошо. А потом ко мне подошел Семен Михайлович, главный врач Первомайской ЦРБ, и сказал, что все умершие были молодыми мужчинами, и у всех была редкая группа крови, третья и четвертая. Так что здесь ты попала в точку. Криминалом пахнет.

— Слава, но ведь пересадка органов разрешена законом. Какой может быть криминал?

— В том-то и дело. Законом разрешается брать органы у тех, у кого зафиксирована смерть мозга. А констатирует смерь мозга комиссия из трех специалистов — судебного медика, реаниматолога и невропатолога. Так вот. Если раньше решение принималось врачами больницы, где находился потенциальный донор, то теперь по приказу Департамента Здравоохранения эти люди назначены приказом и колесят по всей области. Понимаешь?

— То есть в любую больницу приезжают чужие врачи, констатируют смерть мозга, и могут забирать органы на пересадку? — В моем голосе звучало сомнение. Все это выглядело слишком чудовищно.

— Ты все правильно поняла. Чисто номинально они должны известить родственников, но вот тут и начинается самое интересное. По недавно принятому Закону о трансплантации родственники в случае их отказа по поводу забора органов должны выразить свое несогласие. Понимаешь, их никто не спрашивает, согласны они или нет. Если они сами заявят о том, что не хотят, чтобы их родственник стал донором органов, конечно, забирать органы никто не имеет право. Но дело в том, что их никто не спрашивает об этом! А в момент, когда близкий человек находится между жизнью и смертью, никто и не вспоминает о своих правах.

— Значит, если они молчат… — до меня медленно начало доходить…

— Это истолковывается как их согласие. Ты слышала выражение «презумпция невиновности»?

— Конечно! — Я кивнула головой.

— Понимаешь, что это значит? — Слава смотрел на меня в упор.

— Более-менее… мне что-то Денис рассказывал.

— Эх, ты! Детектив недоделанный! В законе о трансплантации органов так и написано: «презумпция согласия», то есть все родственники умершего заранее согласны с донорством органов, а если не согласны, должны об этом заявить первыми.

— Значит, их никто не спрашивает? И смерть констатируют врачи не из больницы, а какие-то «назначенцы»?

Слава молча кивнул. Он выглядел очень уставшим и явно подавленным.

— А как констатируют смерть мозга? Но ведь не могут же объявить мертвым живого человека?

— В том-то все и дело. Раньше смерть мозга ставили клинически — по признакам, наличию рефлексов.

— А теперь?

— А теперь берут анализ крови из вены, перед этим увеличивают содержание углекислого газа в наркозной смеси, и через несколько часов смотрят уровень насыщения крови кислородом. То есть жив человек или мертв, теперь решает лабораторный анализ…

— Но ведь это… — меня затошнило. Чертова колбаса!

— Слушай, Лесь, ты тут кушай, а мне идти надо, маму навестить, когда меня долго нет, она волнуется.

— Конечно, Слава, ты иди, спасибо тебе за питание. Я тут подумаю, информацию переварю.

Вот оно в чем дело! Теперь понятно, что за люди появились у нас в больнице. Несчастному Серегину вместо того, чтобы вправить вывих, удалили органы. И продали кому-то. Владельцу казино, например. А что, все совпадает. Умер Серегин — появилась донорская почка для криминального авторитета. И группа крови та же самая — четвертая.

А я, дура, отиралась рядом, потащилась вы морг к Софье, потом к Денису на работу, вот и попала… Меня посчитали настолько опасной, что даже попытались подставить. Кстати, не попытались, а подставили по полной программе. За пропавшие из процедурного кабинета наркотики по головке не погладят.

Меня внезапно стало знобить. Не снимая тяжелого халата, я залезла под одеяло и уже привычно свернулась калачиком, стараясь придумать, кто же может мне помочь в этой ситуации.

Но навалившийся на меня сон избавил меня до утра от этих мучительных размышлений.

* * *

Утром она проснулась от того, что ее ослепило солнце. Вчера ночью она тщательно задернула тяжелые занавески, но, видимо, не до конца, и теперь солнечный луч, втиснутый в щель между портьерами, выжигал ей левый глаз как маленький лазер. Она села на постели, откинув тяжелое одеяло в шелковом пододеяльнике. Этот комплект постельного белья они привезли из Турции, он так нравился мужу. Она всегда называла его мужем, хотя они были не расписаны. А теперь его не стало, и ей нужно учиться жить одной. Последние дни после похорон она еле справлялась с депрессией. Пару раз появилась тощая подленькая мыслишка — уколоться, но она старательно прогнала ее, ведь она дала ему слово. Ну и что, что его больше нет, она-то осталась. Он спас ее тогда, будет спасать и сейчас.

Она была молоденькой дурочкой, жила в центре города, отец — начальник крупного строительного треста души в ней не чаял. Стоило ей только заикнуться о машине, и папа купил ей серебристую Опель-Вектру. Захотела поехать на Ибицу — пожалуйста! На Ибице она впервые и попробовала наркотики. Ее там не покидало постоянное чувство стыда от крутящихся вокруг друг друга полуобнаженных тел, а больше от предельной откровенности высказываемых напрямую желаний.

Чтобы раскрепоститься, она вначале попробовала курить, но ей не понравилось — щипало горло, все время хотелось кашлять. А потом ей дали понюхать кокаин французы из соседнего номера. После кокаина она как-будто летала, но все очень быстро закончилось, и осталось только опустошение, как будто ее выпотрошили, как кролика на прилавке.

Уже приехав с Ибицы домой, она нашла в институте компанию, которая баловалась наркотой уже серьезно. Потом случилось несчастье, ее родители разбились на машине. Оставшись совсем одна, но при деньгах, которые были на счетах и карточках его отца, она совсем сорвалась с катушек. И пошло-поехало, и неизвестно, где бы она была через пару лет, но однажды поджидая подругу в маленьком сквере, она познакомилась с ним.

Он сел рядом с ней на лавочку, закурил, а когда она стрельнула у него сигарету, внимательно посмотрел на ее дрожащие пальцы, и практически силой увел к себе домой. Через

три дня капельниц и промываний, от которых у нее остались смутные и не очень приятные воспоминания, она обнаружила, что сидит на чужой кухне, а напротив сидит приятный мужчина, и, улыбаясь чуточку виновато, наливает ей в кружку чай из какого-то странного глиняного чайника.

Вспомнив его чуть виноватую улыбку, она чуть не закричала в голос. Он так же виновато улыбался, когда прошло уже два года как они жили, и муж, рассказал ей, что серьезно болен. Какая-то сложная хроническая болезнь, при которой изменяется стенка кровеносных сосудов. Он сказал ей тогда, что она, скорее всего, переживет его. Но это случится совсем не скоро. Она не поверила: образ жизни мужа был активным и здоровым. Он не ел мяса, пил травяные отвары, занимался спортом. Когда он решил прыгнуть с парашютом, она была против, но он успокоил ее. И тут этот несчастный случай. У них была оформлена дорогая страховка, но была суббота, она позвонила соседу, и сосед сказал, что их больница дежурит, и что дело пустяковое…

А потом к ней подошли и сказали, что мужа больше нет. В это она никак не могла поверить. Она даже не пошла на похороны, чтобы не видеть его лежащим в гробу. И сейчас она держалась из последних сил, чтобы не сорваться и не уничтожить своей глупостью те чудесные три года, что они были вместе.

Глава 6

На следующий день я не смогла встать с постели. Кружилась голова, сохло во рту, тошнило. Видимо, вчерашняя колбаса не пошла мне впрок. С другой стороны, тащиться на завтрак в столовую мне никак не хотелось.

На тумбочке лежали апельсины, я так и не справилась с ними вчера, батон чуть подсох, но был еще вполне ничего, поэтому я решила использовать ситуацию в свою пользу и, когда в палату заглянула санитарка, покачала головой и показала рукой на горло.

Мысли путались, никак не получалось сосредоточиться на проблемах, волновавших меня последнюю неделю. Буду лежать, и грызть батон, решила я, и снова ошиблась.

Дверь в палату открылась, но вошел не Слава, а маленькая худая женщина с грязными волосами, похожая то ли на якутку, то ли на бурятку. Я видела ее раньше, Слава говорил, что это их психолог, и по совместительству, терапевт. Грязная женщина положила мне маленькую узкую ладошку на лоб, и обреченно покачала головой из стороны в сторону.

— Знобило? — участливо спросила она.

Я молча кивнула. Денис утверждал, что лучше держаться одной версии. Немая, так немая.

— Горло болит?

Я опять кивнула и постаралась закрыть глаза, потому что бурятка сверлила меня взглядом.

— Ладно, лежи. — Она выскользнула из палаты, оставив после себя неприятный запах то ли дешевой пудры, то ли старого мыла.

Через полчаса в палату вкатилась Анна Павловна, держа в руках блестящий лоток для уколов. Вообще-то она работала главной медсестрой больницы, но часто подрабатывала в отделениях, особенно когда персонал уходил в отпуск. Сейчас начало осени, самое отпускное время для того, чтобы копать картошку и делать заготовки. Слава мне успел рассказать, что Анна Павловна — фактически его основная помощница, вместе с семьей — мужем и тремя детьми живет в деревне неподалеку. Она появилась в больнице очень давно, в середине 60-х пришла работать санитаркой, чтобы ухаживать за своим отцом — председателем местного колхоза, который тронулся умом в Хрущевские времена на почве выращивания кукурузы. План из области на посадку кукурузы в те времена спускали жесткий, царица полей упрямо отказывалась расти, поэтому один нервный

срыв у председателя после разносов на оперативках в области сменял другой, пока не перерос в устойчивое буйное помешательство. Трудно представить, как выглядела тогда Анна Павловна, но сейчас это была величавая красавица лет шестидесяти с огромным бюстом и рыжей пышной косой, уложенной вокруг головы. Нрава она была крутого, и даже вредного, но дело свое знала и могла легко «построить» как сотрудников больницы, так и пациентов. В отличие от многих, была она доброй и отзывчивой, и даже по слухам подкармливала больных в трудные времена продуктами со своего личного подворья. Вот и сейчас войдя в мою палату с явным намерением сделать мне укол, она оглянулась, и украдкой вытащила из кармана необъятного халата, скорее напоминавшего чехол на малолитражку, небольшой сверток, от которого восхитительно пахло свежими блинами.

Видимо, мне сделали успокоительное, потому что я проспала до глубокой ночи, и если бы не переполнившийся мочевой пузырь, я бы так и не встала.

Пробираясь потихоньку по темному коридору в туалет, я повторяла про себя «Только бы все спали!». В самом деле, встречаться с мамками ну очень не хотелось — мне казалось, что их повторные расспросы о том, кто я такая, и как сюда попала, неизбежны. Но беда подобралась ко мне совсем с другого бока. Когда я довольная по уши, и, надеясь, что все обошлось, уже почти дошла до своей палаты, от стены отделилась невысокая тень и преградила мне дорогу. Я узнала санитара — бывшего церковного старосту.

Он был настроен решительно — схватил меня за локти, так, что я не могла пошевелиться, и приблизил свое лицо ко мне почти вплотную. В этот момент в коридоре зажегся свет, и я увидела Славу, Анну Павловну и санитарку из нашего отделения. Они стояли неподалеку и молча, смотрели на нас. Санитар зашипел, как кот, которого ошпарили кипятком и быстро выбежал из отделения. Я не могла опомниться. А что, если бы свет не включили? Слава махнул рукой, отпуская своих сотрудников, и зашел ко мне в палату. Дверь закрылась.

— Дрянь дело, быстрее уезжать тебе надо. У нас поговаривают, что по ночам творится неладное с женщинами молодыми. Они молчат, как воды в рот набрали, но, похоже, насилует их кто-то по ночам. А вот кто это, оказывается, по ночам к молодым ходит… Хорош староста, черт наглый! В общем, решено, едешь в город и устраиваешься санитаркой в центральную больницу. Только там можно что-то накопать. Завтра принесу тебе паспорт, есть у меня одна пациентка,

которой никогда не светит выйти отсюда, вот ее паспорт тебе и отдам, а сейчас спи.

Домой Слава не пошел, устроился ночевать в ординаторской, чтобы быть поближе ко мне. Предосторожность оказалась излишней — до утра в отделение никто не приходил.

Но завтра Славу срочно вызвали в область, он забежал ко мне утром и сказал, что вернется через пару дней. Я уже настроилась покинуть эту скорбную обитель, но что делать в городе без документов? Пришлось смириться с мыслью о том, что я пробуду здесь еще несколько дней.

Приняв решение не расстраиваться из-за неожиданной задержки, я оделась и вышла на прогулку.

Сегодня было пасмурно и прохладно, листья на березах и осинах уже начали опадать, низкие облака давили на психику. Меня насмешила эта игра слов, я не удержалась, и хихикнула.

— Девушка, можно я с Вами посижу? — Эти слова принадлежали молодому человеку с темными волосами и очень бледным лицом. Глаза чуть навыкате на его бледном лице смотрелись как две блестящие черные пуговицы.

Не дождавшись моего ответа, он сел рядом со мной. Я уже приготовилась «дышать в себя» — от большинства пациентов больницы исходило смрадное зловоние. Но от молодого человека доносился только легкий запах дешевого одеколона. Мне стало интересно, и я повернулась к нему, чтобы лучше его рассмотреть. Парень производил впечатление абсолютно нормального человека, не пускал слюну, не вертел глазами. Может быть, он был чуть бледнее обычного, так на этой кормежке большой гемоглобин не нагуляешь.

— Вы давно здесь? — спросила я его шепотом.

— Восемь лет. — Он помолчал. — Сейчас мне тридцать три. Как Христу.

Вы знаете, что изменилось в мире за последнюю тысячу лет?

Я молчала, не зная, что ответить.

— Если бы сейчас в мир пришел Иисус, его бы не распяли.

— Вы думаете? — в теологии я не сильна, поэтому решила по возможности поддакивать.

— Я уверен. Христа посадили бы в психушку. И пытали его электрошоком.

— А разве сейчас электрошок применяют? Я думала, что это только в фильме Милоша Формана возможно. Ну, типа, страшилка такая.

— Видите? — парень показал себе на висок. Там был шрамик белого цвета.

Меня как кипятком обдало, неужели лоботомия? А так

складно говорит!

— Да нет, это следы после электрошока, после лоботомии я бы на каталке слюну пускал, а не с тобой разговаривал. — Мой собеседник неожиданно перешел на ты. Почему-то меня это не испугало, парень мне нравился все больше.

Внезапно он вскочил и быстро пошел прочь. «Все-таки псих!», с сожалением подумала я.

Вечером Слава вернулся неожиданно быстро. Он принес мне паспорт какой-то Анны Гвоздиковой. С безликой черно-белой фотографии на меня смотрело невыразительное лицо. Только девушка была блондинкой.

— Завтра машина в город пойдет, уезжай, Олесь, отсюда, а то до беды недалеко. Что я твоим родителям скажу, если с тобой здесь чего случится?

— Слава, ко мне сегодня на прогулке странный парень какой-то подсел. Бледный такой, брюнет. У него какой диагноз? — выпалила я то, что не давало мне покоя с обеда. — На психа вроде не похож.

— Он не псих, Олесь, он гений. Помнишь фильм смотрели, кода еще в школе учились. «Десять шагов в будущее». Про паренька, который, как Вольф Мессинг мог мысли читать.

— Помню. Так это он?! А почему он здесь?!

— А где ему быть? Работать он не может. Исследовали его вдоль и поперек, причину его способностей не установили, ну вроде опухоль у него маленькая на гипофизе, поэтому и способности сверхъестественные. А потом сунули к нам в больницу. Когда меня сюда направили, он уже три года здесь находился.

— А что у него на висках?

— Метки от электрошока. Врач к тебе заходила в палату, когда ты болела. Типа психолог. Так вот, она раньше по электрошоку диссертацию писала, хватала и поджаривала больных почем зря. Вообще, ты знаешь, что в то время жизнь пациентов психиатрических больниц была весьма нелегкой. Психиатрия как наука имела и карательный оттенок. Диссиденты и ученые, которых не за что было посадить в тюрьму, на долгие годы были заперты в подобных стенах безо всякой надежды выйти отсюда. О методах лечения того временя я знаю немного, но две известные мне процедуры — электрошок и инсулинотерапия даже мне внушают ужас.

При электрошоке больного, привязанного к кушетке, фактически пытали током, после чего, как правило, больной успокаивался и надолго засыпал. При инсулинотерапии больному вводили большую дозу инсулина, искусственно погружая его в

кому, потом капали раствор глюкозы, после этой «встряски» иногда наступало улучшение психического состояния.

Сейчас эти методы практически не применяются.

— Значит в психиатрии как науке сейчас все хорошо? — Слава определенно не заметил моей скрытой издевки, поэтому ответил вполне серьезно.

— Не может быть в психиатрии все хорошо. Даже самые современные препараты и сейчас разрушающе действуют на мозг пациента, поэтому после нескольких лет лечения здесь возврата к нормальной жизни быть не может.

— Ужас какой. Я даже не думала, что у тебя так страшно здесь.

— Уезжай поскорее, да и забудь все как страшный сон. Хочешь, я тетке в Питер позвоню, поживешь там, пока Денис не вернется?

— Да нет, Слава, я уже сюда прибежала прятаться. Я попробую устроится на работу в Центральную, там поищу тех гадов.

— В Центральную? Без диплома?

— А я санитарочкой. Там даже общагу дают вроде. — Мысль о том, что я уеду отсюда придала мне уверенности в исходе дела. Я уже была далеко от этих стен, на воле, и жизнь, несомненно, начинала налаживаться!

— Ладно, давай до утра, я тебе денег еще немного дам, на первое время. Только обещай мне, что будешь осторожна, и я не пожалею, что отпустил тебя отсюда.

— Хорошо, Слава, я буду осторожной. Я постараюсь быть осторожной. Если что — опять вернусь к тебе сюда и дождусь приезда Дениса из командировки.

Когда Слава вышел, я вспомнила темноволосого паренька с черными глазами. Гений, надо же. Я помнила этот фильм, его показывали нам на уроке биологии. Парень не только мог читать мысли, но и запоминал количество букв или цифр на любой странице. Насколько жестоким может быть общество, сталкиваясь с чем-то непонятным и неизученным! Животным в голову не придет мучить своих собратьев, которые отличаются какими-то признаками от основной массы. Неужели человек с необычными возможностями угрожал государству настолько, что его на долгие годы поместили в этот Ад?

* * *

Заведующий уже сорок минут сидел за столом в своем

кабинете, старательно помешивая ложечкой остывший чай.

То, что произошло на его глазах за последний месяц, никак не укладывалось в голове. Он никогда не совал нос в игры вышестоящего начальства, поэтому и работал относительно спокойно, если работа полостного хирурга в бюджетной больнице могла считаться спокойной.

В больнице было несколько отделений: глазное, лор, травматология, урология и два хирургических — экстренное и гнойное. Во главе травматологического отделения раньше стоял бывший полковник медицинской службы, военврач, приятный пожилой вежливый человек. Его бы он мог спросить о нелепой смерти на вводном наркозе, которая переполошила их больницу полторы недели назад, но полковника недавно «подвинули», на заведование пришел неприятный угрюмый мужичище с окладистой бородой, с трудом вмещавшейся под операционную маску, кажется сын профессора из НИИ Травматологии. Мужик был настолько отталкивающий, что даже если вы в травматологическое отделение (не дай Бог!) попал бы кто-то из его родственников, он бы не пошел к новому заведующему ни за что на свете. Потом эта нелепая смерть Сони. Они не были близки, она всегда держала дистанцию с коллегами по работе, но заведующий был ей по-настоящему благодарен за то патологоанатомическое заключение, которое Соня написала, когда под ним ходила ходуном земля. Она была добрым и порядочным человеком, таким же, как процедурная сестра Олеся, которая работала у него в отделении уже три года и ни при каких обстоятельствах не могла украсть наркотики и кинуться в бега. Что же произошло в больнице, в которой он проработал два десятка лет? Заведующий вздохнул тяжело, как будто ему предстояла тяжелая работ, и по памяти набрал телефон своего двоюродного брата, заведовавшего под Москвой медсанчастью ФСБ.

Глава 7

Утром я оставила Славе на всякий случай рабочий телефон Дениса, села в больничную «буханку» с тремя пациентами больницы, которых Слава направил на комиссию для подтверждения группы инвалидности, и мы поехали в направлении города. Пока машина тряслась по ухабам проселочной дороги, я судорожно сжимала в кармане паспорт Гвоздиковой Аллы Ивановны, уроженки села Пустошь соседней области. Судя по фотографии, мы были очень похожи, возраст девушки правда был моложе, но если покрасить волосы в белый цвет и немного подстричься, то не очень большая разница будет. В конце концов, в паспортах мы всегда сами себя редко узнаем. Вспомнилась шутка, что если вы стали похожи на фотографию в паспорте, то вам пора в отпуск. В неудобном салоне, кроме меня и трех психбольных-хроников, ехали два мрачных санитара из мужского отделения. Санитары даже при беглом взгляде на них не внушали доверия: первый санитар сел в кабину рядом с водителем, второй бухнулся на сиденье рядом со мной. От него невыносимо пахло потом и нечищеными зубами, и я подумала, что грань между обслуживающим персоналом и клиентами «психушки» через какой-то период времени становится практически незаметной.

Болтаясь в салоне «буханки», абсолютно неприспособленном для перевозки людей, я изо всех сил уцепилась за поручень под потолком, стараясь не упасть на пол во время очередного маневра водителя буханки, который вел машину так лихо, что можно было решить, что мы на трассе Формулы 1. Попу я отбила себе уже через полчаса лихих прыжков по достопамятной дороге, по которой я ехала сюда на мотоцикле, и когда мы выехали на трассу, я уже пожалела, что поехала на УАЗике, а не попыталась добраться сама. Да и к бабке Татьяне зайти обещала.

Ехать нам было от силы час-полтора, делать было нечего, разговаривать со своими попутчиками мне даже в голову не приходило, тем более что в салоне буханки стоял страшный скрежет, и мои мысли поневоле вернулись к запутанной истории, ввязавшись в которую, я потеряла практически все.

Подстава с наркотиками означала только одно: я подобралась к этим гадам вплотную, правда, где и в чем я подобралась, я не понимала. Конечно, это они убили Софью Матвеевну на пороге нашей больницы. Надеюсь, она не мучилась. Но участь моя была довольно печальна: Денис рассказывал, насколько коррумпированы сотрудники наркоконтроля. «Крышуя» цыган-

пушеров, они, как правило, отчитываются о своей работе по раскрытию преступлений, связанных с оборотом наркотиков, с помощью показательных раскрытий копеечных краж из больниц, или выявления в ночных клубах наивных дурачков, заявившихся туда «с дозой». Денис рассказывал о том, на каких шикарных машинах ездит добрая половина наркополицейских, и о том, как подставили под статью о совращении малолетних единственного честного опера из наркоотдела. На милость этих товарищей мне рассчитывать не приходилось, а значит, мне непременно нужно найти доказательства деятельности преступной шайки, которая незаконно (я была теперь в это уверена!) удалила органы у гражданина Серегина, а потом чуть не распотрошила и меня, любимую. Для правоохранительных органов никакие досужие домыслы доказательством не будут. Значит, мне придется лезть в самое пекло — устраиваться на работу санитаркой в операционную, и накапывать там доказательства. Какие доказательства я смогу добыть? По опыту работы в больнице я хорошо знаю, что количество медикаментов, особенно для наркоза находится на строгом учете. Здесь преступники обязательно оставят след — ведь не будут же они, в самом деле, приносить лекарства с собой?! Далее. Операция по пересадке органов очень сложная, в операционной должны работать люди, врачи, медсестры, санитарки. Всех их в известность ставить никто не будет, просто используют втемную. Значит, здесь тоже что-то можно обнаружить. Ну, и, наконец, морг — печальное пристанище тех, кто умер, не дождавшись выздоровления. Кремировать трупы с удаленными органами — задача не из легких, значит, их просто хоронят. Если будут хоть какие-то доказательства, достаточные для возбуждения уголовного дела, значит, можно будет получить санкцию на эксгумацию, убедившись в том, что органы у трупа удалены. И вообще, не вечно же мой Денис будет воевать с бандитами на Кавказе? Приедет и поможет мне обязательно!

Кроме этого, я рассчитывала на помощь частного детектива из агентства «Баррикада», телефон Слава узнал, и на помощь жены погибшего Серегина.

Конечно, основная причина этой криминальной возни вокруг вопроса пересадки органов — деньги, вернее, большие деньги. По данным бульварной прессы одна операция по пересадке почки стоит не менее ста тысяч долларов США. Нехило, правда?!

К сожалению, желание заработать на беде других у нас последнее время встречается все чаще. И в медицине это особенно заметно. После кризиса 90-х годов, когда оставшиеся в больницах врачи буквально голодали, у них выработался

иммунитет на угрызения совести. И в этом я не могла их осуждать — мое, более благополучное поколение, наверное, уже будет относиться к человеческой боли и беде по-другому. По крайней мере, я на это надеюсь.

Такие глобальные вещи, как мировая справедливость, если честно, в настоящее время меня особо не интересовали, основная задача, стоявшая передо мной, была сугубо личной. Мало того, что меня крепко приложили по голове в подъезде собственного дома, меня еще чуть не убили в этом вонючем морге. А потом еще и подставили, изобразив наркоманкой. Я сжала кулаки, ногти впились в ладони. Черта с два, сволочи! Я выведу вас на чистую воду!

* * *

Молодая женщина с уставшим лицом сидела около больничной кровати, на которой спала ее дочь и горестно размышляла о своей жизни. Она никогда не считала себя везучей. Все, чего она достигала, давалось ей колоссальным трудом. В школе, чтобы получить скромную четверку, она сутками сидела над учебниками и зубрила. Ее одноклассники гуляли во дворе, ходили в кино шумной компанией, а она сидела в обнимку с учебниками, плотно задвинув пыльные шторы и включив настольную лампу. Вымучив аттестат без троек, она поступила на факультет химической промышленности, потому что там никогда не было конкурса, и через пять лет уже работала в лаборатории одного НИИ. Там же она познакомилась со своим будущим мужем, который был аспирантом в соседнем отделе, они поженились, и жизнь стала налаживаться, только вот с ребенком у них никак не получалось. В тщетных попытках родить прошли несколько лет, муж уже защитил кандидатскую диссертацию, а лаборатория, где он стал заведующим, получила долгосрочный гранд на биохимические исследования. В семье появился относительный достаток, но это не приносило ей большой радости. Муж много раз предлагал ей усыновить ребенка, но она возражала. Она знала, что ей ничего не дается просто так, она продолжала бороться. Пройдя через ад сложных, болезненных и унизительных процедур, она все-таки забеременела. Долгожданная дочка родилась, когда ей было уже далеко за 30. Девочка родилась недоношенной, была слабенькой и много плакала, поздно начала говорить и пошла только в полтора года, но все это для нее не имело значения. У нее был ребенок, а это значит — она победила судьбу! Но судьба опять горько

посмеялась над ней, кто бы мог подумать, что этот кошмар случиться именно с ее дочкой! Жизнь девочки удалось спасти, но последствия несчастного случая были чудовищны. Казалось, выхода нет, ее дочь никогда не сможет вернуться к нормальной жизни. Терпеть это у нее уже не оставалось сил. Она не первый раз уже думала о самоубийстве, когда выход неожиданно нашелся, но это было для них всех и очень опасно, и очень дорого.

Глава 8

Приехав в город, первым делом я зашла в парикмахерскую.

— Что делать будем? — заспанная девица в голубом синтетическом халате лениво доедала бутерброд с вареной колбасой.

— Мне стрижку. Лучше каре, не очень коротко. И высветлиться, — мне стало не по себе. Прощай, мой любимый конский хвостик!

— Светлая Велла, оттенок платина.

— А еще? — платина, вроде, серая? — «Какая мне разница, честное слово! Главное, чтобы меня не узнали».

— Светло-русый золотистый Лонда.

— Давайте Лонду… — покладисто согласилась я. Быть особо разборчивой не стоило — можно рассердить и без того неприветливую девицу, и тогда у меня есть шанс крепко испортить свой внешний вид. Однажды я записалась к очень дорогому мастеру-стилисту. Было это сразу после окончания училища. Мастер с явно нетрадиционной ориентацией колдовал над моими волосами два часа, предусмотрительно развернув меня от зеркала, а когда закончил и гордо показал мне результат своего вдохновения, я чуть не стукнула его. Мои русые волосы до плеч были выщипаны и выкрашены в триколор красно-розоватых оттенков. Я не знаю, как бы оценили мою внешность в Париже, но в больницу с таким великолепием соваться было нечего и думать. Поэтому заплатив молодому маэстро баснословную сумму, я на последние пятьдесят рублей купила болгарской краски для волос, и вечером с небывалой твердостью закрасила воинственную раскраску.

Правда, стрижка маэстро, даже покрашенная в русо-каштановый цвет, все равно вызвала вопросы. Меня спрашивали, не болею ли я стригущим лишаем еще минимум месяц, пока выстриженные ступеньками волосы не отросли настолько, что я смогла затягивать их в хвостик. С тех пор я необычайно консервативна во всем, что касается моей внешности. Надо ли говорить, что весь период моего превращения в блондинку со стрижкой каре, я просидела с зажмуренными глазами.

После окончания экзекуции я пристально вгляделась в свое отражение. Слава Богу, ничего страшного не произошло!

Вид у меня со светлым каре стал какой-то глуповатый, но зато мое сходство с фотографией в паспорте было поразительным.

Покинув парикмахерскую, я вдруг поняла, что очень хочу

есть.

Была половина одиннадцатого утра, поэтому я поехала в Макдональдс. Другого места покушать без последствий в нашем городе до сих пор не было. Пусть эти бутерброды при попадании в желудок превращались в тяжелые гири, и мешали даже ходить, зато расстройства кишечника все-таки не наблюдалось. Делая заказ, я отметила, что практически все девушки, работавшие в кафе, были жутко некрасивыми. Наверное, дурнушки расторопнее, поэтому лучше работают, как интересно!

Деньгами на первое время меня снабдил Слава, поэтому я не экономила, набрала целый поднос вредных для здоровья бутербродов, села у окна и, запивая вредную еду обжигающим, но безвкусным кофе, с удовольствием позавтракала.

План действий был следующий: устроится на работу, после чего найти жену, простите, вдову Серёгина, а потом посетить агентство «Баррикада».

Покушав, я еще минут десять посидела, борясь с навалившимся желанием поспать, а потом пошла на троллейбус.

В отделе кадров Центральной больницы меня встретили приветливо, что объяснялось просто: санитарок катастрофически не хватало.

Сидевшая за компьютером маленькая женщина в белом халатике нараспашку подвинула через стол ко мне листок заявления о приеме на работу, заранее распечатанный на компьютере и составленный таким образом, что я только расписалась на нем и вписала данные паспорта Гвоздиковой.

Объяснив мне, где находится больничное общежитие, кадровичка заверила меня, что койку в общежитии мне тоже выделят, но временно, до конца сентября, потом со всей области приедут врачи на курсы усовершенствования, и мне нужно будет искать съемную комнату. До конца сентября я уже рассчитывала переселиться домой, так что мне это было безразлично.

Работа мне предстояла несложная — мыть полы в операционных до и после операций, во время операций уносить и приносить тазы для использованных салфеток, следить за светом, передвигая круглые тяжелые лампы на штативах, приносить стерильные инструменты из стерилизационного блока. Все это делать я умела.

Сразу после окончания медицинского училища я хотела работать именно в операционной, и даже проходила практику после диплома в оперблоке на базе детской больнице. Но карьера операционной сестры оборвалась, не начавшись, прежде всего из-за человеческих взаимоотношений. Еле отбившись на дежурстве от навязчивых приставаний одного из молодых хирургов, я

поняла, что больше всего в жизни ценю свою независимость, и устроилась работать процедурной сестрой. Мои же однокурсницы, работавшие операционными сестрами, всей жизнью своей соответствовали банальной фразе «операционная сестра — вторая жена хирурга».

Одна родила от заведующего отделением внебрачного сына, другая никак не могла выйти замуж — парень, которого она ждала, и дождалась из армии, был дальнобойщиком, и по сравнению с ее возлюбленным — блестящим кардиохирургом выглядел ну очень бледненько, а кардиохирург жениться на ней не торопился, поэтому все трое, включая дальнобойщика, были глубоко несчастны… Ну и так далее…

Общежитие, стоявшее в самом дальнем углу обширной больничной территории, своим видом меня не порадовало: комнаты маленькие, по шесть кроватей в каждой, окна не мыли целую вечность. Мрачная комендантша лет пятидесяти напомнила мне бабу-Ягу в молодости злым прищуром маленьких темных глаз и немытыми спутанными неприбранными волосами. Швырнув мне влажное серое постельное белье, она зло прокаркала:

— Парней не води, обедать ходи только в больничную столовую, а то тараканов разведешь… — Она собиралась мне еще что-то сказать, но я, не дослушав ее, повернулась и ушла. Кажется, у меня уже начинали сдавать нервы.

В небольшой комнате на третьем этаже, куда меня поселили, стоял затхлый спертый воздух, я с трудом открыла окно и проветрила. Центральная больница располагалась на окраине города, рядом была только площадка для вертолетов санавиации и больничные гаражи. Заросли кукурузы перемежались на поле за гаражами с высокими сорняками и кучами строительного мусора, в общем, вид из окна был довольно унылый.

Застелив постель, я вымыла пол, пожертвовав на данное действие свою майку, умылась в общем туалете в конце коридора, достала из кармана юбки сложенный лист бумаги с адресом фирмы жены Серегина, и решительно направилась к автобусной остановке.

Фирма по проведению праздников и свадеб располагалась в цокольном этаже обычной пятиэтажки в спальном районе по соседству с фирмой, предлагавший населению БАДы из алтайской живицы. Что такое живица я представляла слабо, что, впрочем, не мешало толпиться у дверей офиса данной конторы нескольким интеллигентным женщинам бальзаковского возраста, вероятно, распространителям означенной живицы.

За дверью, украшенной плакатом с двумя обручальными

кольцами, который держал во рту грустный и явно уставший от жизни голубь, сидела и оживленно разговаривала по телефону дама лет пятидесяти в розовом пиджачке, купленном, судя по размеру и цвету, определенно на распродаже детской одежды. Неуловимое сходство с полярной лисой даме придавали крашеные в седой цвет короткие пышные волосы и длинный тонкий нос, кончик которого шевелился, когда она говорила.

Мой вид для нее, очевидно, значимым не был, поэтому она обратила на меня внимание только минут через пять, в течение которых непрерывно болтала по телефону, хихикая и манерно закатывая глаза.

Когда разговор был закончен, она, наконец, снизошла и до меня, доверительно поведав, что хозяйка в офисе будет только завтра, но если у меня что-то срочное, она может соединить меня с ней по телефону.

Ждать до завтра мне не хотелось, поэтому уже через пять минут я услышала в трубке глуховатый голос Вероники Серегиной.

— Здравствуйте, кто это?

— Я медсестра из больницы на Рождественской, вы мне визитку оставляли, когда умер ваш муж… — внезапно я растерялась. Присутствие дамочки сбивало меня с толку, а она и не думала уходить, пристально меня разглядывая.

— Я хотела встретиться, мне удалось кое-что узнать…

— Вы в больнице? — почему-то спросила она.

— Нет, а что?

— Тогда подходите в сквер у Главпочтамта через час, там и поговорим. Сможете?

— Конечно. — Я вздохнула с облегчением, повернулась и пошла к выходу.

— Спасибо, до свиданья.

Ответом меня не удостоили.

Сквер у Главпочтамта располагался, естественно, в центре города и пользовался нехорошей славой. Вечерами на разбитых лавочках сидели какие-то темные личности, по слухам, здесь искали друзей и завязывали знакомства лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией, причем как парни, так и девушки. Вероника пришла вовремя, она была какой-то заторможенной и усталой, и уже через несколько минут разговора, я пожалела, что приехала сюда.

Разговор не клеился. Она не спрашивала меня, первой мне что-то рассказывать было глупо. Наконец она спросила:

— Что вам удалось узнать?

— Скорее всего, у вашего мужа удалили органы.

— Зачем?… — тупо сказала она, и сняла темные очки.

— В случае смерти пациента, если родственники не возражают, по закону о трансплантации органы умершего могут быть использованы для пересадки другим нуждающимся больным… — Я вдруг стала косноязычной. — Вы не возражали против забора органов? А почему его привезли к нам, вы же живете в другом районе? — срочно попыталась я перевести разговор на другую, менее болезненную для нее тему.

— Сосед сказал, он врач, работает в вашей больнице, что надо срочно вправлять вывих. У мужа была дорогая страховка, но прыгал он в субботу… — Вероника внезапно начала плакать, слезы текли из глаз, она почти не моргала. Внезапно я увидела ее зрачки и все поняла. Зрачок размером с булавочную головку означал, что моя собеседница находится под действием наркотика, а ее заторможенность говорила о том, что доза этого наркотика была, извините, лошадиной.

Разговор с человеком в таком состоянии был совершенно бесполезным.

— Извините, мне уже пора, я еще позвоню вам…

Выходя из сквера, я оглянулась. На скамейке уже никого не было.

Оставалось хоть что-то узнать в охранном агентстве «Баррикада». Звонить туда мне не хотелось, поэтому пришлось ехать через весь город на маршрутке, которая выла и дребезжала так, что закладывало уши.

Противоположный край города, где располагалась «Баррикада», относился к рабочим районам. Раньше это был поселок, в котором после революции большевики построили огромный тракторный завод. На стройке века работали как бывшие крестьяне, так и приехавшие со всей страны по комсомольским путевкам добровольцы. Огромные корпуса тянулись на протяжении более трех кварталов, это был не завод, а огромный город со своим менталитетом и со своими трудовыми династиями, поэтому порядок в районе даже сейчас был почти идеальный. Например, мигрантов из бывших союзных республик здесь никогда не жаловали. Вначале 90-х преступная группировка выходцев с северного Кавказа приехала сюда контролировать нарождающийся бизнес, но получила от местных бандюков, ради общего дела объединившихся с простыми работягами, неожиданный отпор, ранее в других городах не виданный. Наглых пришельцев, с молчаливого согласия и бездействия местной милиции, крепкие молодые парни в кожаных куртках и спортивных штанах отлавливали и жестоко избивали цепями и кастетами, запретив Скорой помощи доставлять их в больницы и

оказывать им помощь. Видимо поэтому до сих пор в этом районе нашего города нет ни армян с их автомастерскими, ни грузин с ресторанами и казино, ни азербайджанцев, торгующих фруктами в палатках, ни узбеков, просящих милостыню и торгующих на рынке приправами, ни молдаван или украинцев, работающих за гроши на местных стройках.

Центр района был построен в 30-е годы. Серые приземистые здания с огромными квартирами внутри соседствовали с новыми многоэтажными микрорайонами с обилием детских площадок и стадионов. Улицы были выложены брусчаткой, в ухоженных скверах стояли новые скамейки и красивые урны для мусора.

Агентство «Баррикада» располагалось на первом этаже в желтом здании «народной стройки» на самой окраине рабочего района. Дальше город заканчивался и начинался частный фонд, о котором ходила дурная слава. Здесь жили цыгане и скупщики краденого, где в домах бодяжили паленую водку и продавали наркоту. Странное расположение, подумала я и позвонила в запертую дверь, на которой была табличка «Агентство «Баррикада». Охрана объектов и сопровождение грузов».

Минуты через две дверь открылась, на пороге стоял пожилой мужчина в очках и камуфляже. Он держал в руке газету, кажется, это был «Московский комсомолец», и вопросительно смотрел на меня. Видимо, посетителей здесь не ждали.

— Я ищу Скворцова Сергея, он на работе?

— А вы кто ему будете? — мужчина сверлил меня глазами из-под стекол с большими диоптриями.

— Он приходил ко мне в больницу, просил помочь — растерялась я.

— Он больше не работает здесь. — Дверь перед моим носом захлопнулась.

Собираясь с мыслями, я медленно пошла к остановке. Отсутствие на работе Сергея Скворцова совершенно сбило меня с толку. Я так рассчитывала хоть что-то узнать с его помощью!

— Девушка, вы Сергея искали? — Вопрос был адресован, видимо мне. За мной быстрым шагом шел курносый худощавый паренек лет двадцати пяти. Курносый нос был покрыт веснушками, рыжие волосы стояли надо лбом коротким ежиком.

— Да…

— Я жду вас в семь вечера около пригородных касс на Центральном вокзале! — не сбавляя темпа, и не поворачивая головы, четко сказал он, и, повернув за угол, скрылся из вида.

До семи оставалось еще три часа, ехать через весь город в общагу не было смысла, поэтому я побрела пешком в районный парк, располагавшийся неподалеку. Есть не хотелось, поэтому я

зашла в летний павильон и купила себе несколько разноцветных шариков клубничного, смородинового и ванильного мороженого. Рядом со мной за соседним столиком сидел православный батюшка крупных размеров, и совершенно непристойно поедал тающее мороженое. Наверное, кушать батюшке мороженое было в настоящий момент нельзя, поэтому батюшка нервно озирался, видимо не желая, чтобы его заметили за этим плотским занятием.

Ковыряя ложечкой быстро таявшее из-за жары мороженое, я опять попыталась собраться с мыслями. Узнать что-то определенное мне не удалось, но череда последних событий — странный вид вдовы Серегина и отсутствие на работе опера с птичьей фамилией ничего хорошего не предвещали.

Что делать дальше? Будем надеяться, что какие-то следы мне удастся отыскать в больнице. Шила в мешке не утаишь, любое действие имеет свой след, только нужно его разглядеть. А потом с доказательствами можно и в милицию идти… Мороженое кончилось быстрее, чем я рассчитывала. Вопрос чем себя занять да семи часов никак не решался. Тут я вспомнила, что мой однокурсник сатанист-Валера неоднократно мне говорил, что живет где-то рядом с парком. Вопрос, где конкретно? Я попыталась вспомнить Валерин домашний телефон, и как ни странно, мне это удалось. Теперь оставалось найти возможность позвонить. Пока я нетерпеливо озиралась, выбирая жертву, у батюшки в кармане его необъятного одеяния заиграл сотовый телефон. Пока батюшка разгребал складки ритуальной одежды, все посетители кафе слушали мелодию Танца маленьких лебедей.

— Алло! — Сильно «окая», заявил батюшка в трубку. — Хорошо, Владыка, сейчас еду!

Я решилась.

— Извините, вы не разрешите мне позвонить? — Робко спросила я священника, глядя на него снизу вверх — рост у батюшки был как у Ильи-Муромца.

Он внимательно, не говоря ни слова, посмотрел на меня, и так же молча, протянул мне трубку.

— Алло, Валера? Это Леся из училища. Мне нужно срочно с тобой встретиться, это очень важно. Ага, говори адрес…

— Спасибо! — Это уже относилось к священнику, который стоял рядом и во время всего разговора не отрываясь, разглядывал меня как картину.

— Храни Господь тебя, дитя мое! — даже не сказал, а как будто выдохнул священник, зачем-то положил на мою голову обе ладони, и вышел из кафе. Не знаю почему, но у меня на глазах навернулись слезы.

Дверь Валериной квартиры была выкрашена в черный цвет. Я

приготовилась к сюрпризам, дала слово себе не ехидничать, и, почти зажмурившись, зашла в прихожую. Валера, мне кажется, ничуть не удивился моему приходу, как будто не прошло уже три года после окончания училища. Он не изменился почти, за исключением того, что отрастил маленькие черные усики, которые делали его лицо похожим на карточного шулера.

— Есть хочешь?

Я помотала головой, что должно было означать «Нет».

— А кофе?

— Кофе буду, только несладкий, я только что мороженое в кафе поела.

— Это в парке нашем? Ты с ума сошла, там не поймешь, чем кормят, в этой забегаловке.

— Да? А там даже батюшка мороженое ел… Валер, я посоветоваться приехала.

— Давай. Я тебя слушаю.

— Ты понимаешь, я уже звонила тебе, мама сказала, что ты в походе.

— А, так это ты звонила?

— Я… В общем, история такая. В прошлую субботу к нам в больницу привезли мужика одного. Он с парашютом прыгнул неудачно, стали вправлять вывих бедра, а он умер, видимо аллергия на наркоз. А потом в больницу приехали какие-то люди, сидели долго в ординаторской, ругались, а на следующий день я в морге увидела, что у умершего странный шрам на животе. Потом, через день неизвестная машина сбила насмерть нашего патологоанатома, а потом, дня через два, меня стукнули по голове, похитили, и привезли в судебно-медицинский морг.

— И что дальше было? — Валера не поднимая головы, ковырял ложечкой бисквит на маленьком блюдце.

— Я сбежала через окно. Я слышала, там двое разговаривали, собирались меня кольнуть.

— Ну, а от меня что надо? — Размазанный по тарелке бисквит явно интересовал Валеру больше, чем моя история.

— Я хочу понять, что произошло. И почему меня похитили, и почему хотели убить. И что за шрам я видела у покойника на животе.

— Ты что же, решила, что это дело рук наших? — Глаза у Валеры стали совсем сумасшедшие.

«Сейчас ударит меня, или укусит…» — подумала я. «И зачем я к этому ненормальному заявилась домой?»

Но вслух сказала:

— Мне не к кому идти, я хотела посоветоваться, что мне делать. Меня же в твой морг привезли, я узнала место, когда

убегала.

— У нас там шушеры всякой знаешь, сколько работает? В морге? Я могу только предположить, что твоя история связана с какой-то незаконной деятельностью. Или мужика просто заказали, или еще что. А ты, конечно, выяснять начала, полезла, куда не надо.

— Ну, это факт, Валера, я очень жалею, что так получилось. Понимаешь, жена этого умершего подошла ко мне, деньги сунула, просила узнать, почему он умер. А ты знаешь, сколько я получаю, а родители в Африке, и кот голодный… — Я расплакалась очень натурально.

— Ладно, не реви. Раз деньги сунули, тогда понятно. На зарплату не проживешь. Но я помочь тебе ничем не смогу, у нас с этим строго очень.

— Строго с чем — помогать?

— Соваться, куда не просят. Я одно могу тебе сказать. Те, кто Сатане поклоняется, или Некромантию исповедует, никогда с мертвыми никаких противозаконных дел творить не будет. Это делают люди, ни во что не верящие.

— А как же ваши обряды, ну, ты рассказывал, с мертвым телом?

— У нас на эти обряды знаешь, какие люди записываются в очередь? Тебе фамилии сказать, ты не поверишь…

— А зачем это им?

— Власти хотят больше, денег, положения в обществе. Вот и пробуют получить это от покойников. Ты про Закон сохранения энергии слышала? Не может человеческая энергия в никуда улететь после смерти, переходит она в другое состояние. В этот момент человек, живущий здесь, может этим воспользоваться. Но больше я тебе ничего сказать не могу. Ищи преступников, не верящих ни в Сатану, ни в Бога.

— Ладно, будут спрашивать, ты меня не видел.

— Хорошо, договорились. Да я с ментами никогда и не сотрудничаю…

С этими словами мы распрощались. Откуда он узнал про ментов?

* * *

Сладковатый запах мертвых тел проникал в каждую складку одежды Патологоанатома. Но Патологоанатом его не чувствовал — он давно принюхался к этому запаху смерти, и даже находил его приятным, возвращаясь на работу из отпуска или

командировки. Запах денег, так он для себя определил ту невыносимую для большинства людей вонь, которая стояла в морге, несмотря на поставленное новое оборудование для вентиляции. Он заставил себя полюбить этот запах давным-давно, когда учился в институте и работал здесь санитаром. Многие важные события в его сорокалетней жизни сопровождала эта вонючая атмосфера: первая женщина, вернее девчонка, которую он изнасиловал во время дежурства, на которое она пришла (дура!) с двумя подружками попить вина и потусоваться с симпатичным сокурсником. Подружек вырвало где-то минут через десять после того, как он продемонстрировал им сгоревшего на пожаре мужика, гордо сорвав с него простыню, как будто это было его личное творение.

Подружки быстренько смотались, сморкаясь и отводя глаза, а она осталась с ним, всем своим видом демонстрируя, что ей все нипочем. За что, собственно и поплатилась. Хорошо, что в милицию не заявила — просто забрала документы из института и уехала домой в какую-то тьмутаракань.

Вторым важным этапом его жизни стала первая взятка — деньги, которые дали ему родственники покончившей с собой жены большого начальника. Несчастная женщина, измученная бесконечными изменами мужа, и доведенная практически до края злобой и ревностью, выбрала нестандартный способ свести счеты с жизнью. Подождав, когда муж-изменщик уйдет на работу, она написала короткую предсмертную записку, выпила полубутылки коньяка, немного поплакала (это определили по потекам слез на листке, вырванном из школьной тетрадки восьмилетнего сына) и, засунув голову в газовую духовку, включила на полную газ. Лицо умершей искажала страшная гримаса, кожа была бордовой, что всегда наблюдается при смерти от удушья. Он тогда превзошел самого себя — стащив у своей сожительницы косметичку, он накладывал грим, рисовал макияж, причесывал мертвую женщину, и когда закончил работу, был сам поражен результатом. Перед ним лежала прекрасная незнакомка, таинственная в своей смерти и загадочная в начале своего потустороннего пути. Родственники, увидев то, что он сделал, без слов наградили его кругленькой суммой в иностранной валюте и его карьера визажиста Смерти началась. Его телефон передавали из рук в руки, количество клиентов возрастало, он уже выезжал на дом, где убитые горем от внезапной потери любимого человека родственники оставляли его безропотно за закрытой дверью наедине с трупом и он готовил усопшего к его самой последней роли в Паноптикуме Жизни.

Ну и самой главной вехой в его жизни в этой Обители смерти

был день, когда его начальник вызвал его к себе в кабинет, и, заперев дверь, путано и смято рассказал, что есть интерес к женским придаткам в одной из бывших советских республик, и он, Патологоанатом со своими «золотыми» руками должен взять на себя самый главный этап посмертного изъятия органов, да еще и сделать так, чтобы это было незаметным для родственников. Это была непростая задача, но он решил и ее. Вначале он пытался зашивать разрезы на животе, но было заметно. Пару раз он чуть не попался из-за того, что родственники умерших женщин решили их переодеть для погребения, и обнаружили шрамы. Потом он стал заклеивать разрезы, тщательно гримируя их следы театральным гримом. После этого не было ни одного случая, чтобы кто-то из родственников заметил неладное. Он стал Мастером, и гордился этим.

Канал, правда, накрылся довольно быстро — кажется, курьера взяли на таможне, но заказы уже шли полным ходом — роговицы, почки, печень — все это удалялось из безмолвных тел и за огромные деньги шло в руки тех, кто продавал органы людям, уже потерявшим надежду на выздоровление.

Организация процветала, шеф и его помощники застроили элитную недвижимость в центре города, все ездили на хороших машинах, но радости это приносило немного — все они ходили под уголовной статьей, и хорошо понимали это.

Зато с введением нового Закона все стало намного проще.

* * *

В семь я стояла около пригородных касс и вглядывалась в толпу. Семь, семь десять, семь пятнадцать… Часы на здании вокзала неумолимо отсчитывали минуты, но никто ко мне не подходил.

Я стояла уже минут пятнадцать, тупо наблюдая за голубями, пытавшимися раздолбить на асфальте засохший пирожок. Птицы были ленивые и весьма упитанные. Взять их в руки меня бы не заставило, наверное, ничего на свете — такими грязными и отвратительными мне они казались. Интересно, почему голубей называют «птицами мира»? — отвлеченно подумала я и уже собиралась уходить, когда на меня налетел и буквально втолкнул в помещение пригородных касс тот парень из охранного агентства «Баррикада», которого я ждала.

— Встань в конец очереди и стой спокойно, не поворачивайся! — Я послушно заняла очередь в кассу за билетами, а паренек встал вплотную за мной и тихо сказал:

— Сергея убили неделю назад. В контору после этого приходили какие-то люди, спрашивали о его контактах. Я нашел его флэшку уже после его смерти, возьми — шепнул он мне в самое ухо, и у меня в руке появился маленький кусочек пластмассы.

Когда я оглянулась, парня и след простыл.

Маленькая синяя флэшка жгла мне ладонь как уголек. Помотавшись по захламленным и грязным окрестностям вокзала, я нашла то, что искала — компьютерный клуб располагался за углом в цокольном этаже старинного здания, на котором мигала надпись «Ломбард».

Здесь было пусто, системный администратор, явно обрадовавшись моему появлению, включил компьютер. Пользователь я не ахти, но надо было попробовать. Тщетно — я вставила флэшку в нужный разъем на системном блоке, но компьютер выдал запрос на пароль. Хоть я и «ламер», как меня однажды назвал один компьютерщик, имея ввиду отсутствие хороших навыков пользователя компьютера, но детективов зато читала много. Пытаться набирать пароли наугад не стоило. Во-первых, я ничего не знала о покойном детективе, дабы попытаться подобрать пароль в виде, например, даты рождения и, во-вторых, в случае неверного ввода пароля все данные могли быть автоматически стерты. Я вздохнула, и поплелась на автобусную остановку.

Вечером, наконец-то растянувшись в своей комнате на уже высохшем белье, я подвела неутешительные итоги. Скворцов убит, несомненно, тоже в связи с этим делом. На Веронику рассчитывать не приходится. Очень она мне не понравилась во время нашей последней встречи. Домой идти опасно, Денису звонить еще рано. Как добыть хоть какие-то данные?! С флэшкой еще можно попробовать справиться, но для этого нужен хороший специалист, а где его взять? Не водила я знакомств в компьютерном мире настолько близких, чтобы могла обратиться с такой просьбой. Мне все «торчащие» от этой темы казались к жизни неприспособленными и удаленными от реальности мечтателями. Как можно сутками лазить по просторам интернета, и даже питание заказывать с доставкой на дом, тупо прожевывая пиццу и запивая ее колой или пивом, глядя на мерцающий экран?

К тому же вспомнилась мне сейчас нелепая история, произошедшая с медсестрой из нашего отделения, страстно желающей выйти замуж. Кто-то из наших хирургов, кажется, Ашот Андреевич, на дежурстве, явно желая подшутить над отчаявшейся найти мужа Аней, так старательно расхваливал достоинства знакомств по интернету, что никогда не дружившая с

компьютером, провинциальная Аня решилась, и пару раз дав объявление на сайте знакомств, окрыленная надеждой полетела на свидание с интернет-избранником.

На следующий день, обескураженная Аня, смеясь и плача одновременно, рассказывала в сестринский как, выбрав из двух десятков претендентов фото сорокалетнего мужчины, представившегося в объявлении работником госслужбы и похожего на фото как две капли воды на певца Александра Буйнова, придя в назначенное место свидания, обнаружила там крысоподобного низкорослого дядечку в старомодном плаще и потрепанных ботинках, оказавшегося к тому же инспектором охраны труда. Так что к интернету я никаких добрых чувств не испытывала.

Именно сегодня, после неудачи с флэшкой, мой боевой напор вдруг сменился подавленностью и растерянностью. Я не знала, что мне делать дальше и внезапно чувство безвыходного одиночества навалилось на меня со всей силой.

Я уже сильно жалела, что покинула стены Славиной больницы, там я все-таки была не одна. Все мое расследование сейчас представлялось мне полным идиотизмом, к тому же смертельно опасным. Но другого способа вернуться к нормальной жизни, похоже, у меня нет. С этими невеселыми мыслями я уснула.

* * *

Вероника уже полчаса сидела перед зеркалом, пытаясь накрасить левый глаз. С правым она справилась, а вот левый никак не давался, рука предательски дрожала, карандаш не слушался, и пачкал ей веко. Она отложила карандаш в сторону, и в бессильной ярости стиснула руки. Она сдалась очень быстро, им даже не пришлось ее бить. А что ей было делать? Совсем одна, без поддержки мужа, которого больше нет, она все равно проиграла бы рано или поздно. Это была совершенно напрасная затея — попытаться отыскать правду. Она сразу это поняла, когда около подъезда ее встретили те два похожих друг на друга парня с выбритыми висками. Сердце ухнуло куда-то вниз, и она уже знала, что будет дальше. Они вошли за ней в квартиру, она не сопротивлялась, не кричала. Может быть, она и не решилась уколоться сама — это было бы предательством по отношению к мужу. Но шприц, протянутый ей одним из близнецов, сулил ей облегчение.

Она не хотела колоться, правда, она обещала, но это было

другое. Ее заставили это сделать, и винить ей себя было не за что.

Сегодня ее волновал совсем другой вопрос. Они велели ей позвонить, если девочка проявится. А она никак не решалась взять телефонную трубку и набрать номер телефона, который они записали в ее органайзер. Если я позвоню, они убьют ее, подумала она. И сразу пришла следующая мысль — если не позвоню, они убьют МЕНЯ. И она решилась, сняла с тумбочки телефонную трубку и дрожащими пальцами набрала номер.

Глава 9

Утром я проснулась отдохнувшая и бодрая. От ночных страхов не осталось и следа. План действий представлялся мне логичным и ясным. Работая в операционном блоке, я смогу незаметно перемещаться по всем пяти операционным практически во время всего рабочего дня, а значит, у меня есть шанс заметить что-то подозрительное.

Операции по пересадке органов непременно будут зафиксированы в больничном операционном списке, который вывешивается на стене оперблока каждую неделю. Для проведения подобных операций требуется шовный материал, стерильные хирургические инструменты, лекарства для проведения наркоза, операционное белье. Все это не может быть спрятано, а значит, останутся улики.

Возможность встретить кого-то из знакомых в стенах больницы меня не пугала — при больнице находилось собственное медицинское училище, где, как правило, учились те, кто жил до этого в районах нашей области, выпускников моего училища здесь определенно не было.

Старшая операционная медсестра даже не удостоила меня взглядом, сказав, что я пришла сегодня поздно, и в оперблоке сегодня уже не нужна.

— Начнешь там завтра, а сегодня иди в экстренное отделение, помоги там. Да, зайди к сестре-хозяйке за одеждой и инвентарем — сказала она, не отнимая глаз от экрана компьютера, на котором высвечивалась какая-то накладная.

Через полчаса, с трудом напялив на себя стираную выцветшую одежду, которая когда-то имела приветливый зеленый цвет, а сейчас напоминала серо-бурую «варенку» с подозрительными пятнами на куртке, я натянула до ушей зеленую шапочку и нацепила на лицо одноразовую маску, взяла в руки ведро и швабру, и приступила к своим обязанностям. Для начала мне поручили вымыть коридор в отделении экстренной хирургии. На полу в коридоре лежал новый линолеум, сохранивший первозданный резиновый запах, стены были покрашены бежевой краской, на подоконниках стояли горшочки с чахлыми цветами.

Больных в коридоре было немного — сюда поступали со всей области те, кому требовалось проведение сложных операций, технически сложновыполнимых в условиях районных больниц. Человек пять или шесть, бережно держась за животы, медленно тянулись к окну раздатки столовой, куда только что провезли

тележку с большой кастрюлей, полной манной каши и тремя чайниками, от которых слабо пахло кофе с молоком.

Пожилая медсестра сидела за столом в середине коридора и что-то рисовала в историях болезни разноцветными карандашами.

— А что это вы делаете? — поинтересовалась я.

— Ты новенькая? — я явно ее не интересовала.

— Да. Санитарка. Буду в оперблоке работать. А сегодня попросили вам помочь. — Я старательно изображала глуповатую провинциалку.

— Вижу, что не сантехник. Я листы назначения оформляю.

— А почему цветными карандашами?

— Так у нас принято. Заведующий говорит, так нагляднее. — Она подняла глаза на меня и тихонько сказала — Глупость, по-моему, но ничего не сделаешь.

— А я вот поступать хочу на медицинский. В этом году провалилась, баллов не набрала, домой ехать не хочется, решила здесь поработать.

— Ну и правильно. Общагу дали?

— Да, но ненадолго, сказали до октября только.

«Версия должна быть или полностью проверяемой, или непроверяемой вообще» — я снова вспомнила любимую фразу Дениса.

Уличить меня во лжи было практически невозможно, я могла рассказать подробности поступления в медицинский институт в любой момент, даже с именами и фамилиями конкретных преподавателей, принимавших у меня вступительные экзамены.

Но других вопросов не последовало, наоборот, медсестра, полностью погрузилась в работу.

— А вы здесь давно работаете? — я старалась, чтобы мои вопросы не показались медсестре назойливыми.

— Десять лет уже. — Она явно не собиралась со мной разговаривать.

— Ну и как, вам нравится? — Я понизила голос, чтобы вопрос звучал доверительно.

— А где лучше-то? Здесь и зарплаты повыше, и общежитие дали, мы с мужем из района, так и живем с двумя детьми в малосемейке, привыкли уже. — Медсестра была явно польщена тем, что мне интересно ее мнение.

— Да, больница огромная, сложных операций, наверное, много?

— Раньше было много, а теперь стараются тяжелых больных из области по возможности не брать, дорого.

— Что дорого? — С такими обстоятельствами, как дорого

лечить, я пока не сталкивалась. В нашей больнице так вопрос никогда не стоял.

— Лечение дорогое, лекарства. На одного тяжелого больного иногда месячный бюджет целого отделения за неделю уходит, вот и стараются не переводить их сюда, отказывают под разными предлогами. — Медсестра явно не осуждала свое начальство за нежелание лечить тяжелых больных.

Я не понимала, каким образом деньги всего отделения могут уйти на лечение одного больного, но продолжать эту тему не стала, чтобы не показывать свою осведомленность в тонкостях медицинского обслуживания, поэтому перевела разговор на другую тему:

— А что мне еще делать? Коридор я помыла.

— Пойди в пятую палату, там тяжелый больной, помоги там. Спроси, чем нужно помочь, там мать сидит.

Открыв дверь в пятую палату, я увидела на единственной койке в палате молодого человека. Сколько лет ему было понять сложно из-за крайней болезненной худобы. Красивый профиль, высокий лоб, кожа, похожая на пергамент. Рядом на стуле сидела женщина лет сорока в накинутом на плечи больничном халате. На тумбочке стоял стакан с водой и флакон валерьяновых капель.

— Меня прислали помочь вам. Что сделать? — я потрогала женщину за плечо.

Женщина, как будто очнувшись ото сна, перевела на меня отрешенный взгляд.

— Ничего не надо, спасибо.

— А что с ним? Извините, я новенькая. Такой молодой…

— Саркома у него. Саркома бедра. Знаешь, что такое саркома?

— Опухоль?

— Да. Он весной с велосипеда упал, ушиб ногу сильно. А через месяц нога пухнуть стала, оказывается опухоль. И растет так быстро… — Женщина расплакалась, но быстро взяла себя в руки и полотенцем зачем-то обтерла лоб паренька. Он даже не пошевелился.

— А почему он спит?

— Боли у него сильные, наркотики вводят, вот он и спит.

— А операцию делали?

— Делали, да что толку. Опухоль огромная, даже удалять не стали.

Она опять заплакала, тихо и обреченно, как ребенок, которого обидели.

— Может, вы покушать в буфет сходите, а я с ним посижу? Только скажите мне, что делать, если он проснется.

— Спасибо, надо хотя бы чаю попить, а то с ног валюсь уже. Вы посидите, если он проснется и будет жаловаться на боль, сходите на пост, скажите, чтобы укол обезболивающий сделали. Если в туалет попросится, утка или судно под кроватью.

— Хорошо. — Она вышла, тихонько закрыв за собой дверь.

Я присела на краешек стула и внимательно начала рассматривать лежащего на кровати парня. Красивое худощавое лицо его было испорчено гримасой страдания, глубокие складки шли от носа к уголкам губ, казалось, что во рту у молодого человека что-то горькое, то, что заставляет его страдать. Красивый с горбинкой нос заострился и был словно вылеплен из воска. Не жилец, подумала я.

Таинственный переход между жизнью и смертью имеет свои признаки. Умирающий больной всегда выглядит иначе, чем пациенты, жизни которых ничто не угрожает. В медицине это называется «Маской Гиппократа» или проще гримасой страдания. Углы рта опускаются, глазные яблоки западают, дыхание становится частым и прерывистым. Иногда человек, уже подойдя к трагической черте, от которой, казалось бы, нет возврата, начинает поправляться. И сразу же меняется его внешний вид — глаза обретают ясность, лицо розовеет, гримаса страдания уходит с лица. Как правило, это происходит, когда надежда уже покинула всех, кроме больного — выживают обычно те, кто борется, цепляется за жизнь, не сдается.

Но это был явно не тот случай. Парень вдруг открыл глаза, бессмысленно обвел ими палату и хрипло попросил:

— Пить дайте.

Я тихонько наклонила стакан к его рту, приподняв его голову, он сделал несколько глотков. Видимо, это нехитрое действие было для него тяжелой нагрузкой, потому что после этого он опять закрыл глаза и с облегчением откинулся на подушку.

— Может, вы в туалет хотите? Судно вам дать?

Здесь надо сделать некоторые разъяснения. Судно — это не корабль и не лодка, так называют металлический или резиновый предмет, заменяющий больному ночной горшок.

Судно подкладывают под поясницу тем больным, которые не могут встать. Не очень удобно, но все же лучше чем спускать мочу катетером.

Утка — вариант судна для справления малой нужды у больных мужского пола. Стеклянная изогнутая посудина с узкой горловиной действительно напоминает утку. Этот факт отражен в многочисленных медицинских байках такого типа:

Болеет старый отец. Его сын приходит к матери и говорит

«— Мама, я купил папе утку!»

«— Хорошо, сынок, положи ее в холодильник, вечером я сделаю ее с яблоками…»

Здесь все должны засмеяться, но такой юмор, по-моему, понятен далеко не всем.

Минут через десять мои мучения кончились — из буфета вернулась измученная мать безнадежного пациента, и я с облегчением покинула палату, подумав, что в отделении онкологии не согласилась бы работать никогда.

Время было обеденное, в больнице работал буфет для сотрудников, и столовая для сотрудников и посетителей. Светиться особо не хотелось, но рассчитывать, что в первый день работы меня покормят в раздатке на халяву больничной едой, не приходилось, и я решила рискнуть. Шапочку, правда, снимать не стала, наоборот надвинула ее поглубже на лоб, надеясь, что никого знакомого я здесь не встречу.

Пахло в буфете какой-то кислятиной, я решила быть осторожной, поэтому взяла тарелку молочной лапши, пирог с изюмом и стакан чаю. Неторопливо жуя, я внимательно рассматривала посетителей буфета. Никого знакомого я не увидела, но тут мое внимание привлекла пара посетителей, видимо муж и жена, сидевшие за соседним столиком довольно близко, так, что я могла слышать обрывки их разговора.

— Когда он обещал?

— Через неделю крайний срок, иначе может быть поздно.

— Сколько?

— Сто тысяч, плюс анестезиологу и медсестре по десять тысяч.

— Долларов?

— С ума сошла?! Рублей…

— Все равно дорого!

— А ты знаешь, что официально — еще дороже. И сроки там… сама понимаешь.

Женщина заплакала, закрыв лицо руками.

— Господи, она такая маленькая, девочка моя…

Я насторожилась. Детского отделения в Центральной больнице не было, о ком тогда они? Лезть с расспросами не имело смысла, и я решила проследить за семейной парой. Вскоре они поднялись и медленно пошли к выходу. Мужчина держал женщину под руку, как будто боялся, что она упадет. Выйдя за дверь из холла больницы, они сели в новенькую синюю Мазду. На

всякий случай я записала номер в записную книжку на Славином телефоне — покупать новый телефон было не на что, а оставлять без связи Слава меня не захотел.

Я попробую «пробить» данные владельца по электронной базе. Остальное будет делом техники — в городе всего несколько детских больниц, узнать в какой лежит маленькая девочка, и какой у нее диагноз я легко смогу по телефону приемного покоя или стола справок. По привычке еще с советских времен справки по телефону дают, не спрашивая, кто звонит и зачем, и объясняется это просто. На столах справок за мизерную зарплату, как правило, не работают, а дорабатывают пожилые женщины. Бдительностью они явно не страдают, и поэтому получить у них любую информацию довольно просто. Про одну такую историю мне рассказывал как-то Денис. У них было громкое дело — в больнице убили какого-то засекреченного свидетеля обвинения местного авторитета. У бандитов были данные, что прячут свидетеля в одной из больниц, они просто обзвонили все стационары и узнали у словоохотливой старушки со стола справок даже номер тщательно скрываемой палаты, где прятался от криминальных структур наивный свидетель.

Но как узнать фамилию хозяина Мазды?

Я стала перебирать в уме всех своих знакомых и — нашла!

В Областном ГАИ у меня был знакомый инспектор, Игорь Михайлович. Несколько лет назад мои родители вдруг решили, что мне необходимы водительские права. На всякий пожарный, как выразился отец, случай. Я послушно записалась на курсы вождения в районную автошколу, где во время сдачи экзамена по вождению и познакомилась с симпатичным парнем, работавшем в Областном ГИБДД. Не знаю, что было причиной расположения ко мне молодого гаишника — моя медицинская специальность, или я просто понравилась улыбчивому открытому инспектору, но экзамен я с первого раза не сдала, потому что страшно волновалась, не пристегнулась ремнем безопасности перед началом движения, и попыталась начать движение, не сняв машину с ручного тормоза. Однако, на повторном экзамене мы встретились как старые друзья, поболтали, и, обменявшись телефонами и пообещав звонить, распрощались на три года.

Телефона инспектора у меня не было, но фамилию и имя-отчество я помнила, так что если мне повезет, владельца синей Мазды я найти смогу.

После обеда меня клонило в сон, работать не хотелось, но надо было продолжать мое частное расследование, поэтому я отправилась к дверям в оперблок, где висел список операций на эту неделю. В город я приехала во вторник, на работу вышла в

среду, значит, операционный день на этой неделе остался один, в четверг — в пятницу операций, как правило, не было, так как проводилась еженедельная генеральная уборка всех операционных.

Оперблок или операционный блок в хирургическом корпусе Центральной больницы состоял из 10 операционных — по две на каждом этаже, друг над другом. Объяснялось это просто: для проведения сложных операций требовались соответствующие коммуникации — электричество с разводкой под операционные и наркозные приборы, чистая вода, подача кислорода под давлением, и хорошая современная вентиляция. С операционными мне еще предстояло познакомиться, а пока я внимательно изучала операционный список, предусмотрительно натянув на нос операционную маску.

Так. Никаких намеков на операции по пересадке органов в этом списке я не нашла, обычный перечень оперативных вмешательств полостной хирургии. На всякий случай я пересчитала общее количество операций за неделю, два раза повторила про себя число четырнадцать, и пошла на рабочее место.

В отделении было тихо, больные спали. Я пошла в раздатку столовой, и попросила у пожилой симпатичной раздатчицы стакан чаю. Пить мне не хотелось, но другого повода завязать разговор я не нашла.

— Ты санитарочка новая? Меня Вера зовут. — Словоохотливая раздатчица явно желала познакомиться.

— А я… — Я чуть не сказала «Олеся», но вовремя спохватилась. Следовало быть осторожнее.

— Аля. — чуть запнувшись, произнесла я.

— Работать к нам вышла? — Вот тетка хорошая, добрая какая!

— Да, в институт не попала, а у вас общежитие дают, год поработаю, подготовлюсь получше, с репетиторами позанимаюсь, может, на будущий год повезет больше… Но я в оперблоке работать буду, просто сегодня опоздала немножко, меня операционная сестра сюда помочь послала.

— Зря ты в оперблок попросилась, неладно там… Да и работа грязная очень. — Раздатчица смотрела на меня в упор, как будто хотела, чтобы я отнеслась к ее словам внимательнее.

— Я хирургом потом стать хочу, мечтала с детства.

— О чем мечтала? Людей резать? — Вера даже рассердилась. — Глупая ты…

Закончить фразу она не успела. В дверях появился импозантный мужчина средних лет маленькой аккуратной

бородкой, и в очках. Белоснежный халат был тщательно выглажен, на грудном кармане был прикреплен бейдж. Что написано на бейдже, я не рассмотрела.

— Вера, я освободился, принеси мне в кабинет покушать.

— Сейчас, Виктор Николаевич, сию минуту! — засуетилась Вера.

— Наш заведующий — гордо пояснила она, когда мужчина вышел. — Лучший экстренный хирург в области.

— Спасибо за чай, Вера — вежливо поблагодарила я. Оставаться было неудобно. — Нужна будет помощь, зовите.

Без толку просидев на жесткой кушетке в коридоре отделения до конца рабочего дня, я медленно пошла в общежитие, купив по дороге орехов и яблок с лотка у кроткого на вид южного торговца в холле больницы. Меня всегда удивляла способность этих мелких лавочников договариваться с любым больничным начальством — столики с курагой, орехами и яблоками присутствовали в любом лечебном учреждении города, даже в Областном Диагностическом центре, директор которого славился особой принципиальностью.

Осень уже вступала в свои права, позолотив листья берез и осин в больничном дворе. Странно, но Центральная имела довольно заросшую и неухоженную территорию, в отличие от большинства городских больниц, которые старались держаться в ногу со временем и сооружали около входа и во дворах подобие сада камней, больше напоминавшее собачью могилку.

Проходя мимо вахтера в общежитии, я поздоровалась со стоявшей рядом с ней комендантшей. Она сделала вид, что не услышала, нарочито повернувшись ко мне спиной.

Почему она меня невзлюбила? Вроде я вела себя с ней достаточно вежливо… Или она так ко всем относится, надо будет спросить у кого-нибудь. Негатив мне сейчас абсолютно ни к чему.

В комнате общаги меня ждал неожиданный сюрприз — у меня появилась соседка. Тощая брюнетка лет тридцати пяти, она встретила меня явно неприветливо.

— Алла. — Представилась я первой. В ушах молоточками стучала кровь от быстрого подъема по общаговской лестнице.

— Ольга. — Она смотрела исподлобья, то ли недоверчиво, то ли настороженно.

— Я санитаркой устроилась работать, из соседней области приехала. У нас работы нет. — Я тарахтела без перерыва, опасаясь, что моя соседка сейчас повернется, и уйдет, не дослушав меня. — Да ты не бойся, не стесню, я временно здесь, всего на месяц. Потом сказали комнату снимать. Хочешь орехов?

Сказанное мной, видимо ее успокоило.

— Да брось, договоришься с комендантом, сунешь ей пару тысяч, так все делают. — Ответила мне Ольга уже почти дружелюбно. — Орехов не хочу, а вот курагу буду.

— А ты здесь давно? — я продолжала подлизываться, укрепляя новое знакомство.

— Третий год. Только что из отпуска вернулась. Я в гинекологии работаю на посту. Учусь на вечернем отделении, на факультете медицинских сестер.

— Значит, гинекологом будешь? А я в институт не попала.

— Ни за что гинекологом не буду, просто работаю. Я уже за три года насмотрелась… — Ольга вздохнула, видимо эти воспоминания были весьма неприятными. — А что вещей у тебя так мало?

— Из дома тащить ничего не захотела. Здесь все куплю потихоньку.

— На нашу зарплату ничего не купишь, с голоду бы не сдохнуть! — с неожиданной злостью сказала Ольга.

— Родители помогут, денег пришлют в сентябре. Они с продажи картошки нормально зарабатывают. — Роль ограниченной крестьяночки нравилась мне больше и больше.

— Ладно, мне-то какое дело, — опять замкнулась Ольга.

— Расскажи мне про больницу, Оль, пожалуйста — вежливо попросила я. Села на кровать и приготовилась слушать.

— А что рассказывать? Больница наша огромная, в этом есть свои плюсы, а есть и свои минусы. — Кажется, моя соседка в своей оценке жизни больницы хотела быть объективной.

— А минусы какие? — Стоп, не торопись, одернула я себя.

— Здесь человек как иголка в стоге сена пропасть может, причем это касается и пациентов, и сотрудников. В этой комнате на койке, которую ты заняла, девочка жила со мной больше года, хорошая девочка. Галкой звали. Операционной сестрой работала в онкологии. Так пропала она весной. Ушла на работу и не вернулась.

— Ничего себе! А до работы дошла?

— В том то и дело, что не дошла. А здесь всего ничего идти — то…

— А милиция?

— Какая милиция!? Три дня всем в общаге нервы трепали, в туалет не пускали, а потом заявили, что вроде с мужиком на юг уехала. Ерунда полная! С работы не уволилась, зарплату не получила. Да и не было у нее никого, я точно знаю. Убили ее! — Ольга распалилась, видно было, что она одновременно возмущена, и боится.

— Кто убил?! — При этих словах я раскрыла глаза так, что

они грозили выскочить из орбит. Главное — не переигрывать. Но моя соседка ничего не заметила.

— Здесь знаешь, какие дела творятся? У нас говорят, что в подвале больницы элитный публичный дом находится, первые лица города туда ходят. — Ольга понизила голос, и оглянулась на дверь, как будто нас кто-то мог подслушать.

— Люди болтают много… — Придав своему голосу как можно больше недоверия, нараспев протянула я.

— Просто так болтать не будут. Потом еще. В морге нашем покойников всегда навалом, в отделениях умирает намного меньше. Я проверяла. Как объяснить это? — Как ни странно, моя наивная тактика была верной. Вот уже, сколько новой информации, а сидим-то всего полчаса! Чтобы не показаться навязчивой, я перевела разговор на другую тему:

— Где ужинаешь обычно? Столовая уже закрыта, наверное.

— Я обычно стараюсь не ужинать. Деньги экономлю и фигуру берегу. Два в одном! — Она рассмеялась.

— У меня есть яблоки и орехи.

— А у меня зеленый чай.

Чтобы заварить чай нам пришлось пойти на кухню в конце коридора. Когда я зажгла свет, во все стороны прыснули полчища рыжих тараканов. Ужинать сразу же расхотелось, но делать было нечего, пришлось поддерживать беседу, чтобы не показаться невежливой.

За чаем я выяснила, что Ольга приехала сюда из маленького районного городка, надеясь устроить свою тридцатилетнюю жизнь в большом городе, где легче познакомиться с мужчинами. В ее семье мужчин как таковых не было — и бабушка, и мать, и тетка рожали детей, так и не побывав замужем. Городок был маленький, единственным предприятием в нем была швейная фабрика, которая уже лет пятьдесят была лидером по пошиву фуражек. В городке жили в основном женщины, все мужчины были наперечет. А женщины все прибывали — по соседству с городом была женская колония, на которой шили рабочие рукавицы, и многие женщины, отмотав срок, не возвращались домой к прежней жизни, где их никто не ждал, а оставались здесь, на фабрике. Платили работницам хорошо, потому что основным заказчиком фуражек было Министерство Обороны, в декрет ходить не запрещали, так как из желающих работать на фабрике стояла за воротами очередь, поэтому обрастали бывшие зечки на воле детьми, отцов которых никто не знал, и были здесь относительно счастливы.

Бабушка Ольги сидела перед войной на этой зоне за украденный с колхозного поля мешок гороха. Вышла на свободу

она, уже имея малолетнюю дочь, которую забрала из местного Дома малютки после своего освобождения. Дочка ее, Олина мама, никогда не сидела, но работала не на фабрике, а охранницей в женской зоне, где и забеременела. Отца Ольга не знала, он никак не проявлялся в ее жизни, поэтому, когда она закончила восемь классов, бабушка и мама решили, что она поедет учиться в город и искать лучшую жизнь.

Лучше или хуже, но Ольга в городе прижилась. Одно ее изводило — решить вопрос с жильем не представлялось возможным. А без жилья можно было даже не рассчитывать завести семью — вон, сколько одиноких женщин с квартирами, и не замужем…

Так болтая, мы засиделись допоздна, и я впервые позабыла, зачем я здесь.

* * *

Старшая сестра оперблока шла на работу, и ей было очень плохо. Вход — рубль, выход — два, пришла ей на ум банальная фраза. Уволиться ей не дадут, это точно. Другие пробовали, она хорошо запомнила, чем это закончилось. Шеф так ей и сказал однажды, когда она вместе с ним вышла на лестничную клетку покурить. Она чувствовала, что он перестает ей доверять. Но она старается по-прежнему, просто немного устала. А может его раздражает, что она уже давно в курсе его дел? Мало ли что ей придет в голову, когда она поймет, что он не собирается уходить от жены. А может, он решил вывести ее из игры? От этой мысли она похолодела. Ну, уж нет! Она не позволит так с собой обойтись! Она действительно много знает, и может сильно навредить бывшему любовнику, так беззастенчиво пренебрегавшему ей в последнее время ради молоденьких медсестричек!

Старшая сестра и сама не могла сейчас ответить честно, любит она его, или уже ненавидит. Десятилетний служебный роман начинался совсем по-другому. Он был с ней нежен, дарил подарки, ловил каждое ее слово, часто фотографировал. Незаметно она привыкла к его присутствию в своей жизни, перестала искать возможности выйти замуж, практически жила по его расписанию, проводя в одиночестве выходные и праздники. Она ничего не требовала от него, просто хотела быть рядом. Но через пару лет она почувствовала, что что-то меняется. Вместо дорогих духов и золотых колечек на 8-е марта и день рождения он стал дарить ей шарфики и глупые сувениры. Она уже не могла

вспомнить, когда он вместе с ней гулял по городу, держа ее за руки. Вместо этого он все больше стал вовлекать ее в свои делишки, обращаясь с просьбой взять деньги, которые больной передает ему за лечение, съездить на другой конец города, чтобы выписать ему в кабинет новый офисный стол, или забрать анализ, который он делал неофициально, готовя больного к операции.

Потом его просьбы пошли дальше: купить жене или дочке на день рождения подарок, договориться в автосервисе насчет ремонта машины, послать маме телеграмму в другой город с поздравлениями к Новому году, заказать билеты в отпуск, куда он ехал всей семьей.

Она никогда не возражала ему, просто потому, что у нее уже не было ни сил, ни желания хоть как-то обустроить свою жизнь. Она чувствовала себя как выжатый лимон, единственно, на что у нее хватило характера — она перестала принимать противозачаточные таблетки. Но это счастье, видимо, тоже было не для нее: беременность не наступала. Через два года безуспешного ожидания беременности она решила пойти к знакомому гинекологу, и обследоваться. Обследование никаких отклонений в ее организме не обнаружило, знакомый гинеколог, который был в курсе ее служебного романа, отводя глаза, сказал: «Ну, не дает тебе Бог этого ребенка, может и не надо. Смотри, живешь материально прекрасно, карьеру сделала, сама себе хозяйка, зачем тебе эти хлопоты?» Она согласилась для виду, но выйдя на улицу, вдруг поняла, что ее жизнь разрушена. Разрушена человеком, который не пожелал брать на себя ответственность за их отношения, просто пользовался ее услугами, ничего не отдавая взамен. А сейчас она уже была просто не в состоянии начинать что-то новое, она прекрасно осознавала, что не поверит больше ни одному мужчине, подошедшему к ней ближе, чем на метр, прежде всего потому, что последние годы ее жизни были построены на лжи.

Ей показалось, что она сможет отомстить своему любовнику, если все-таки родит от него ребенка, против его воли. И она начала ходить по народным целителям и травникам, даже ездила в Израиль на Мертвое море в санаторий по лечению женского бесплодия.

Когда она впервые почувствовала эту дурноту, то сначала решила, что случилось долгожданное Чудо, и она беременна. Но это оказалась тяжелая болезнь крови, которую она была теперь вынуждена скрывать ото всех, боясь потерять эту работу.

В последний раз на операции ей стало плохо, но она держалась до последнего, и конце концов позорно упала в обморок, опрокинув на себя стерильный стол. Когда она пришла в

себя, то поняла, что времени у нее остается совсем мало.

Глава 10

Утром в операционном блоке обстановка напоминала ажиотаж перед показом коллекции модной одежды — симпатичные молодые медсестры переодевались в операционные костюмы, сняв с себя недешевые шмотки и разгуливали полуголые, демонстрируя модные стринги на упругих попах, торопливо подводили глаза, закалывали красивыми заколками и убирали под шапочки пышные волосы. И щебетали не переставая.

Я уже давно натянула свой жуткий костюм, и скромно стояла в сторонке, когда в помещение вошла старшая операционная сестра в голубых джинсах и белой рубашке навыпуск. В обычной одежде она казалась намного моложе, но взгляд был строгим, а лицо бледным и неприветливым.

— Все на месте? — оглядев комнату, спросила она.

— Голубушкина заболела, — подобострастно доложила ей высокая девица с коротким ежиком рыжих волос на голове. Сзади ежик переходил в тощий воробьиный хвостик. Ну и прическа, подумала я.

— Что с ней? — Казалось, что старшая сейчас заснет.

— Отравилась чем-то. Сказала, что перезвонит вам, как оклемается. — Девица явно была из приближенных, пока она докладывала, щебет в комнате утих.

— Новенькая санитарка пришла? — Вопрос был явно риторическим, ведь я стояла совсем рядом.

— Я здесь! — быстро ответила я.

— Сегодня пойдешь в легочное отделение, в операционную. Там одна операция, поможешь Жене принести биксы из стерилизационной, она потом скажет тебе, что нужно делать. — Изложив эту длинную тираду, старшая повернулась и вышла. Сразу же все загалдели.

— Женя? — я обвела щебечущих девиц глазами.

— Это я. — Откликнулась полненькая девушка небольшого роста. — Пойдем, надо торопиться, сегодня Петров оперирует, он ждать не любит.

Мы молча пошли по длинному коридору, который освещался лампами дневного света.

Подойдя к белой двери с табличкой «Стерилизационная», Женя толкнула дверь и зашла внутрь, приказав мне:

— Жди меня здесь!

Я вошла следом и с любопытством огляделась. В нашей маленькой бюджетной больничке помещение, в котором стерилизовали белье и инструменты, было раза в четыре меньше

огромной комнаты, очертания которой терялись в полумраке. Тихо гудели сухожаровые шкафы, время от времени мигая электронными индикаторами. Некоторое оборудование я видела первый раз в жизни, наверное, это были современные ультразвуковые стерилизационные установки, потому что от них исходил звук, похожий на тонкий свист, граничащий с ультразвуковым диапазоном.

— Вот забирай, тащи наверх на лифте. Я чуть позже приду, да смотри, не урони! Поднимись на четвертый этаж, там наша операционная. Поставь на стол стеклянный там, где хирурги моются. — Женя передала мне две большие металлические круглые коробки, называющиеся биксами, и дверь стерилизационной захлопнулась прямо перед моим носом.

Проклиная все на свете, я пыталась удержать тяжеленные металлические биксы, жалея, что у меня всего лишь две руки.

Лифт подъехал практически сразу, складную решетку двери открыл мне мрачный старик в белом мятом халате нараспашку.

Когда я начала систематически посещать солярий, вдруг обнаружилось, что у меня клаустрофобия — болезнь замкнутого пространства. Сжав зубы и закрыв глаза, я старательно представляла себя дома, правда этому мешало громкое сопение противного старика прямо у меня над ухом. Наконец лифт затормозил, и я вывалилась в коридор, увлекаемая вперед тяжеленными биксами.

Операционная была огромной, с высоким потолком и значительных размеров окном с вставленным европакетом. Женя как-то умудрилась обогнать меня, она уже одела операционную шапочку и маску, и ждала, когда я раскрою биксы, чтобы одеться и накрыть стерильный столик.

Стерильная одежда для персонала в операционной Центральной больницы оказалась темно-бордового цвета. У нас в больнице халаты были или белыми, или темно-зелеными.

Ловко запахнув стерильный халат, на месте, условно названном у толстенькой Жени талией, я скромно отошла и присела на белую круглую табуретку в сторонке, чтобы никому не мешать.

Дверь операционной открылась, в нее въехала каталка, застеленная одноразовой голубой простыней, на которой лежал пациент. Ему уже сделали укол, он еще не спал, но был вялым и безучастным ко всему.

Странно, но очутившись здесь в довольно непривычной для себя роли, я совсем по-другому воспринимала происходящее. Почему-то хотелось надеяться, что для больного все закончится хорошо, раньше я никогда не задумывалась о том риске, который

сопровождает обычную операцию. Но история с умершим парашютистом, видимо, все поменяла.

Наконец, в операционную вошли два хирурга. Один из них, видимо, это и был Петров, заведующий пульмонологическим отделением, был высоким и широкоплечим. Второй, видимо студент, или клинический ординатор, наоборот, маленьким и шустрым. Старательно выполняя все, что мне полагалось делать, я старалась не смотреть в сторону операционного стола. Помогла надеть хирургам стерильные халаты, держа их изнутри за ворот, завязала сзади пояски, скрученные в плотные жгуты от частой стерилизации, собрала с пола и взвесила на электронных весах пропитанные кровью салфетки, воткнула в розетку шнур от электрокоагулятора, несколько раз поправляла положение операционной лампы. К концу дня я в буквальном смысле валилась с ног. Операция шла долго, получив распоряжение Жени вынести грязное белье, я не стала ждать, пока проснется больной и потащила тюк с грязным одноразовым бельем в сторону больничной помойки.

Этот рабочий день, в отличие от вчерашнего, пролетел незаметно.

«Ничего себе работа за четыре с половиной тысячи рублей в месяц!» — подумала я, с тоской вспоминая свой родной процедурный кабинет.

Завтра пятница, предстояла генеральная уборка в операционной, это будет намного проще, а там уже выходные. В выходные я планировала съездить к бабке Татьяне, пусть она посмотрит ситуацию, в которую я попала. Да и против поедания пирогов с черникой я совсем ничего не имела.

Рабочий день в оперблоке заканчивался чуть раньше, и я решила сегодня съездить в ГИБДД, не заходя в общежитие. С трудом втиснувшись в троллейбус, до отказа забитый пенсионерами, имеющими право бесплатного проезда на электротранспорте в пределах города, я минут через 20 уже подходила к зданию Областного Управления. Узнав у дежурного внутренний телефон, я набрала номер на аппарате, висевшем на стене.

Минут через пять Игорь вышел в холл и мы, как старые друзья, чмокнули друг друга в щеку.

— Права отобрали? — спросил меня инспектор строгим тоном.

— Нет, права в порядке. Мне нужно найти хозяина вот этой машины. — Я вырвала листок из блокнота с заранее записанным там номером и передала инспектору.

— Зачем?

— Торчит по ночам у моего подъезда, на всякий случай хочу знать, кто он и кому ездит…

— Боишься? Совесть, значит, нечиста! — сделал он неожиданный вывод. — Тебе куда позвонить, на работу?

— Я сама к тебе заеду, телефон сотовый потеряла, новый не купила еще. Заодно кофе попьем. — Изо всех сил я старалась быть кокетливой.

— Темнишь… Ладно, выручу по старой памяти. На следующей неделе во вторник приходи после обеда, у меня инспекция автошколы здесь неподалеку, заодно расскажешь все как есть. — Не дожидаясь ответа, Игорь повернулся и ушел, не попрощавшись.

«Наверное, что-то заподозрил, — расстроилась я, — надо бы рассказать все как было, но не здесь же?!»

О невероятной интуиции сотрудников ГАИ я слышала немало от Дениса. Может быть, их обучают приемам ясновидения? Денис рассказывал мне о нереальном чутье гаишников, приводил примеры из жизни, когда интуиция помогала обнаружить сбежавших преступников или четко определить пьяного за рулем. Терзаясь угрызениями совести от собственного вранья, и пообещав себе честно рассказать в ближайшее время симпатичному инспектору непростую историю, в которую я попала, я вернулась в общагу.

Поднимаясь по общаговской лестнице на второй этаж, я грустно размышляла, что пока я не продвинулась в своем частном расследовании совсем. Туманные сведения о темных делах в стенах Центральной больницы пока носили характер обычных обывательских слухов. Надо было непременно найти что-то конкретное, иначе я не смогу вернуться к нормальной жизни никогда.

При этой мысли тоска навалилась на меня со всей силой. Я вспомнила, как любила сидеть на мягком диване с книжкой, укрывшись пушистым пледом, слушать мурчание Касьяна, и жевать что-нибудь вкусное. Бедный мой кот, я надеюсь, что он не умер от голода в квартире. Хотя, если меня обвинили в краже наркотиков, квартиру наверняка обыскивали и уж голодной смерти мой кот должен был избежать, испугавшись чужих людей и выскочив из дома. Но вот как он будет на улице бродяжничать после сытой и спокойной жизни со мной? Неужели я застряла здесь надолго? Что-то подсказывало мне, что мое расследование будет намного сложнее, чем мы предполагали со Славой. Я постаралась не думать об этом, твердо решив смотаться в выходные к ворожее Татьяне в деревню.

Вечером я приняла решение систематизировать полученные

факты, и, позаимствовав из Ольгиной тумбочки чистый лист бумаги, старательно начала рисовать предполагаемую схему незаконных операций по пересадке донорских органов.

Смысл схемы заключался в том, что каждый добытый мной факт или предположение, я отмечала на листке бумаги. Когда я начала рисовать на листке бумаги кружочки и стрелочки, разрозненные факты вдруг стали в один ряд. Что там говорила Ольга — люди пропадают, раз. Трупов в морге больше, чем умерших в Центральной больных, два. Количество проведенных операций надо сравнить с числом биксов из стерилизационной.

Закончив рисовать, я взяла из тумбочки другой листок бумаги и написала на нем план действий.

Вот, что у меня получилось.

1. Проверить, не идут ли операции вне рабочего времени операционной.
2. Проверить, сколько всего стерилизуется инструментов и белья за неделю.
3. Сравнить количество инструментов и белья, выданных за неделю в оперблок с числом операций в операционном списке.
4. Посмотреть в журнале записей в больничном морге, сколько было за последнюю неделю вскрытий.
5. Под любым благовидным предлогам взять в отделе медицинской статистике данные о летальных (смертельных) исходах за тот же период времени.
6. Найти по возможности хозяина Мазды.
7. Узнать, в какой больнице, и с каким диагнозом лежит его дочь.

Еще раз, внимательно просмотрев список, я увеличила срок своих исследований вдвое, после чего, совершенно довольная собой, решила прогуляться и купить что-нибудь поесть. Столовая в больнице уже не работала, но около автобусной остановки круглосуточно работал маленький минимаркет. Уцелев в яростной борьбе областных чиновников с ларьками и минимаркетами, которая проводилась отнюдь не в интересах населения, а для увеличения количества посетителей магазинов крупных торговых сетей, маленький магазинчик выстоял и держался из последних сил. Справа и слева от него уже стояли строительные заграждения, определяющие границы будущей стройплощадки очередного элитного дома, но бойкая торговля вселяла надежду в светлое будущее именно малого бизнеса в нашем городе.

Знакомый с детства вкус батончика Баунти порадовал меня,

несмотря на то, что батончик немного подтаял. Бутылка минеральной воды из холодильника приятно охлаждала руку, в общежитие идти не хотелось, поэтому я решила идти домой дальней дорогой, пройдя через больничный двор Центральной.

Проходя мимо крыла, в котором располагались операционные, я застыла от удивления.

В операционной на первом этаже горел свет. Я уже узнала, что на четвертом этаже — операционная отделения легочной хирургии, на втором располагалась экстренная. Но что на первом? Я точно знала, что Центральная по экстренной помощи не дежурит — об этом как-то на оперативке по секрету всему свету рассказал Ашот Андреевич. По его словам, причиной был конфликт между главным врачом Центральной, отказавшимся оплачивать грабительские счета по коммунальным платежам, присланные новоиспеченным мэром. По уровню тарифов Центральную приравняли к коммерческим предприятиям, что собственно задело главного врача до глубины души. Больница подала в суд на мэрию, оспорив законность тарифов, и выиграла дело. Мэр не остался внакладе, и вычеркнул Центральную из списка дежурных больниц, лишив больницу части финансирования. Кто от этого проиграл, так это пациенты. Теперь вместо оборудованных операционных их везли на окраины города в бюджетные больницы. Поэтому в столь поздний час проведение экстренной операции было проблематичным.

Больничный двор был заросшим, как старый парк. Заглянуть в окна мне не представлялось возможным, первый этаж располагался очень высоко. Выяснить, кто же находится в операционной, я решила косвенным путем.

Те, кто работал в столь поздний час в операционной, наверняка приехали сюда не на общественном транспорте, решила я. Быстренько забежав в общежитие, я вооружилась листком бумаги, подкралась незаметно к больничной стоянке, и тщательно переписала все номера стоявших на парковке автомобилей.

Решив, что мне наконец-то улыбнулась удача, я решила не испытывать сегодня больше судьбу, мышкой прошмыгнула в свою комнату, вытащила листок с планом действий из-под матраса и приписала еще один пункт.

8. Порыться в больничном мусоре.

* * *

Эта новенькая Комендантше Общежития сразу не понравилась. Не похожа она на санитарку. Явно из небедной семьи, вежливо говорит, ухоженная. Комендантша всегда легко могла отличить девушек благополучных от таких, какой была сама — у этих воспитанных чистюль из хороших семей с рождения было то, чего Комендантша сама никогда не имела. Мать ее вечно моталась куда-то на заработки, а дочка «Христа ради» воспитывалась у тетки, пылающей благородной яростью от неизбежной необходимости заботиться о ребенке младшей сестры. В семье тетки ее не то чтобы не одевали — не кормили каждый день, и как только ей исполнилось шестнадцать, она сорвалась и сбежала из теткиного дома, уехала в соседний город, где устроилась на кирпичный завод — рабочих рук там всегда не хватало. На кирпичном заводе она не задержалась надолго, выскочила через пару месяцев замуж за первого же парня, который позвал ее в постель. Получив через мужа городскую прописку, она сразу же сбежала от молодого мужа, который это не сразу заметил, так как пил по-черному, и устроилась работать комендантом женского общежития на другом конце города. В роли коменданта общежития она не заводила друзей, никого не любила и никого не жалела, и именно это помогло ей наладить в ее общежитии идеальный порядок. Сначала она гордилась тем, что ее хвалят, потом ей это стало безразлично. Коментдантша жила одна, мужчины долго не выдерживали рядом с ней, и уходили, и она, сидя на крохотной кухоньке со стаканом крепкого чаю все чаще стала задумываться о старости. Результатом этих размышлений стала крупная недостача на складе постельного белья, после чего она срочно уволилась и вынуждена была пойти в эту нищую медицинскую общагу на окраине города и работать здесь за гроши. Но она все равно не сдавалась и надеялась когда-нибудь разбогатеть. Хотя, богатство в ее понятиях вызвало бы у людей серьезных, как минимум, смех до колик в животе.

Глава 11

Следующий рабочий день — день генеральной уборки в оперблоке — прошел на редкость бестолково. Меня гоняли с поручениями из одной операционной в другую, и к обеду я буквально валилась с ног. В середине дня я улучила минутку, добралась до телефона, стоявшего на столе у старшей сестры, и попробовала набрать номер кабинета Славы, но межгород был отключен, видимо из-за экономии больничных средств. За несколько дней работы я так и не смогла поговорить ни с кем из операционных сестер. Они упорно не обращали на меня никакого внимания, зато старшая медсестра не давала мне даже присесть на минуту, как будто специально следила за мной. Я вымыла пол в двух операционных на втором и третьем этаже, помыла окна в коридоре, который вел к оперблоку, отнесла несколько биксов с салфетками и инструментами на стерилизацию в подвал. Потом меня попросили утащить на помойку мешки с мусором. Это было кстати. Спрятавшись за пластмассовый контейнер, я внимательно обследовала содержимое мешков, но ничего подозрительного так и не нашла.

Когда, запыхавшись, я вошла в нашу комнату, все девушки уже сидели за столом.

— Где ты ходишь? — как будто не она меня гоняла, спросила старшая сестра. — Ты сегодня проставляться будешь?

Я сделала непонимающие глаза. Девушка из деревни не могла знать, что такое «проставляться». По-моему, она меня проверяет, — подумала я.

— Ну, когда обмывать твою новую работу будем?

— А, это… Сейчас, я мигом! — я побежала в буфет.

Накупив полный пакет пирожков и кексов, я тихонько подошла к полуоткрытой двери оперблока, и внимательно прислушалась.

Ничего особенного. Обычные разговоры о потенциальных женихах, о том, как муж в очередной раз застал с любовником, внезапно появившись на дежурстве, и о том, как мало платят.

Вывалив на стол еду, я предложила:

— Могу еще в минимаркет за шампанским сбегать.

— Не надо, я с него пердю… — неприличное слово потонуло в общем хохоте.

— Садись, выпей с нами.

— А что это? Спирт? — поломавшись для приличия, я храбро глотнула обжигающую жидкость. Опьянеть я не боялась, дед мой, по слухам очень любивший выпить, передал мне по наследству

чрезвычайную устойчивость ко всем спиртным напиткам, правда удовольствия мне они не доставляли.

— Ну и зачем ты сюда работать пришла? — несмотря на выпитый спирт, допрос продолжался.

— Я хочу на будущий год поступать, поработаю пока здесь, понравится — останусь. Общагу дали, а ем я мало. Может, привыкну, а то так устала сегодня.

— Мы тоже устаем, мало не покажется, — и разговор плавно перетек в другое русло.

— Можно я домой пойду, а то голова кружится…

— Конечно, иди. Да не опаздывай в понедельник. Операционный день!

Конечно, я чуть не забыла посмотреть новый операционный список, вот растяпа!

Пересчитав операции, я опять загнула пальцы. С понедельника по четверг, на будущей неделе, в операционном списке числилось восемнадцать операций.

* * *

Никто не знал, сколько ему лет. Он тоже забыл, когда родился. Случилось это несколько лет назад, когда он по неосторожности выпил почти литр дезинфицирующего раствора, разбавленного раствором глюкозы, который он нашел в коробке рядом с контейнером. Правда, тогда это был не контейнер, а обычная помойка, тогда и слов таких не знали. Многие из его друзей-бомжей и алкоголиков-побирушек, обходили больничный двор стороной, предпочитая искать пропитание и вещи в обычных помойках. Его же всегда тянуло сюда, обрывки голубой одноразовой одежды были похожи на воздушных змеев, которые в детстве мастерил для него отец из миллиметровки, украденной на ближайшей швейной фабрике, одноразовые маски внушали уверенность, что кто-то заботится о здоровье других. Пустые стеклянные флаконы из-под растворов смотрелись как новогодние игрушки в обрамлении длинных прозрачных шнурков использованных капельниц. Иногда попадались фонарики и диковинные рыбки, сплетенные пациентами больницы из этих капельниц, которых после выписки подарившего их больного, так же выбрасывались на помойку санитарками или медсестрами.

Но и тогда, и сейчас, он не изменил своим привычкам — больничный двор манил его выкинутой на помойку халявой и он никак не мог удержаться от удовольствия неспешно распотрошить упакованный мусор и внимательно в нем

покопаться. Попадалось разное: использованные системы и одноразовые шприцы со следами чьей-то крови, испачканные кровью салфетки, коробки из-под лекарств, старые тапки. Он мечтал найти здесь подушку или одеяло, его постельные принадлежности кто-то из его друзей-собутыльников утащил из грязной квартиры, когда он валялся в очередном запое. Так и спал сейчас — без подушки и без одеяла, укрываясь, когда было холодно, рваной в клочья рабочей робой, тоже добытой на помойке в соседнем дворе. Но одеяло никак не попадалось — ему было невдомек, что мягкий инвентарь в больнице не выбрасывают, а списывают, показательно разрубая или сжигая в больничном дворе, чтобы никому не досталось. Как все хронические алкоголики он не отличался сообразительностью, но у него вдруг затряслись колени. Трясущимися руками он вытащил ЭТО из пакета и собирался его поближе рассмотреть, но в этот момент нестерпимая боль парализовала его, и он услышал, как трещит его череп. В его измученном дешевым алкоголем мозгу тихо возникла и сразу же растаяла слабая мысль: «отмучился…»

Глава 12

Утром в субботу я проснулась очень рано. Давно у меня не было такого хорошего настроения. Предстоящая поездка в Реутово к Татьяне Васильевне воспринималась моей уставшей от невзгод душой как праздник.

На автостанции народа было мало: домой все уехали в пятницу после работы. Я взяла билет до Реутова, и заранее села в небольшой автобус, который безнадежно ждал пассажиров у здания автовокзала.

Вместе со мной в ту же сторону ехали несколько пассажиров: в основном грибники в брезентовых штормовках и с корзинами. Как ни странно, спать мне не хотелось, я заворожено смотрела в окно, думая, что если бы не моя беда, никогда бы я этой красоты не увидела.

Солнце поднималось из-за перелесков, оттесняя темно-синюю пелену ночи на запад. Желто-золотистые поля ровными квадратами сжатой пшеницы отмеряли километр за километром. На горизонте дымил трубой одинокий трактор, подчеркивая присутствие цивилизации в этих местах. Покоем и умиротворением дышала осень, скоро светлые деньки сменит унылый дождик, и прощай, тепло, еще на полгода!

Спросив, где мне выйти, чтобы добраться до Реутова, я сошла с автобуса, и повернула на проселочную дорогу в нужную сторону. Как я умудрилась тогда здесь заблудиться, ума не приложу, думала я, огибая совершенно крошечный перелесок, который мне показался тогда настоящим лесом, и в котором пережила столько неприятных минут.

Татьяна Васильевна была дома, и встретила меня так, как будто ждала, что я приеду. А может, так оно и было?

— Проходи, девочка, как дела у тебя? — Нараспев произнесла она, когда увидела меня на пороге.

— Так, ничего, лучше, чем были… — Я растерялась, не зная, с чего начать.

— Садись. Пирожки кушай, я чай сейчас заварю тебе, утрешний остыл… — Она так и сказала «утрешний».

— Спасибо. Я хочу, чтобы вы мне погадали, никак не разберусь в проблеме своей. — Моя рука сама собой уже тянулась к румяному пирожку, лежащему на тарелке. — А с чем пирожки?

— С курятиной. Я знала, что сегодня гости будут, вот и зарезала.

— Сама?! В смысле зарезали курицу сами?

— А что ж тут такого, в моем деле кровь свежая часто нужна

бывает. На нее и болезнь свести можно, и от врагов с ее помощью откупиться.

— А как это? Как вы лечите? — прошамкала я с набитым до отказа ртом. Пирог с курятиной был необыкновенно вкусным. Так и надо этой курице, не жалко ее!

— Долго объяснять надо. В двух словах, наверное, так. Ты когда таблетку пьешь, что болезнь прогоняет?

— Активное вещество. Оно действует на микробов.

— Так в природе тоже активные вещества есть.

— Какие?

— Солнечный свет, роса утренняя, ветерок свежий… Есть и другое — противоположное: болото, кладбище, пепел. Да мало ли чего знахари используют, чтобы людей лечить.

— А погубить они людей могут?

— Могут. — Она разговаривала со мной как с ребенком маленьким. — Да только отвечать за это всегда приходится…

— Как это?

— Ну как, допустим, просто человека сгубить — это грех великий. А если человек этот ребенка убил, а доказательств его вины нет? Вот и идет несчастная мать к колдунье, просит, чтобы злодея наказала. Или вот тебе пример — пьет мужик в доме, бьет жену и детей насмерть. Жена его уже и руки на себя наложить хотела, да сын старший спас, из петли в сарае вытащил. Как тут негодяя не успокоить?

— Убить что ли?

— Да зачем же убивать? Бутылку водки на могиле неделю продержи, да пьянице выпить дай незаметно, он с одной рюмки мертвым сном спать будет.

— Здорово. А у нас вон, пьяниц кодируют, только толку мало.

— В твоей медицине толку вообще мало, потому как она не признает в человеке душу. Что толку тело лечить, если душа болеет? То-то, милая, ты кушай. Я потом тебя этому обучу, если захочешь. Только подождать придется — колдуньями после сорока лет становятся, когда женская сила убывать начинает.

— Ну, мне еще долго до сорока. Я собственно, к Вам за помощью приехала. Рассказать решила о своих проблемах, может, погадаете мне, поможете, а то не понимаю я ничего.

— Погадаю, но попозже, когда солнце сядет. А сейчас пойдем со мной, в огороде мне поможешь.

Перечить Татьяне Васильевне мне было не с руки, и я поплелась за ней в огород.

Но грядки полоть она меня не попросила, подвела к огромной черемухе в глубине участка, повернула к широкому стволу спиной, и сильно прижала позвоночник к твердой

бугристой коре. Я вскрикнула от боли.

— Вот, видишь, злости и беды в тебе сколько накопилось. Прижмись посильнее, черемуха из тебя всю злобу вытянет. Раньше деревьям поклонялись, подарки несли, ленточки на ветках завязывали. А теперь забыли старые бабкины рецепты, а еще удивляемся, что народ болеет.

Как ни странно, мне стало легче. Дерево и, правда, вытянуло из меня недельную усталость.

— Вот, а теперь наклонись пониже, к земле, и ладони прижми к ней плотнее.

Я подчинилась. От неудобного положения к голове прилила кровь, но колдунья не унималась.

— Ты зло дереву отдала, теперь силу из земли вытягивай, учись. В земле сила небывалая, с любой работой справиться поможет.

— А теперь руки подними, встряхни ими как следует. Вдохни поглубже воздух, видишь, какой сладкий…

Я глубоко вдохнула, и у меня закружилась голова. Боясь упасть, я оперлась на ствол черемухи. В этот момент на меня обрушился поток ледяной воды, от неожиданности я завизжала.

Татьяна Васильевна улыбалась, держа в руках пустое ведро. И как я его не заметила?! Ну и шуточки у нее!

— Все, пойдем в дом, я тебя переодену, поспишь немного, а там и солнце сядет.

Удивительно, мокрая, с ладонями, перепачканными землей, с поцарапанным толстой корой позвоночником я чувствовала себя свежей и отдохнувшей. Интересно, как она это делает? Надо сюда с Денисом приехать как-нибудь, твердо решила я. Все мои страхи улетучились куда-то, мне казалось, что вот-вот и проблемы будут решены. Но я снова ошибалась.

* * *

После полуночи город замер. Перестали лаять даже дворовые собаки, которых было полно в гаражах неподалеку. В этой заполнившей мир тишине его шаги по коридору морга звучали особенно торжественно и зловеще. Открыв дверь в большую комнату, он поежился. Работал кондиционер, и здесь было довольно холодно. Карманный фонарик острым лучом выхватывал из темноты очертания мертвых тел, лежащих на высоких стеллажах вдоль стен комнаты. Посередине стоял секционный стол, покрытый жестью, на нем под свисающей простыней угадывались очертания человеческого тела. Не

торопясь, он расставил свечи вокруг стола на кафельном полу, но зажигать не стал, сдернул простыню с трупа, и пристально вгляделся в лицо мертвеца. Несколько минут он стоял, разглядывая гримасу боли, которую, видимо, испытывал умерший в свои последние минуты. Потом вытащил из кармана халата коробок с серными спичками, и поджег свечи по очереди против часовой стрелки. Именно такая последовательность была важной в проведении этого ритуала.

Потушив карманный фонарик, он встал радом с трупом, опустив руки и прикрыв глаза. Пламя свечей металось из стороны в сторону, и от этого казалось, что мертвец шевелится. Наконец, он настроился и понял, что готов к проведению обряда, взял одну из свечей в правую руку, а левой открыл трупу глаза. Пристально, не мигая, он смотрел в широкие круги зрачков, втягивая в себя, как ему казалось, ту силу, которой обладал покойник при жизни. Он должен был увидеть в мертвых зрачках то, что этот могущественный и влиятельный человек видел в последние мгновения своей жизни. Но это опять ему не удалось. Тогда он взял холодные пальцы трупа в свои ладони, и, продолжая пристально смотреть в черные мертвые расширенные зрачки, попытался втянуть в себя могущественную и запредельную Энергию Смерти.

Глава 13

Как ни странно, неожиданные пятничные посиделки сломали невидимую стену между мной и коллективом. Придя на работу в понедельник чуть раньше, я на правах своей, пообщалась почти со всеми сестрами. Меня встретили радушно, и отправили одну(!) в подвал за стерильными биксами для операций в экстренном отделении. Я медленно спускалась по лестнице, сжимая в кармане больничной куртки небольшой сверток, маленький листок бумаги и короткий карандаш. Дома я тщательно продумала, что нужно сделать, чтобы хотя бы на несколько минут остаться одной в комнате. Следовало заглянуть хотя бы одним глазком в журнал, в котором операционные сестры расписывались, получая биксы для операционных. А по возможности, переписать на лист бумаги все количество стерильного материала, полученного оперблоком больницы на прошлой неделе. Мой план сработал на «отлично». Заведующая стерилизационной, крупная дама лет сорока, выскочила, как ошпаренная, за дверь, визжа на частоте, близкой к ультразвуку, когда наткнулась взглядом на дохлую мышь, лежащую перед ней на кафельном полу. Мышь я вчера достала из мышеловки в туалете общежития, тщательно завернула ее в плотную бумагу, а сегодня потихоньку достала из кармана и бросила на пол в стерилизационной. И только мне одной известно, что стоили мне все эти манипуляции с мышью.

Я быстро открыла журнал и переписала карандашом количество упакованных стерильных биксов, выданных в оперблок на прошлой неделе. Заведующая вернулась минут через пять, сопровождаемая двумя больничными рабочими. Но мышь уже лежала в моем кармане, завернутая в бумагу, поэтому я не стала слушать, чем закончится эта история, и, выбиваясь из сил, потащила три тяжелые круглые коробки к дверям лифта.

В операционной сегодня царил заведующий отделением. Я уже видела его в первый рабочий день в раздатке буфета. Заведующий отделением был похож, скорее, на барина, помещика, типа самодура Троекурова из известной повести А.С.Пушкина. Он был, несомненно, блестящим хирургом, его руки легко скользили по операционному полю, быстро и четко выполняя один этап операции за другим. Я невольно залюбовалась его работой, и это не осталось незамеченным.

— Интересуешься хирургией? — вопрос относился именно ко мне.

Я кивнула. Но заведующий уже забыл про меня и начал

поддразнивать операционную сестру, подававшую ему инструменты:

— Мышка, а мышка, а чего у тебя глаза такие большие?

Окончание известного анекдота было довольно неприятным для медсестры, но она ничуть не обиделась и продолжала смотреть поверх операционной маски на заведующего с явным обожанием.

«С этой все ясно», подумала я. «Вторая жена хирурга»…

Операция закончилась довольно быстро, до конца рабочего дня оставалась куча времени, и я решила навестить паренька с саркомой бедра из пятой палаты. Но в пятой палате на кровати с высоким подголовником лежала пожилая женщина. Из правого подреберья у нее выходила тонкая пластиковая трубочка, наполненная желтым непрозрачным содержимым. Я все поняла и тихо прикрыла дверь.

Придя в общежитие около шести, я заперлась в туалете, и вытащила из кармана листок бумаги.

С первого же взгляда было видно, что количество выданного на операции стерильного материала и инструментария как минимум в два раза больше, чем это требовалось для проведения четырнадцати операций. Это было уже второе попадание в цель.

После визита в выходные в Реутово, я вообще находилась в приподнятом настроении. На шее у меня висел деревянный медальон, издававший отчетливый аромат можжевельника. Татьяна Васильевна одела мне его на шею перед самым моим отъездом, на крыльце, и перекрестив меня молча, повернулась и ушла в дом. Гадание на картах не внесло ясности в мою ситуацию, ночью разложив несколько рядов из карт, она сказала, что все закончится хорошо, хотя ищу я не там, и опасность мне угрожает серьезная.

Следующим этапом моего расследования должно было стать посещение больничного морга. Я планировала сделать это завтра с самого утра.

Вечером я решила устроить постирушку. Стирать в холодной воде не хотелось, поэтому спустившись вниз на первый этаж, я попросила у сестры-хозяйки тазик. Опустив руки в горячую воду, подогретую на плите в общественном чайнике, я задумалась — как мало мы ценим удобства современной жизни. Дома у меня осталась прекрасная стиральная машинка, руками я стирала в последний раз в классе в девятом. Я тогда вместе со своим классом в зимние каникулы я ездила в Питер, нас буквально силком вытащила туда классная руководительница, горящая желанием приобщить наш класс к сокровищам мировой культуры. Жили мы в помещении спортивной школы-интерната на окраине

города, в интернате не было никого, кроме сторожа. Все учащиеся разъехались на каникулы по домам. Питались мы в каких-то столовках, жили в двух комнатах, ключи от которых дал нашей классной руководительнице ее однокашник — директор интерната. Стирали в туалете, под краном, развешивая потом мелкие детали своего туалета на холодных батареях. Как ни странно, но эта убогая обстановка, беготня по музеям, питание всухомятку, сон на скрипящих койках в холодных комнатах неуютного интерната запомнились мне, да и моим одноклассникам надолго, прежде всего, той свободой и независимостью от взрослых, которых мы все были лишены у себя дома.

Мое проживание в больничной общаге во многом напоминала тот интернат, с одной лишь разницей — возвращаться отсюда мне было некуда. И я, в который раз уже, твердо пообещала себе, что верну себе свою жизнь, которую у меня отняли.

* * *

Командировка подходила к концу. Она не была в этот раз особенно трудной: порядок в республике был уже относительно налажен. Жизнь в расположении его части текла размеренно и спокойно. Майор отдела специального назначения криминальной милиции Денис Павловский даже начал бегать на зарядку по утрам вокруг маленького аэродрома, на котором стояли боевые вертолеты. В этот раз их подразделение не участвовало в боевых действиях, не устраивало «зачистки» окрестных сел. Никто из его личного состава не пострадал за прошедшие два месяца, и даже не заболел. Но тревога не покидала его ни на минуту. Сегодня майор, наконец, понял, почему. Ему приснилась Леся. И хотя во сне с ней ничего не случилось, он не сомневался — его несговорчивой подруге, его будущей жене (а в этом он был абсолютно уверен!) угрожала смертельная опасность. Чутье никогда не подводило немало повидавшего тридцатидвухлетнего боевого майора, тем более, когда это касалось близких ему людей. Так же больно щемило его сердце, когда во время прошлой командировки умирала в больнице его мама. Ему не сообщили, что у мамы инфаркт, таковы были правила подразделения, в котором он служил. Он узнал об этом только через месяц, и долго плакал на могиле родного человека, поражаясь нелепости и невозвратности случившегося.

Теперь понятно, что та тоска, та боль, которая терзала его после глупой ссоры, начавшейся из-за пустяка, была вызвана

совсем не обидой на резкие слова своей молодой подруги, а скверным предчувствием того, что Олеся попала в беду, и он не может ей помочь, потому что его нет с ней рядом.

Отпросившись у командира, он добрался до телефона на командном пункте, и дозвонился ей на работу. То, что он услышал, его ошеломило, он даже переспросил дважды, в надежде, что ошибся.

* * *

Во вторник я пришла на работу, обдумывая, как бы это мне половчее проникнуть в морг Центральной больницы. Видимо, я выглядела рассеянной, за что тут же получила выговор от старшей медсестры. С трудом дождавшись конца операционного дня, я решила больше не тянуть, сходить в морг и там постараться заглянуть в журнал, в котором фиксируют протоколы вскрытий умерших в больнице пациентов. Потом я попробую сравнить количество вскрытий с данными отдела медицинской статистики, куда поступали сведения об общем числе умерших в больнице. Что бы мне это дало, я точно еще не знала, но первый успех моего частного расследования меня окрылил, поэтому я решила действовать.

Когда уставшие после операций медсестры сели пить чай в оперблоке, я незаметно выскользнула за дверь, и с силой потерев оба глаза, чтобы они покраснели, направилась в больничный морг, закрывая пол-лица носовым платком для конспирации. Никакой таблички с надписью Морг я не увидела, но у одной из дверей на заднем дворе больницы, выкрашенной белой краской, стояла Газель, рядом молча, курили три мужчины в черных костюмах.

— Скажите, мне сюда, у меня дед в терапии умер вчера? — спросила я сквозь носовой платок курящих мужчин.

— Сюда. Спроси у санитара, его Вадик зовут.

Вадиком звали здоровенного детину, который весил килограмм сто пятьдесят, если не больше, и больше был похож на рубщика мяса на местном рынке.

— Вадик, меня Виктор Николаевич из экстренного послал за гистологией, можно забрать? — изложила я ему за дверью морга другую версию, быстро убрав носовой платок в карман операционных штанов.

— Сама возьми, вон в ящике на столе.

— Я возьму только свои, ладно?

Ответа не последовало. Толстый Вадик уже был на улице и

что-то тихо втолковывал печальным мужчинам в черных костюмах. «Разводит на деньги, вот гад!» — нравы в наших моргах не отличались изысканностью. Раздавленные горем родственники или сослуживцы покойного были на редкость наивны в денежных вопросах, и почти всегда выкладывали требуемую сумму, которая превышала официальные расценки в несколько раз. Услуги, между тем, им предоставлялись стандартные и отнюдь не были эксклюзивными. Покойника мыли, одевали, иногда гримировали, а иногда, особенно в летние месяцы, проводили мероприятия, препятствующие быстрому разложению трупа — обкладывали усопшего пакетами со льдом, по особым заявкам обкалывали тело бальзамирующими растворами. Все это работникам морга полагалось делать в рамках своих служебных обязанностей, но вот родственники умерших об этом не знали, и безропотно оплачивали суммы, размер которых определялся сотрудниками морга «на глазок», в зависимости от внешнего вида родственников, марки автомобиля, на котором они приехали, ну и так далее…

Забрав листки с результатами гистологических исследований больных в экстренном отделении, и так и не обнаружив никакого журнала в мертвецкой, я поплелась обратно в оперблок.

Во вторник я планировала поездку в ГАИ, поэтому позвонила по телефону Игорю, но мне сказали, что он на выезде.

— А кто его спрашивает?

— Знакомая.

— Вы по поводу номера? Пишите!

Так, Сорокин Вадим Владиславович, улица Гагарина, 49–34.

— Спасибо большое.

Так, полдела сделано. Теперь узнать, где лежит дочка Сорокина. Сколько ей может быть лет?

Мать ее говорила, что она маленькая, но насколько маленькая? И с какого телефона мне обзванивать больницы?

Сегодняшний день явно не радовал удачами. Скорее бы он кончился! Я посмотрела на часы. Было полтретьего, буфет еще работал. Вгрызаясь с усилием в кусок жареной курицы, я продолжала думать, как провернуть половчее операцию «телефон». Видимо, с первого взгляда совершенно несъедобная, курица все-таки пошла впрок. Я отнесла грязную тарелку со скорбными останками курицы-пенсионерки. Купила в маленьком ларьке коробку Птичьего молока и направилась к Столу справок.

Бабулька, сидевшая за маленьким окошечком, тоненьким голоском кричала в телефонную трубку:

— Пятое отделение. Восьмая палата. Слышите меня?

Складывалось ощущение, что разговаривала она с Камчаткой,

причем без помощи телефонной связи.

Наконец, она положила трубку на рычаг.

— Извините меня, мне нужна ваша помощь.

Этот хитрый прием я разработала давно. Если попросить, по — возможности, вежливо, то тебе, скорее всего, не откажут.

Однажды мы с Денисом поехали в однодневный Дом отдыха зимой покататься на лыжах. Я решила пойти к остановке короткой дорогой, но сломала лыжу, и мы опоздали на автобус. Надо было срочно добираться до города, ночевать в лесу ну очень не хотелось. На автобусной остановке стоял одинокий автобус, мрачного водителя осаждала толпа таких же, как мы, бедолаг. Ни уговоры, ни угрозы на него не действовали — он упрямо не открывал двери. Денис подошел к окну и тихо вкрадчиво спросил:

— Простите, вы обслуживаете этот автобус?

Неожиданная формулировка, как ни странно, изменила отношение водителя к происходящему, и он, повернув голову, вопросительно посмотрел на Дениса.

— Будьте так любезны, выручите нас, пожалуйста. Только вы можете нам помочь. Мы заблудились, моя девушка замерзла. Еще немного и она отморозит ноги. Мы так рассчитываем на вас!

Видимо, столько вежливых слов водитель не слышал за всю свою жизнь, поэтому молча открыл дверь и впустил всю толпу в автобус.

Этот нехитрый прием я применила я сегодня. Изложив бабульке ее исключительную роль в поиске маленькой девочки, которой я должна передать посылку от ее деда-пасечника, растяпы, который вместо бумажки с адресом ее родителей сунул мне впопыхах квитанцию из химчистки, я подкрепила свою просьбу коробкой Птичьего молока.

— Приходи завтра с утра. Я постараюсь узнать номер больницы. Как ты говоришь, Сорокина? А лет ей сколько?

— Я точно не знаю, маленькая сказали.

Телефон пронзительно зазвонил снова, я ретировалась.

— Где ты шляешься так долго? — встретила меня старшая сестра. — Беги в прачечную, неси белье чистое после стирки.

— Прачечная в подвале?

— Нет. В пристрое за больницей. Да быстрей, одна нога здесь — другая там. Мне еще материал заложить для стерилизации надо. — Вид у старшей сестры сегодня был, скажем так, весьма неважнецкий: темные круги вокруг глаз, бледные щеки без тени румян, тонкие губы, которые она видимо, забыла подкрасить.

Задний двор больницы выглядел неприглядно. Старый потрескавшийся асфальт на дорожках ничем не напоминал красивую брусчатку у парадного входа. Трава росла на газонах

кое-как, ее ни разу не стригли, поэтому я сразу вспомнила пустырь за своим домом, на котором ребятня из моего двора играла в двенадцать записок — прообраз сегодняшней модной игры «Дозор». Поежившись, я быстренько побежала к двери прачечной, оставаться здесь долго совершенно не хотелось.

Притащив в оперблок два здоровых тяжеленных тюка с постиранным операционным бельем, я опять не осталась без дела. Старшая сестра, обнаружив свое сходство с мачехой трудолюбивой Золушки, поручила мне складывать треугольнички из марлевых салфеток. Навертев салфеток, я, наконец, закончила работу, подумав, в который раз, что обязанности санитарки в оперблоке очень похожи на рабский труд. Не хватает только надсмотрщика с кнутом сзади.

Обедать я решила пойти в столовую, питание всухомятку уже надоело, хотелось борща, или куриного супа с островками жира и кусочками нарезанной моркови. Но борща и супа в меню не было, поэтому я взяла полпорции подозрительного варева, обозначенного в меню столовой как солянка, и большую котлету с горкой картофельного пюре. Где-то через час после посещения столовой у меня заболел желудок, закружилась голова, поэтому я отпросилась с работы, пришла в общежитие, и на всякий промыла желудок, дав себе слово, что, сколько бы я здесь еще не была, в столовую больше не пойду.

* * *

Вечером в общежитии, мы с Ольгой пили чай, заперев дверь, чтобы у нас не отобрали кипятильник.

Погрузив в кружку пакетик чая на тоненькой ниточке, до боли напоминавший мне женский тампон, я, как-бы, между прочим, спросила Ольгу:

— Оль, а у вас в отделении умирают часто?

— Бывает иногда. Но реже, чем в хирургии у вас.

— А когда вскрытие делают, результаты, где записывают? В журнале?

— У нас в Центральной журналов нет нигде, везде компьютеры стоят. А зачем тебе?

(Вот почему флэшка! Горячо!)

— Из моей деревни девочка здесь умерла молодая два года назад. Матери ничего толком не объяснили. Узнать она меня просила, если смогу.

— Два года? Вряд ли найти концы можно, столько времени прошло. У нас главный врач хитрее всех — все на электронных

носителях. Жалоба какая, или проверка — ничего не докажешь, все правится в один момент.

— Ну и ладно. Дома скажу, чтобы мать ее успокоилась, что дочку не залечили.

— Конечно! Чего старое ворошить, не вернешь ведь дочку матери.

От этого разговора у меня остался неприятный осадок. Вроде я ничего лишнего в разговоре с Ольгой не сболтнула, а ощущение было четкое, что я в чем-то нечаянно прокололась. На всякий случай я решила на ближайшую неделю расследование в больнице не проводить, присмотреться, а заняться поисками владельцев автомашин, стоявших в позднее время в больничном дворе, и флэшкой.

Выпив на ночь несколько стаканов чаю, ночью я проснулась и пошла в туалет в конце коридора. Мельком выглянув на улицу в закрашенное до середины белой масляной краской окно, я заметила легковую машину, стоявшую в заднем дворе общежития. Было довольно темно, но мне показалось, что это та самая иномарка, которая была припаркована во дворе моего дома в тот злополучный вечер, когда меня ударили по голове в подъезде, и привезли в городской морг. За последние дни, неизбежно подчинившись размеренному ритму новой работы, я совершенно успокоилась. Я втянулась в работу, быстро откликалась, когда меня звали Аллой, гнетущие ощущения бегущей от преследователей жертвы забылись. Но сейчас от одного взгляда на темные очертания автомобиля меня охватил прежний ужас. Колени затряслись, спина покрылась холодным потом, в глазах потемнело. Я прислушалась, судорожно сжимая в руке деревянный медальон, подаренный мне бабкой Таней. По лестнице никто не поднимался. В полупустом общежитии было тихо, только тупо билась в стекло залетевшая сюда днем муха. Может быть, я ошиблась? На цыпочках я пробралась в свою комнату и, не сомкнув глаз, пролежала до утра, натянув на голову кусачее одеяло.

* * *

Если сказать, что Хирург был рассержен — ничего не сказать. Он был взбешен! Притащить сюда этого грязного алкоголика, практически бомжа! Подумаешь, заказчик нервничает, это не повод тащить сюда всякую рвань. Еще неизвестно, чем он может быть болен. Конечно, он понимал, что для них результат — деньги. Но для него деньги были не важны, важно развитие,

ощутимый прогресс медицинской науки, которую он ставил превыше всего. Превыше семьи, отношений, этики, наконец. Какая может быть этика, если при помощи его разработок в будущем удастся спасти тысячи людей. Хирург верил в это всем сердцем. Не мог не верить, потому что кроме этого у него уже ничего не осталось — умерли в полном забвении старенькие родители, ушла преданная тихая жена, когда поняла, что для нее в его сердце места нет, и никогда не будет. Совсем один, в пустой огромной захламленной квартире Хирург жил только ожиданием собственного будущего триумфа, подчиняя всю свою жизнь единой важной цели, которую он перед собой поставил. И что такое по сравнению с этой сверкающей целью жизнь одного отброса общества! К тому же, в его жизни, помимо хирургии, появился еще один интерес. Собственно говоря, он пришел в эту тему для того, чтобы еще более подхлестнуть свою успешность, как хирурга, и ускорить получение результатов в своей научной работе. Однако те знания и способности, которые он получал от Учителя стали захватывать его все сильнее и сильнее, они плотно вошли в его жизнь, стали его частью, а голос его Учителя был ему иногда просто необходим, как наркотик.

Как ни странно, материал оказался вполне сносным. Печень, конечно, уже начала сдавать, покрывшись грубыми спайками. Но почки были без видимой патологии, что подтвердилось анализами, и группа крови совпадала. Одну почку он пересадит прямо сейчас, вторая уедет далеко, покоясь в термоконтейнере в питательном растворе. Кому ее пересадят, ему было все равно. Главное — сейчас он повторит то, что сделал на прошлой операции. Ошибки в его методике быть не должно. Сегодняшняя операция обязательно закончится успехом!

Глава 14

Утром я плелась на работу совершенно разбитая. После вчерашнего отравления в столовой и ночной паники мне так и не удалось заснуть. Я уже понимала, что мое расследование зашло в тупик. Без данных из больничного морга я ничего не смогу доказать. Избыток операционного материала можно объяснить просто — это запас «на всякий случай». Иногда обычного режима стерилизации бывает недостаточно, поэтому в каждой операционной существует запас операционного белья. В нашей больнице этот запас существовал в виде стерильного одноразового материала в индивидуальной упаковке. Здесь может быть другая практика. Что же делать?! Я должна найти доказательства незаконных операций в этой больнице как можно быстрее! Если этой ночью я видела машину своих преследователей, у меня осталось совсем мало времени. И я решила рискнуть.

Старательно изобразив на лице трагедию, после операции я подошла к старшей операционной сестре.

— Извините, мне нужно поговорить с вами наедине, у меня такое случилось…

С явной неохотой она пошла за мной в коридор. Я тихо расплакалась.

— Помогите мне, пожалуйста, у моих родителей долги, судебные приставы приходили. Сказали, корову отберут и дом опишут…

— А чем я помочь могу? Денег в долг я не даю!

— Мне не надо в долг, мне подработка нужна. Я круглые сутки работать могу, только бы денег заработать.

— Ты явно не на ту работу устроилась, девочка. Тебе в ночные бабочки надо было идти, там бы заработала.

Я подавленно молчала.

— Ладно, — вдруг сжалилась она надо мной. — Если ты язык за зубами держать будешь, я тебе помогу. Но если хоть кому-то скажешь, не сносить тебе головы, так и знай!

И она рассказала мне, что не все операции вносят в операционный список. Часть операций проводится в больнице во внеурочное время. За эти операции больные платят не в кассу больницы, а непосредственно хирургу. Хирург отстегивает за молчание старшему дежурному врачу, который в отсутствие на рабочем месте главного врача больницы фактически выполняет его функции. Ну и соответственно те, кто работает в операционной, получают за сверхурочную работу приличные

деньги.

— Я тебе все покажу, ты запоминай. Будешь мне подменой, а то я одна там пашу, уже никакого здоровья не осталось.

Вечером, когда все разошлись, старшая медсестра, которую, кстати, звали Ниной Аркадьевной, начала мне показывать, как вдевать нитку в операционную круглую иглу, как подавать хирургу инструменты, учила, как эти инструменты называются. Путаясь в собственных руках для отвода глаз, я довольно быстро все «освоила». Когда в окнах уже стало темнеть, Нина Аркадьевна отпустила меня домой. Обдумывая сегодняшнюю победу, я медленно шла к общежитию. Мне нужны доказательства, хотя бы снимки на сотовый телефон. Но как я сумею сделать снимки на телефон в условиях операционной?! Меня тут же раскроют, а это чревато последствиями.

Операция была назначена на вечерние часы в четверг. Именно в четверг на прошлой неделе я увидела ночью в оперблоке свет. Значит, операции проводятся по четвергам. Что же, весьма логично, в пятницу во время генеральной уборки операционных легко уничтожаются все следы.

Я решила, что в первый раз мне надо быть осторожной. Если моя работа понравиться, меня обязательно позовут еще. Вряд ли от операционных сестер преступники-хирурги избавляются после каждой операции. Главное — войти в доверие, понравится тем, кто это делает, тогда можно уже пытаться добыть доказательства.

В комнате было темно, моя соседка уже крепко спала. На моей постели лежал комплект постельного белья, на подушке отсутствовала наволочка. Я похолодела, сердце ухнуло вниз, очертания комнаты поплыли перед глазами. Пошарив рукой под матрасом, я поняла, что два листка бумаги с планом моего расследования исчезли. Но сил на переживания у меня уже не осталось. Убедив себя, что листки вылетели из-под матраса случайно, я провалилась в сон.

Как ни странно, ночь прошла спокойно. Утром я решила еще раз поискать листки с записями, но тщетно, их нигде не было. Проклиная себя за неосмотрительность, я старалась успокоиться. Сегодня все выясниться, и весь этот ужас, наконец, закончится, убеждала я себя. Но я опять ошибалась.

* * *

Перед Высокопоставленным Медицинским Чиновником на столе лежал смятый листок бумаги. Снова и снова он перечитывал строчки, написанные неровным почерком. Злость и

ненависть к этой соплячке душила его. То, что он создал с таким трудом, сейчас могло в один момент рухнуть. Созданная им схема успешно работала, постоянно пополняя его тщательно скрываемый банковский счет в оффшоре. Еще немного, и он уедет отсюда. Но сейчас это невозможно, тем более что последняя доставка прошла неудачно, что-то сломалось в сумке-контейнере, материал испортился, и ему прозрачно намекнули, еще один сбой и он вылетает из игры. Желающих заработать пруд пруди, только свистни! — сказал ему по телефону с издевкой на ломаном русском его партнер из Варшавы. Чертов полячишка.

Казалось, схема, придуманная им, безупречна. С выходом закона о трансплантации органов почти все проблемы с забором органов у трупа были решены. Не зря же заинтересованным лицам здесь и за рубежом за принятие именно такого закона пришлось откатить доверенным парламентариям немаленькую сумму. Закон предусматривал практически все — родственникам умирающего больного не приходило в голову письменно оповещать врачей о своем несогласии забора органов для трансплантации. Констатировать смерть мозга по закону надлежало в течение всего 12 часов, причем критерием смерти мозга становился всего лишь анализ крови из вены, определяющий концентрацию углекислого газа в крови. Больной мог сохранять рефлексы, даже садиться в постели — высокий уровень углекислоты в крови давал право признать факт смерти головного мозга, после чего производился забор тепленьких органов, которых ждали с нетерпением тысячи неизлечимо больных людей, а их состоятельные родственники были готовы заплатить огромные деньги только за возможность надеяться на их выздоровление.

Причем по закону состояние больного оценивалось всего 3 врачами, если их можно так называть — невропатологом, реаниматологом и судебно-медицинским экспертом. Найти в большом городе трех специалистов, у которых присутствовали серьезные финансовые проблемы или элементарная жадность, и начисто отсутствовала совесть, было не сложно. Забор органов надлежало проводить в той больнице, где умер пациент. Разрешение на посмертный забор органов подписывалось главным врачом, а в его отсутствие — старшим ответственным дежурным, который по инструкции выполнял функции руководителя больницы в ночное и праздничное время.

Конечно, тогда они прокололись. Срочно требовался материал редкой группы крови, за него платили вдвое от обозначенной цены, а у них как назло ничего подходящего в помине не было, вот анестезиолог и принял решение

воспользоваться случаем с незадачливым парашютистом, тем более, группа крови совпадала, но дальше все пошло наперекосяк. Сосед, оказывается, воевал в Чечне, появился частный сыщик, его сослуживец, начал копать. С женой-то они быстро разобрались, выяснив, что в студенческие годы она сидела на наркотиках, одного укола оказалось достаточно, чтобы сломать ее окончательно. А они еще и денег ей отвалили. Недаром она сразу перезвонила им после встречи с этой соплячкой.

Чиновника опять охватила ярость. Чего она полезла, эта дрянь, жалко не успели ее тогда разделать. Ведь из-под носа сбежала, и спряталась так, что ее бы никогда не нашли, если бы она не вернулась в город, да еще полезла в самое пекло.

Конечно, все могло быть не так просто. Эта девчонка могла работать под прикрытием. Но у него были свои люди и в милиции, и в ФСБ, которые в случае официальной «разработки» непременно предупредили бы его.

Эта тварь должна исчезнуть. Так он и прорычал в телефонную трубку, не опасаясь, что его услышат.

* * *

В четверг боевой настрой вернулся ко мне. Сегодня ситуация должна проясниться, а это значит, что скоро я вернусь к нормальной жизни. За себя я не боялась — мне даже не приходило в голову, что меня могут заманить в ловушку. Полная планов и надежд, я не заметила даже, как рабочий день подошел к концу. Я сидела в оперблоке и пила остывший кофе, когда Нина Аркадьевна пригласила меня в операционную. Я помогла ей одеться, с трудом натянула на себя стерильный халат, и мы вместе начали выкладывать инструменты для операции на застеленный стерильной простыней операционный столик. Надо сказать, что подбор инструментов меня удивил. Пересадка любого органа технически сложна, а мы вынимали из бикса и укладывали рядами простейшие зажимы и пинцеты, только очень тоненькие. Где-то через полчаса на каталке в операционную привезли больную. Увидев ее, я чуть не упала в обморок. Это была девочка лет пяти-шести, ее щупленькое тело до поясницы покрывали страшные рубцы, а когда я увидела то, что было ее лицом, мне стало совсем плохо. Я с трудом понимала, что происходит. В операционную вошел Виктор Николаевич, за ним еще один хирург, и операция началась. Это была пластическая операция с элементами пересадки кожи. Девочке срезали неповрежденную кожу с бедра и живота круглым вращающимся

лезвием, растянули края лоскута пинцетами, осторожно удалили самые страшные рубцы на груди, и тщательно разгладили на кровоточащей поверхности тоненькие лоскуты, прикрепив края маленькими швами.

Я старалась держаться из последних сил. Нина Аркадьевна вроде ничего не заметила, после операции похвалила меня, сказала, что деньги мне отдаст в понедельник.

Совершенно раздавленная, я долго сидела в комнате оперблока, и обдумывала свое поражение.

Все это время я шла по ложному следу. В Центральной проводились неофициальные операции, но к незаконной пересадке органов эти операции никакого отношения не имели. Мы со Славой ошиблись в самом начале. Проведенная в стенах этой больницы пересадка почки была единственной. Все напрасно, зачем я в это полезла?! — эта мысль была невыносимой.

Было около десяти часов вечера, когда я вышла из больницы и медленно пошла в сторону общежития. Это глупое ребячество надо заканчивать. В понедельник получу деньги за операцию, сразу же позвоню Славе, потом попытаюсь добраться до его больницы. Получать расчет в Центральной не буду, все равно там копейки, просто исчезну, оставив вредной комендантше «на добрую память» паспорт гражданки Гвоздиковой, пусть побесится. Отсижусь тихонько в психушке до приезда Дениса из командировки, а там видно будет.

В этот момент чья-то сильная рука схватила меня за шею и к моему лицу прижали салфетку, от которой сильно пахло эфиром. Я даже пискнуть не успела, как все поплыло, и я отключилась.

* * *

Красиво отштукатуренный трехэтажный больничный корпус стоял почти в лесу. Очень давно, еще на заре перестройки, прежнее руководство больницы провернуло удачную сделку. Новенький филиал, оснащенный по последнему слову медицинской науки, удалось передать на баланс крупному энергетическому ведомству. Конечно, никто не собирался заниматься в этих стенах благотворительностью, рядовые сотрудники ведомства лечились здесь иногда, для отчетности. Большую часть палат занимали люди с положением в обществе. На пике подъема нарождающегося бизнеса капиталистической России здесь можно было встретить и нефтяного магната, и крупного чиновника из соседней области, и криминального

авторитета.

Встречались и лица явно южной национальности, подчеркивавшие свою принадлежность мелкими деталями национальной одежды в виде тюбетеек или папах.

Впоследствии контингент кардинально поменялся. Крупное ведомство получило лицензию на право заниматься инновациями в медицине, (не без помощи одного из областных медицинских чиновников), для больницы было закуплено еще более новое и современной оборудование, были заключены высокооплачиваемые контракты с врачами, приглашенными на работу в больницу из других регионов — так было намного безопаснее. Жильем приехавших по контракту врачей обеспечили тоже с размахом, построив неподалеку от больницы маленький малоэтажный микрорайон. В город отсюда добраться можно было только на автомобиле, или служебном автобусе, поэтому фактически все сотрудники больницы жили под негласным наблюдением, которое гордо именовалось охраной их безопасности. Надо сказать, что практически никто из приехавших сюда медсестер и врачей не возражал, и не пытался вникнуть в суть происходящего — зарплаты были настолько высокими, что лишних вопросов задавать не хотелось. Тем более что ведомство, которому принадлежала больница, было весьма уважаемым. А то, что эксперименты в процессе работы присутствуют, так это в медицине всегда так было — по принципу: «лес рубят — щепки летят».

Глава 15

Когда я открыла глаза, оказалось, что я лежу на кровати. Комната была большая и светлая, на стене тихонько гудел кондиционер. Рядом с кроватью стоял мужчина среднего роста в хирургическом костюме из плотной ткани. Такую расцветку я видела впервые — на куртке были нарисованы бегущие лошади.

— Проснулась? Не бойся, тебе ничего не угрожает.

Я попробовала ответить, но язык словно прилип к небу. Я вопросительно смотрела на мужчину. Был он интеллигентным и даже, пожалуй, симпатичным. Серые глаза, волевое лицо, темные короткие волосы.

— Ты лежи, а я расскажу тебе, во что ты ввязалась. Потом решим, что делать дальше.

Я прикрыла веки, чтобы выразить свое согласие. Мужчина продолжил:

— Медицина как наука всегда развивалась в процессе экспериментов. Представляешь, как сложно было решиться средневековому врачу и сделать первое в своей жизни кровопускание? А ведь этот метод лечения стал основополагающим на тот период времени и в лечении отравлений, и при параличах, и при послеродовых кровотечениях. Да, да! Дополнительное кровотечение после трудных родов мобилизовало женский организм, и женщина не умирала, а поправлялась.

Позже, когда началось развитие хирургии, операции, проводились практически вслепую. Чтобы не задеть сосуд или нерв, врачам приходилось выкапывать на кладбище трупы недавно захороненных людей, и изучать строение их тканей. Кстати, их за это преследовали по закону.

Я с трудом понимала, что он говорит. Кровопускание? О чем он?

— Позже знаменитому врачу Пирогову стоило немалой смелости принять решение о замораживании трупов русских солдат во времена Крымской войны. Как ты думаешь, о чем он думал, когда делал распилы этих трупов?

Жалел их? Да никогда! Он относился к ним, как к материалу. И этот материал лег в основу топографической анатомии как науки. Распиленными, или нет, но погибших солдат все равно бы похоронили, а так они послужили благородному делу развития медицины как науки.

Мне с трудом удавалось держать глаза открытыми, я перестала сопротивляться, и прикрыла их.

Голос продолжал:

— А ты помнишь, когда у нас в стране начинала развиваться сердечная хирургия, летальность в первые годы достигала 70 %! И это были люди, которые могли жить, по меньшей мере, еще лет десять. Но их смерть послужила основой тому, что сейчас операции на сердце проводятся вообще без разрезов, путем эндохирургии, и сколько людей удается благодаря этому спасти сейчас? Причем от страдающих инвалидов середины 50-х годов эти люди отличаются тем социальным весом, возможностью изменить будущее страны и мира. Ну, прожил бы инвалид еще лет пять-десять, не легла бы его смерть в основу развития медицины, что бы это изменило?

Теперь вернемся к теме, которая привела тебя сюда — к развитию трансплантологии. Путь развития нельзя перекрыть. Как не сопротивлялся профессор… (тут он назвал фамилию известного хирурга-трансплантолога, умершего совсем недавно), но и он и его авторитет не смогли остановить процесс развития. Приняли документы, позволяющие обойти согласие родственников потенциального донора на забор донорских органов! Ты подумай, если бы дело касалось твоего ребенка, которого можно было спасти, только пересадив ему, скажем, почку, разве тебя волновало бы, откуда эту почку взяли, у какого человека удалили? У каждого своя судьба, пойми это. Сопротивляться прогрессу глупо, неминуемо проиграешь.

Конечно, некоторые дураки-исследователи проводили эксперименты на себе. Выпивали, например, непроверенную вакцину от чумы, а потом умирали. Но что делать, если эксперимент не удается? Многие ли могут помогать другим? Понятие этики в медицине недопустимо, и даже вредно, я уверен в этом. Многие великие открытия, впоследствии спасшие жизнь миллионов людей сделаны без учета интересов материала, на котором они проводились. Подумай об этом, полежи, а я вернусь вечером, и мы продолжим.

Я, конечно, была еще не в себе, видимо меня накачали какой-то химией. Ситуация в которой я находилась, безусловно, была не самой плохой. Наверняка передо мной один из хирургов — экспериментаторов, проводящий операции по незаконной пересадке органов. То, что меня не убили сразу, внушает надежду, что мне удастся избежать смерти. Руки были привязаны к боковинам кровати, поэтому я не могла пощупать деревянный амулет у себя на шее.

Мне, конечно, что-то предложат, я не буду отказываться, а там посмотрим. В любом случае я пока жива, и это уже хорошо.

Вечером в палату вошел молодой человек в медицинской

маске. Поставив рядом с кроватью на тумбочку тарелку с кашей, он освободил мои руки и ноги, помог приподняться и сесть, подложив мне под спину подушку. Я думала, что сейчас он выйдет из палаты, но молодой человек встал у стены и скрестил на груди руки. Следом за ним вошел врач, проводивший со мной разъяснительную беседу несколько часов назад. Я отложила тарелку с кашей, и приготовилась слушать. Но беседа не заняла много времени.

— Я навел о тебе справки. Ты хорошая медсестра. Я предлагаю тебе сохранить твою жизнь в обмен на полное молчание, если ты останешься здесь работать. Я не дам тебе времени на размышление, решай сейчас. — Он смотрел на меня в упор, не оставляя мне выбора.

Я молчала.

Мне предстояло принять нелегкое решение. Если я дам согласие работать на них, то к моей краже наркотиков из процедурного кабинета прибавится соучастие в тех преступлениям, которые здесь происходят. Ловко придумали! Если я согласия работать не дам, меня, скорее всего, убьют, и «никто не узнает, где могилка моя». Надо ввязаться в драку, а дальше будет видно!

Я посмотрела мужчине прямо в глаза и медленно кивнула.

* * *

Ворожея раскладывала карты уже в третий раз. Карты упрямо говорили ей, что худенькая гостья, к которой она неожиданно для себя привязалась, скорее всего, умрет. В картах Таро было совсем немного толкований, предсказывающих смерть. Если бы девочка была воином или водителем, то, что выпадало на картах, могло сулить ей или тяжелое ранение или аварию. Отважная порядочная девочка, она могла спокойно спрятаться или у нее, или в психбольнице неподалеку, а полезла в самое пекло.

Много лет Ворожея лечила людей травами и особыми молитвами. Это был трудный путь, ее бабка предупредила ее об этом, когда передавала тайны мастерства. Было время, когда за знахарство сажали в тюрьму. Потом лечить людей разрешили, ей даже выдали лицензию за тысячу рублей. Но она, скорее по привычке, продолжала работать потихоньку. И была совершенно права, потому что стриженые молодчики в кожаных куртках, приезжавшие на хороших дорогих машинах в деревенскую глушь на прием к другим знахарям, требовали каких-то невероятных результатов: то навести порчу на чужого пахана, то помочь банк

ограбить.

Главное, что Ворожея неуклонно соблюдала всю жизнь — ни к кому не привязываться, ни за кого не переживать. Господь никогда не допустит того, что не должно случиться. Но испуганная измученная девочка, попавшая к ней в дом поздно ночью, так плотно легла ей на душу, что Ворожея вдруг решила изменить привычный ход своей жизни. Накинув на плечи платок, она подошла к иконе, несколько минут стояла, бесшумно шевеля губами, потом перекрестилась, и решительно вышла из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Глава 16

Я уже несколько дней работала медицинской сестрой в неизвестной мне клинике. Стараясь не привлекать к себе внимание, украдкой выглядывая в окна, я мучительно старалась понять, где нахожусь. Тенистый парк, аккуратные газоны с небольшими клумбами, небольшие скамейки ни о чем мне не говорили.

Обязанности мои были прежними: я делала уколы. Правда, для этого мне приходилось ходить по палатам, посещая больных индивидуально. Палатами, правда, огромные комфортабельные помещения было назвать трудно: на полу лежал дорогой керамогранит, стены были покрыты неизвестным и очень красивым слоем фактурной краски. Металлические горизонтальные жалюзи на больших окнах выполняли еще и защитную роль, опускались и поднимались они автоматически, в одно и то же время во всех палатах. Кровати, стоявшие в палатах, были довольно странными по виду, в движение отдельные элементы кровати приводились пультом управления, очень напоминавшим телевизионный. Каждый пациент мог, не вставая с постели приподнять или опустить изголовье кровати или ее нижний конец, что, несомненно, было удобно. Одна стена палаты была стеклянной, снаружи стекло закрывалось широкой шторой, которую можно было отдернуть в любой момент с помощью того же пульта.

Пациентов в отделении было немного — шесть человек. Конечно, может быть, в этой клинике есть и другие отделения, но это явно было послеоперационным — сюда всех привозили еще под наркозом. Я должна была делать уколы тем, кто уже пришел в себя. Но разговаривать мне с ними строго воспрещалось, это первое, что мне объяснил охранник, инструктировавший меня перед началом работы.

Диагноз прооперированных больных держался в строжайшем секрете. Схема лечения также не отличалась оригинальностью — я вводила больным обезболивающие и стабилизирующие давление препараты, антибиотики и витамины, единственным, что отличалось от моей больницы — широко назначались средства, подавляющие иммунитет. Это, конечно, было не случайно: после пересадки органов такая схема лечения предохраняет от отторжения пересаженного органа. Многие из препаратов, видимо, поступали напрямую из-за границы, так как на коробках отсутствовала надпись на русском языке, и привычная аннотация на вкладыше.

В широком коридоре постоянно дежурил кто-то из охранников, я была свидетелем случая, когда одна из санитарок, протиравших пол в одной из палат, попыталась что-то сказать лежащему рядом больному, и охранник, молча, отвесил ей хлесткую пощечину, когда она вышла в коридор.

Еду мне приносили в палату, в которой я и жила, в основном овощные пюре и соки. В пищу вечером явно подмешивали снотворное: пожевав невкусное пюре или выпив стакан, я буквально падала на постель, и засыпала до утра. Утром меня буквально заставляли принять душ: молчаливый охранник приносил мне свежее полотенце, и практически заталкивал меня в ванную комнату.

День проходил за днем, ничего не менялось. Единственное, что я смогла уточнить — врач, читавший мне лекцию о развитии медицины, был руководителем клиники. Кроме него в отделении работали еще два доктора: молодой полный парень и женщина лет сорока с уставшим лицом. Я была единственной медсестрой в этом отделении, а вот санитарок было две, они работали по суткам, меняясь через день. Но внешность их была настолько невыразительна, что я не могла определить, чем они отличаются — обе были неопределенного возраста, щуплые и маленькие, словно потерявшиеся в медицинских костюмах серого цвета с голубоватой кокеткой.

Доктора, кстати, тоже между собой не общались. Женщина вела три палаты, в которых лежали мужчины, парень регулярно посещал палаты, где находились женщина после пятидесяти, девушка с отчетливой желтушностью кожи, и девочка-подросток, лет 12 — 13, это сложно было понять, такая она была тщедушная. У всех пациентов стоял подключичный катетер, это было удобно: назначений было довольно много, и мне не нужно было искать подходящую для укола вену, чтобы поставить капельницу.

Несколько раз, глядя на оборудование и оснащение отделения, мне заползала в голову подленькая мысль, что я бы не отказалась поработать в такой клинике, да еще, если бы мне платили за это зарплату. Но расслабляться было нельзя: по все законам детективного жанра со мной рано или поздно должны были разделаться как с ненужным свидетелем.

* * *

Слава смотрел на женщину, сидевшую перед ним, и пытался понять, что она ему говорит? Разве Олеся приезжала сюда, она что-то путает. И причем тут карты со странным названием, как их

— Зеро? Он снял очки и с силой потер глаза. Сегодня в буйном отделении ночью случился очередной острый психоз, новый пациент пытался покончить с собой, бросаясь на стены, обычные дозы успокоительного не действовали, поэтому Слава, которого туда вызвали ночью, почти не спал, и непривычная информация никак не хотела восприниматься его уставшим мозгом.

То, что он смог понять, мужественно борясь с усталостью и навалившемся в теплом кабинете сном — эта женщина утверждала, что Лесе угрожает смертельная опасность. Даже если его гостья ошибается, пренебрегать такой информацией нельзя. Желая поскорее избавиться от странной посетительницы, он не стал спорить, а пообещал ей обязательно принять меры и найти Лесиного друга-милиционера. (Кстати, откуда эта необычная посетительница об этом узнала?) Буквально выпроводив женщину из кабинета, Слава запер за ней дверь, и взял в руки телефонную трубку, небрежно валявшуюся на его рабочем столе среди заполненных историй болезни и номеров журнала Психиатрия.

В отделе кадров Центральной больницы ему сказали, что санитарка Гвоздикова пропала несколько дней назад, просто не вышла на работу — и все, наверное, уехала домой. Словно оправдываясь перед ним, инспектор по кадрам долго объясняла ему, что работа у санитарок сложная, а зарплата маленькая, и на коменданта в общежитии многие девушки жалуются. Не дослушав ее тираду до конца, Слава торопливо закончил разговор, и принял решение срочно ехать в город, чтобы найти там Леськиного друга — милиционера.

В подавленном состоянии на больничном УАЗике он добрался до города, но когда он пришел в расположение отряда спецназначения, в котором служил друг Олеси, ему сказали, что группа еще не вернулась из командировки с Кавказа.

Глава 17

Я не помню, какой был день после моего прибытия в эту странную клинику, но он запомнился мне надолго. Привычный ритм работы отделения был нарушен с самого утра. Накануне одного из мужчин уже перевели в другое отделение или выписали, и на его место после обеда прибыл новый больной. Вначале я не обратила на него никакого внимания, он был таким же, как и все остальные пациенты после операции: спал. Когда я поставила ему капельницу и вышла из палаты, то мне показалось, что я его уже где-то видела. Я начала мучительно вспоминать, где мы могли пересекаться, но мне это так и не удалось. После кучи безуспешных попыток я приняла решение о скором побеге — еще месяц на снотворных, и лежать мне в Славиной больнице до конца своих дней.

В этот вечер я не стала принимать пищу и пить сок. Украдкой сплюнув в карман халата ложку яблочного пюре, которое спрятала за щекой под присмотром бдительного охранника, и изобразила, что засыпаю, мельком отметив, что пребывание в психбольнице явно повысило мои рефлексы к выживанию.

Я не была уверена, что в палате, в которой я спала, нет маленькой видеокамеры, поэтому, лежа на постели, старалась ровно дышать, искусно изображая сладкий сон. Внезапно в коридоре послышался какой-то шум, возня, но вставать с кровати я не спешила, помня о разбитой губе санитарки.

— Быстро, в реанимацию его, срочно! — командовал один.

— Какая реанимация, у него уже зрачки широкие… — Шепотом оправдывался другой.

— На аппарат, я сказал, ты помнишь кто это?! Мне его молодчики всю клинику по кирпичам разнесут, если узнают, что их босс умер после операции! — В голосе говорившего явно слышались истерические нотки.

— Слушаю, шеф, на аппарат, в реанимацию… — Мужской голос повторял как эхо слова руководителя клиники, это был его голос, в этом я не сомневалась.

И тут я вспомнила, откуда я знаю нового пациента. Я встретилась с ним только однажды, на пороге приемного покоя своей больницы. Это был криминальный авторитет, владелец сети казино, с четвертой группой крови, который поехал на операцию по пересадке почки.

«А почку пересадили от Серегина, наверное. У него тоже была четвертая группа. И срок предоперационной подготовки совпадает: десять — двенадцать дней. Именно столько времени

заняла моя детективная эпопея.

Ну, если это он, теперь начнется, только держись!»

Мое тихое злорадство по поводу сложившейся и явно невеселой ситуации было вполне оправдано: враги наших врагов — наши друзья. Я и сама знала, и Денис мне рассказывал, что криминальные структуры никогда не прощают врачам смерти своих лидеров-авторитетов. Собственно поэтому криминальные личности и лечились в основном за границей — импортные врачи об этом не знали. Но этот криминальный авторитет оказался, к своему несчастью, патриотом. Ну а мне следовало из этой ситуации выжать все по-максимуму.

Утром я ощутила наступившие перемены — меня не выпустили из палаты. Дорогу мне преградил охранник, и вместо полотенца в руках у него был электрошокер. Я сделала вид, что испугалась, и ничего не понимаю, быстро легла на постель и закрылась с головой одеялом.

В отделении было тихо, я согрелась под одеялом, и заснула. Разбудили меня выстрелы.

* * *

Жизнь приучила Телохранителя не доверять никогда и никому. Свой жестокий первый урок он получил в Карабахе. Их десантная рота проверяла азербайджанское село. К ним вышли местные старейшины и, клянясь Аллахом, заверили, что их село мирное, ополченцев у них нет и, вообще, они за дружбу народов. Тогда, еще в разгар перестройки доживал свои последние дни Советский Союз, и еще не было горьких уроков будущих локальных войн, впоследствии названными «горячими точками». Их ротный поверил благообразным старцам и не стал зачищать село. А когда они на трех БРДМах отъехали от села на три километра их накрыли «градами». Телохранителя тогда сильно контузило, взрывной волной его засыпало землей, и он никогда не вернулся бы домой к маме, если бы из взрывной воронки не торчал его правый сапог. После контузии из ВДВ пришлось уйти — Телохранитель стал сильно заикаться, он вернулся домой и долго искал работу, пока его школьный друг не предложил ему одно дело — сопровождать проституток во время их визитов к богатым клиентам. Ему было, в сущности, все равно, чем заниматься. Толпа накрашенных галдящих девиц садилась каждый вечер в старенькую «копейку» его школьного друга, и он, или его друг, сопровождали девиц по вызову к клиентам, терпеливо ожидая, когда они закончат свои дела и выйдут из

подъезда. Однажды он привез двух девушек в особняк за городом, и уже приготовился подремать, как вдруг услышал крик.

Сработал рефлекс — он буквально выбросил себя из-за руля старенькой машины, вышиб дверь одним пинком, и увидел, как какой-то мужик в дорогом костюме пытается обрезать длинные волосы одной из жриц любви кухонным ножом. Причем клиент был уже настолько пьян, что нож плохо слушался его, и на лице девицы уже были видны несколько порезов, из которых сочилась кровь. Через несколько секунд дебошир уже валялся в отрубе на цветном ковре, а он схватил обеих девиц в охапку, пинком свалил на пол огромную дорогую вазу в коридоре, сунул визжащих дам в машину, и рванул с места.

На следующий день его вызвали к боссу. Он решил, что будет выговор, или его даже уволят. Но шеф мероприятия, которого он раньше в глаза не видел, оказался вполне приличным мужиком, налил ему коньяку в огромный бокал, и предложил стать его телохранителем. С тех пор он сменил уже трех Боссов. Первый уехал за границу, подарив его матери дорогую старинную икону. Второй подался во власть, выиграв выборы в Областную Думу, пошел дальше, уехал в Москву, и возглавил там какое-то Министерство. Этот был четвертым по счету, и он привязался к нему, как будто тот был его родным человеком. Щупленький, похожий на мальчика-подростка, его последний Босс был трогательным и беззащитным, несмотря на свою большую, почти неограниченную власть в городе. Он никогда ни на кого не кричал, всегда кормил своих телохранителей обедом в своем дорогом ресторане в центре города, заказывал лишние час-полтора в дорогих саунах с проститутками, человечно полагая, что его личная охрана — тоже люди.

Но особенно нежно он стал относиться к своему Боссу, когда от него ушла его жена. Ушла она по-подлому, к школьному другу Босса, нищему профессору местного Университета, книжному червяку, ничтожеству. Обычно невозмутимый и спокойный Босс чуть не наложил на себя руки, и, позабыв про свой статус, побежал на прием к психологу. После психолога был гипнотизер, потом какой-то колдун, а через месяц глупая баба вернулась домой, так и не сумев построить рай в шалаше на копеечную зарплату нищего филолога. И самое удивительное, что Босс ее простил! Правда, эта история не прошла для него даром, выпив по неосторожности, или с умыслом большую дозу успокоительного, Босс напрочь посадил себе обе почки. Когда он приехал в эту клинику на операцию, отвалив клинике гору денег, которой хватило бы купить остров в Средиземном море, ничего не предвещало беды. Скорее по привычке быть в курсе всего он, его

верный Телохранитель, подкупил одну из санитарок, работавших в послеоперационном отделении. Если бы не это, они бы не узнали так скоро, что Босса зарезали горе-врачи. И не имело значения, виноваты в смерти Босса врачи, или нет. Существовало неписанное правило: наказывать тех, кто виноват в смерти таких людей как его Босс. Поэтому он объявил полный сбор, и приказал готовиться к штурму больницы.

* * *

Мы уже давно сидели в полной темноте в подвале, куда нас всех буквально силой затолкали охранники, как только стало ясно, что больницу кто-то пытается штурмовать. С нами не церемонились — молоденькой докторше, попытавшейся сопротивляться, один из охранников так сильно стукнул по лицу дубинкой, что, по-моему, даже выбил ей зуб. По крайней мере, кровь из рассеченной губы у нее текла сильно. В полной темноте мы просидели несколько часов без звука, потом потихоньку начали обмениваться мнениями.

— Что происходит, как вы думаете? — эти слова, судя по голосу, принадлежали молодому доктору, сидевшему в левом углу подвала.

— Разборки, что же еще? — Это уже из другого угла, женский голос, дрожит от ужаса.

— И что они с нами сделают? — опять молодой парень.

— Да ничего, успокойтесь, посидим здесь, скоро выпустят… — Это уже третий вступил в разговор.

Все помолчали.

— Губа болит, зуб шатается… — Тихо всхлипнула докторша. — Убьют, наверное, нас. Моя мама как не хотела, чтобы я сюда ехала. Говорила, дочка, просто так в медицине таких денег платить не будут. Значит, придется что-то незаконное делать… — Она заплакала.

— Да ладно вам ныть, подумаешь, губу разбили… Нечего метаться было, как кошка на пожаре… — Мужской голос из противоположного угла проявился приятным баритоном. — Где сейчас в медицине закон, о чем вы, уважаемые? Кто смел — тот и съел. Идите, вон на рынок рыбой торговать, будет все законно.

Все зашумели, только я отмалчивалась, пытаясь хоть что-то полезное узнать для себя из общей дискуссии. Выстрелов я не боялась. Однозначно, что налет на больницу связан со смертью криминального авторитета. Я помнила телохранителя, похожего на мультяшного положительного героя русских народных сказок,

грузившего невезучего хозяина казино в шикарную машину. Парень серьезный, явно из силовиков в прошлом, еще может, для нас все хорошо закончится. По крайней мере, мне стоило попытаться воспользоваться возникшей неразберихой и сбежать отсюда. Однако прямо сейчас предпринять что-либо было сложно.

Я попыталась задремать, так как сидеть в темноте было довольно тягостно, но тут мне в бок кто-то двинул кулаком, и женский голос тихо шепнул мне на ухо:

— Молчи!

Я молчала.

— Бежать отсюда нужно скорее, пока не пришли. Нас всех в расход пустят.

Ты — девка ловкая, тебя с собой возьму, другие пусть остаются…

— А почему вы думаете, что нас убьют? — очень тихо прошептала я, обращаясь к невидимой собеседнице.

— Было уже такое. Я рядом живу в поселке, санитаркой работать пришла сюда, работы нет, а жить надо. Я потом тебе рассажу, сейчас молчи, через полчасика я тебе знак дам, поползешь за мной. Только молчи как рыба!

Я замолчала, и вовремя:

— А вы чего там шепчетесь, говорите вслух! — Потребовал властный баритон.

— Это я молюсь, извините, страшно очень… — отговорилась я.

— В Бога верите? Что за глупость!.. — И баритон начал излагать свою точку зрения, идущую явно вразрез с религиозной идеологией.

— Где ваш бог находится, простите, если люди так страдают и умирают?

Что за дикость считать, что кто-то может вам помочь, кроме вас самих?

Я молчала, не собираясь вступать в дискуссию. Желающих хватало и без меня.

— А на кого надеяться, как не на Бога, простите, в такой вот ситуации?

— А на себя и на здравый смысл!

— Где же ваша душа, уважаемый, находится? В каком месте вы ее чувствуете? Сколько врачом работаю, не видел я душу ни у кого из своих больных. Просто случай определяет исход, и все!

— Что за глупости вы говорите? Вы считаете, человек умирает — и все?

— Конечно. Все остальное — плод воображения родственников. Ну, я имею в виду все эти сны. Голоса, звуки, о

которых близкие умершего человека рассказывают.

— Ну что вы такое говорите? Я в детской больнице работала, у нас, если ребенок умирал в операционной, всегда дежурная бригада ночью слышала звуки, как будто ребенок по потолку бегает. Все слышали, разом. У нас даже заведующий оперблоком остался на ночь как-то, хотел доказать нам, что мы врем. Так утром он совсем по-другому выглядел… Атеист, между прочим, такой же неверующий как вы!

— Я не атеист, с чего вы взяли? Я — агностик!

— Ваши сексуальные предпочтения оставьте при себе!

— Да причем здесь секс!!! Агностицизм не имеет к этому отношения!…

В этот момент меня кто-то потянул за руку, и я тихонько, стараясь не шуметь, поползла в указанном направлении. Громкие споры на теологическо-философскую тему мне были только на руку. Внезапно голоса смолкли, я замерла в неудобной позе. Но дискуссия тут же продолжилась.

Впрочем, я уже не слушала, потому что моя спасительница тихо открыла какую-то дверь в закутке подвала, мы выползли в темный коридорчик, она заперла дверь и облегченно вздохнула:

— Вроде выбрались, хорошо, что я этот подвал знаю и у меня есть универсальный ключ от всех хозяйственных помещений.

— Спасибо Вам. А почему Вы мне помогли?

— Мне свидетель будет нужен, что я к этому делу отношения не имею. А ты видно от этих уже побегала, в любом случае на их сторону не переметнешься. А я если ноги унесу, в другой город уеду, к тетке. Я ведь виновата в перестрелке этой.

— Как это?

— Потом расскажу, бежать надо, пока нас не нашли.

Коридорчик заканчивался небольшой дверью, отперев ее тем же универсальным ключом, как у железнодорожного проводника, моя спасительница выглянула на улицу, и быстро махнула мне рукой — бежим!

Мы выскочили во двор. Дневной свет ослепил меня после долгого сидения в полной темноте, но я достаточно быстро привыкла. Почти застряв в кустах красиво подстриженного самшита, оцарапав руки и лицо, вдвоем пробрались сквозь заросли, и добежали, пригнувшись, до высокого каменного забора, причем моя спутница дышала как паровоз. Здесь мы сели на землю, чтобы отдышаться и продумать дальнейшие пути отступления.

Во дворе больницы перестрелка уже закончилась. Мы не могли видеть, кто победил, да это было не важно, потому что свобода была совсем рядом, надо было только перелезть через

забор.

— Тебя как зовут — повернулась ко мне моя сообщница по побегу. Это была тощенькая женщина лет сорока, я видела ее в отделении, когда она убиралась в коридоре.

— Аля (я назвалась так по инерции, но впоследствии оказалось, что я была совершенно права).

— А я — Женя. Аля, лезть на стену нельзя — сигнализация, заметят — убьют. Надо что-то другое придумать.

— Господи, что?!

— Ты машину умеешь водить?

— Умею.

— Тут за углом шестерка стоит завхоза.

— А ключи?

— Вот ключи, он их уронил, когда нас всех в подвал загоняли, а я подобрала, думала, что потом отдам.

— А как мы поедем?

— Через ворота прорываться будем. Убьют, так хоть попытаемся вырваться.

— Слушай, подожди, я отдышусь. Объясни, пожалуйста, где мы, и что тут происходит?

— Мы около атомной электростанции, это больница энергетиков.

— Вот как! А я-то, дура!.. И что же здесь делают? Пересадку органов?

— Не только. Любые операции, которые еще находятся в стадии эксперимента. Только экспериментируют на людях, а не на кроликах.

— Неужели такое возможно?!

— Еще как! Называется — как его — навации…

— Инновации?

— Вот-вот, инновации. У меня здесь сестра работала два года назад, вот также с кем-то схлестнулись, многих сотрудников положили, насмерть. Сказали, пожар в больнице был, в операционной кислород взорвался.

— А милиция?

— Милиция здесь вся купленная. И пожарники местные нужное заключение дали. Ты не вздумай соваться — вмиг повяжут, и обратно сюда привезут…

— Ты сказала, что это ты виновата в случившемся?

— Ну, я. Так получилось. Мне телохранитель одного пациента деньги хорошие заплатил, чтобы я присматривала за его боссом и ему сообщала, как и что.

— И?!

— Хозяин его умер сегодня ночью, а врачи скрыть хотели. А я

телохранителю СМС отправила, вот перестрелка и началась.

— Вот оно что! Ладно, я вроде отдышалась, пошли, где машина?

Пригнувшись, мы тихонько начали пробираться вдоль забора. Внезапно я наткнулась на труп молодого человека в черном костюме. Он лежал на спине, сжимая пистолет в правой руке, на лбу зияла аккуратная черная дырочка.

— Подожди, я переоденусь.

Преодолевая отвращение, я стянула с покойника брюки и пиджак, сильно затянула ремень на талии. Подумав несколько мгновений, я потянулась взять из его руки пистолет, но, подумав, не стала этого делать, так как совершенно не помнила, как надо снимать оружие с предохранителя.

Шестерка, к которой мы подошли, вид имела весьма обшарпанный, но, как ни странно, завелась с пол-оборота. Я нацепила кепку, лежащую на заднем сиденье, и рванула с места в сторону больничных ворот. Шлагбаум был закрыт, но ворота открыты и рядом никого не было. Я протаранила со всего размаха полосатый шлагбаум, порадовавшись, что он здесь новомодный автоматический, сделанный из легкого сплава и выехала за пределы зловещей территории.

На асфальтовой дороге, по которой мы ехали, не было никакого движения, местность была пустынная, какие-то поля с небольшими перелесками.

— Ты говори, куда ехать, а то я не знаю здесь ничего. — В зеркало я попыталась разглядеть свою попутчицу, севшую на заднее сиденье.

— Езжай прямо, я тебе скажу когда, остановишься. Здесь пост ГАИ неподалеку, машину надо будет бросить, пойдем пешком.

— Далеко?

— Как получится. Километров пять, наверное, кругом будет.

— А в милицию точно нельзя?

— Ни в коем случае! По крайней мере, без меня. Ментов — ненавижу!

Я промолчала. Такая ненависть была характерна только для тех, кто уже однажды находился «в местах не столь отдаленных». Но говорить о моих личных жизненных предпочтениях сейчас явно не стоило.

Минут через пятнадцать из-под капота машины пошел пар. Я припарковалась на обочине. Похоже, таран шлагбаума старенькие «Жигули» не выдержали.

— Выходим, приехали! — скомандовала я.

— Только задремала… — Откликнулась моя попутчица.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Примерно. Бросаем машину, пошли пешком.

— Куда?

— Через поле, вон там поселок должен быть.

Начав движение в указанном направлении, я отметила, что, надев на себя костюмчик мертвеца, я поступила весьма осмотрительно: было довольно прохладно. Только ноги, обутые в больничные клеенчатые тапки не соответствовали начавшейся осени — облепленные грязью промокли сразу же и мешали быстро идти. Впрочем, моей спасительнице приходилось еще хуже — из подвала она сбежала в бязевом больничном костюмчике. Проклиная себя за добропорядочность, я остановилась, сняли с плеч пиджак, и протянула ей:

— Надевай, а то окоченеешь.

— Спасибо, вот ты добрая какая, а я ни за что бы тебе не отдала…

Судя по всему, мы, то ли заблудились в полях, окружавших больницу, то ли машина остановилась рано, далеко от поселка, но шли мы очень долго, и я уже думала, что придется ночевать на улице, когда впереди показался свет уличных фонарей, означавший цивилизацию.

В этот момент меня переклинило. Ну не хотелось мне идти к этой полукриминальной личности домой, хоть тресни!

Я остановилась.

— Ты извини меня, пожалуйста, я сильно устала от всех событий. Ты иди домой, я дальше пойду одна.

— Ты смотри, у нас здесь районч‌ик-то того… Неблагополучный.

— Спасибо тебе. Я разыщу тебя при случае, отблагодарю. Иди домой, я сама по себе привыкла.

— Ну, как знаешь. Держи пиджак! Мне здесь рядом. Если передумаешь: Дорожная, дом восемь, вторая квартира. — Санитарка ни капельки не обиделась, даже вздохнула, мне кажется, с облегчением.

— Спасибо. — Я не стала отказываться, надела пиджак, и помахала рукой отходившей уже от меня женщине.

Когда моя спасительница отошла на приличное расстояние, я присела прямо на землю, и постаралась сосредоточиться.

Милиция все-таки мне казалась наилучшим укрытием. Ну не убьют меня, в самом деле, люди в погонах. Зато ночлег даже в условиях районного отделения представлялся мне весьма привлекательным вариантом. Кроме этого, сошлюсь на Дениса. Ну не посмеют они, даже если они все купленные, подругу майора милиции третировать! Приняв решение, я, насколько это было возможно, почистилась, и решительно зашагала в сторону

поселка.

* * *

Сидя над телом умершего брата — Близнеца, он не испытывал никаких эмоций, кроме опустошения. Его сознание отказывалось признавать нелепую случайность, оборвавшую жизнь единственно дорогого для него человека. Дурочка в счет не шла, она была, скорее, напоминанием об их когда-то счастливой семье. А брат… он всегда поддерживал его. Становился на его сторону, какие бы обстоятельства в их жизни не складывались. Оставшись без средств к существованию, они довольно быстро прибились к криминальной группировке, было не важно, что именно нужно делать, ведь за эту работу платили хорошие деньги. Начав с самых низов, практически с разбоев, они промышляли и заказными убийствами, и ограблениями. И всегда им сопутствовала удача. Ни разу не попав к ментам в лапы, они были уверены в собственной неуязвимости, и кто мог знать, что полулегальный бизнес по пересадке органов так нелепо закончится. А ведь они оба чувствовали неладное, когда им поручили вначале следить, а потом похитить ту медсестру из больницы. Брат тогда сказал ему: «Посмотри, какая пигалица. Неужели она может быть опасной для кого-то? Ну, повертится, ну, что-то узнает. Доказать ведь ничего нельзя, зачем же ее так сразу прессовать?» Но приказы начальства обсуждать было не принято, и они искали ее две недели, пока один из врачей не заметил в Центральной больнице похожую санитарку. И когда они приехали в общежитие, комендант все говорила, и говорила, не останавливаясь. И как ей эта новенькая не понравилась, ну что это за санитарка из области, которая не пьет и парней не водит. Пол моет в комнате сама и окна. А потом комендант их вызвала, и передала два тетрадных листка, исписанные наивным почти детским почерком. Им бы выкинуть эти листки, дуболомам, может, и помиловала бы судьба тогда брата. Но четкая криминальная иерархия не оставила им никакой возможности спасти девочку, похожую на воробушка. И вот сейчас все пошло прахом. Нюхом он чувствовал: конец шарашке настал, много лет все было шито-крыто, а сейчас все посыпалось. Перестрелка эта, конечно, случайность. Но брата не вернешь уже. Надо думать, что дальше делать и как жить дальше. Брат молчал, оставив его одного без совета и помощи. Где-то далеко, в мирной жизни ждала его возвращения дурочка, единственная его теперь кровиночка, беспомощная и убогая. От его решения зависела ее

жизнь. И решение, которое он принял, было неожиданным только на первый взгляд.

Глава 18

Над дверью районного пункта милиции горел фонарь. Дверь с трудом поддалась, и с силой захлопнулась за спиной, оставив меня в кромешной темноте внутри отделения.

— Есть тут кто? — фраза из мультика, пришедшая мне на ум, была как нельзя к месту. Дверь в темном коридоре распахнулась, на пороге стоял розовощекий упитанный паренек, в милицейском кителе, держа в руке надкусанный бутерброд.

— Вам кого, молодой человек?

— Я - девушка. Меня похитили, я убежала. Помогите мне! — силы оставили меня, я чуть не упала, и ухватилась за стену.

— Пьяная что ли? — парень подскочил ко мне, не выпуская бутерброда из пальцев, поддержал под локоть.

— Проходи, разберемся.

Через десять минут я уже пила крепкий кофе из металлической кружки, вприкуску с железобетонными сушками, предложенными мне дежурным по отделению лейтенантом, и пыталась что-то рассказывать. Видимо, связная речь мне плохо давалась, потому что лейтенант смотрел на меня подозрительно, периодически заглядывая в глаза, как будто там был вмонтирован детектор лжи. Мой рассказ и впрямь выглядел по-идиотски: рассказать, кто я и как здесь очутилась, было непросто, но я сразу решила, что называться чужим именем не стану, будь что будет. Посадят в камеру за кражу наркотиков, зато потом разберутся, что к чему, и выпустят.

Беседа выглядела странно.

— Так ты откуда такая взялась? Почему в мужском костюме?

— Я сбежала из больницы ведомственной, здесь неподалеку. Я там медсестрой работала. А потом перестрелка началась, я испугалась и убежала.

— Так ты на улице что ли работала? Медсестра газоны стригла? Там весь персонал под замком сидит, начальник отделения туда поехал. Бандиты какие-то на больницу напали.

— Я тоже под замком сидела. Но выбраться смогла из подвала. Нас там били. Женщине одной лицо разбили, когда она кричать начала. Я испугалась и убежала.

— А мужской костюм откуда?

— Я сняла с мужика какого-то.

— И он отдал?

— Он мертвый был, а я боялась замерзнуть.

— Ничего себе! Девчонка молодая с трупа костюм сняла, переоделась, чтобы не замерзнуть… Прям Рембо, может ты еще и

оружие взяла у него?

— Не было там оружия никакого.

— Убитый в перестрелке без оружия был? Ты уж дурачка-то из меня не делай!

Я решила обидеться.

— Я ничего вам больше не скажу. Звоните жениху моему, он майор криминальной милиции. Пусть берет адвоката и приезжает сюда, а я пока посплю часок-другой. Разбирайтесь сами, если мне не верите!

— А как жениха фамилия?

— Павловский Денис. Он из командировки вернуться уже должен.

Спасибо за кофе, где мне поспать можно?

— Да вот здесь и ложись на диванчик, а я пока позвоню везде. А там и начальник вернется из больницы…

С этими словами лейтенант вышел из кабинета, а я рухнула на жесткий диван. Перед тем, как провалиться в сон, у меня мелькнула мысль, что теперь я с легкостью внутри себя стала называть Дениса женихом.

* * *

Хирург сидел в своем кабинете и старался спрятать под стол дрожащие руки. Ему казалось, что стены еще трясутся от громких криков этого грубого мента! В каких условиях приходится работать, и с какими людьми иметь дело! Начальник местного отделения милиции не был полностью коррумпирован, он просто закрывал глаза на некоторые подробности жизни его клиники, но как же дорого это стоило! И дело совсем не в деньгах, которые регулярно «отстегивались» этому полудурку в милицейских погонах, а в том, что его всегда приходилось, молча выслушивать, и даже рот было нельзя открыть в ответ на откровенное и примитивное хамство, которым отличался местный начальник. Конечно, перестрелка почти под самым носом у отдела милиции — это плохо. Но что он мог поделать? Как мог узнать, что у этого коротышки работают такие преданные ему люди. Этот недоносок с телом подростка тихо умер в послеоперационной палате, а о том, что после этого произошло с его клиникой, он даже боялся думать. Наезд на больницу имел кучу плохих последствий — во-первых, что делать с персоналом, и как заставить их молчать? Во-вторых, как объяснить спонсорам и покровителям потерю дорогостоящего оборудования, разбитого вдребезги шальными пулями? А еще надо будет ремонт фасада делать, окна разбитые

вставлять. Он постарался отвлечься от неприятных мыслей и проанализировать, почему все так произошло. И ответ пришел практически сразу: он даже услышал голос Учителя, отчетливо, как будто тот находился рядом. Он нарушил данный Высшим Силам обет, проявил сострадание. Он не убил девчонку. Ему срочно нужен был совет Учителя, и он снял трубку радиотелефона с дорогого аппарата, чудом устоявшего на столе и не свалившегося на пол вместе с дорогой костяной пепельницей и ежедневником в черной коже, когда этот урод из райотдела милиции с силой колотил своим кулачищем по краю итальянского офисного стола. Услышав мягкий баритон в трубке, Хирург сразу успокоился, откинулся на спинку мягкого кресла и закрыл глаза.

* * *

Я проснулась внезапно, как будто кто-то толкнул меня под ребра. В кабинете было темно, только узкая полоска света от приоткрытой двери разделяла кабинет надвое. Я встала с топчана, и тихонько подошла к двери. В конце коридора спиной ко мне стоял лейтенант и говорил по телефону. И то, что я услышала, не понравилось мне чрезвычайно.

— Да, слушаю… Наркотики, говоришь, прихватила? Понятненько. А мне такой милой показалась. Ладно, задержу до выяснения.

Холодный пот прошиб меня с головы до пяток. Еще не хватало мне сесть в обезьянник. Права была Женя, не нужно было соваться сюда! Я ничего не смогу доказать пока не встречусь с Денисом. Надо бежать отсюда пока не поздно!

Я выглянула в коридор. Лейтенанта не было, и я рванула к входной двери изо всех сил. Выскочив на улицу, я бросилась бежать и пришла в себя только когда оказалась на краю поселка. Картина была поистине впечатляющей. Вдоль темного поля полз клочьями туман. Дороги, с которой мы пришли, сейчас не было видно. Поселок, оставшийся за спиной, казался заброшенным и безлюдным. У меня было два варианта — попробовать поймать машину на шоссе и уехать отсюда подальше, или разыскать Женю, санитарку из больницы. Поразмыслив пару минут, я решила, что вряд ли кто поедет до утра в такой глухомани, развернулась, и, стараясь держаться на темной стороне улицы, подальше от света тусклых уличных фонарей побрела искать Женин дом. Как она говорила: Дорожная, дом 8, вторая квартира? К счастью, дом с нужным мне номером стоял неподалеку, я

вздохнула, чтобы успокоится и постучала в дверь второй квартиры. Стучать пришлось долго: видимо хозяева уже давно спали. Я уже собиралась уходить, но в эту минуту дверь отворилась и, обдав меня смачным перегаром, на пороге показался здоровенный небритый мужик с помятым лицом в мятой майке и спортивных штанах.

— Извините, Женя дома? Она меня приглашала переночевать.

— Ты из больницы из ее что ли? Проходи… — Он посторонился.

В маленькой прихожей было темно и вонюче, кисло пахло кошками и закисшей капустой. Но мне уже было все равно: уставший от обилия событий разум уже отказывался анализировать происходящее. Я тупо зашла на кухню, рухнула на табуретку и автоматически, не задумываясь, опрокинула в рот рюмку с водкой, которую мне сунул в руку верзила. Голова поплыла, стало жарко, я скинула с себя уродский пиджак и вцепилась зубами в соленый огурец, лежащий на соседней тарелке. Все поплыло, закружилось, и я потеряла сознание.

Я очнулась от того, что меня сильно били по щекам. Открыв глаза, я увидела перед собой испуганную Женю.

— Ты чего, помирать вздумала, зараза такая? — прошипела она сквозь зубы, — Еще мне не хватало…

— Извини, я, наверное, просто устала… — попыталась как-то оправдаться я.

От Жени тоже сильно пахло перегаром, и я с большим опозданием подумала, что надо было, наверное, все-таки голосовать на трассе…

Как ни странно, все быстро наладилось — Женя буквально затолкала меня в крохотную ванну, выкрашенную синей краской, в углу которой жарко горела допотопная газовая колонка. Горячая вода быстро вернула меня к жизни, я стояла под обжигающими струйками до тех пор, пока в дверь ванной не постучали.

— Ты что там, жива, или смылась в канализацию? — насмешливо прокричала Женя. — Давай, выходи, завтракать будем!

Завернувшись в старый затрепанный халат, стараясь не думать о том, в каком злачном месте мне приходится прятаться, я вышла на кухню, вытирая голову полотенцем. На столе стояла большая сковородка с яичницей, на тарелке розовело сало, рядом стояла банка с солеными огурцами и запотевшая бутылка водки.

— Женя, я вообще-то не пью… — взмолилась я, — мне опять плохо станет.

— Кодированная что ли? — подозрительно прищурилась на

меня Женя.

— Да нет, печень больная, вот и падаю с одной рюмки — придумала я на ходу, как мне показалось, классную отмазку, — мне бы чаю, если можно.

— Можно, только сама заваривай, вон чайник на плите горячий.

— Пока я разогревала эмалированный покрытый накипью чайник, сзади меня за столом продолжалось веселье. Мужик выпивал рюмку за рюмкой, хватал Женю за руки, и одновременно подмигивал мне, успевая с огромной скоростью поглощать сало, яичницу, огурцы, заедая все это хлебом.

«Аппетит, однако, у Женькиного сожителя. Я бы не прокормила такого… «- вяло подумала я, закинув в кружку пару ложек дешевого чая, больше похожего на черные опилки, присела на табуретку у окна с горшком завядшей герани на подоконнике.

Еда на столе закончилась быстро, я даже не успела допить горьковатый чай, мужик зевнул, потер огромной ладонью небритый подбородок, и вдруг, как будто что-то вспомнив, в упор уставился на меня.

— Что делать теперь будешь? — вопрос прозвучал неожиданно трезво.

Я растерялась.

— Да я надолго вас не стесню, у меня есть куда уехать. — Мой голос вдруг предательски дрогнул, и поэтому прозвучал очень неуверенно.

— И куда, если не секрет? — прищурился Женин сожитель, не отводя от меня взгляд.

«А он не такой уж идиот, как показалось вначале» — подумала я, а вслух сказала:

— У меня тетка живет в соседней области, к ней поеду!

— А деньги у тебя есть, чтобы ехать в соседнюю область? — не отставал противный мужик.

— Я автостопом… — совсем тихонько сказала я, всем своим видом показывая ему, что собираюсь заплакать.

— Ладно, — вдруг прекратил он допрос, резко встал и вышел из кухни. Я осталась сидеть с чашкой недопитого чая в руках, судорожно сжимая ее так крепко, как будто от этого зависела моя жизнь.

Минут через пять в кухню вошла Женя. Она была уже накрашена, и выглядела довольно прилично. В узких джинсах и клетчатой мужской рубашке в ней трудно было узнать ту серенькую мышку, которой она казалась, когда с ведром и шваброй усердно драила полы в коридоре отделения.

— Пойдем, я тебе одежду дам. Надо в гараж сходить, кое-что

сделать. — Она вопросительно смотрела на меня, как будто предполагала, что я могу отказаться.

В гараж так в гараж — не сидеть же целый день на маленькой кухне, пропахшей дымом дешевых сигарет.

Гараж находился недалеко, на самом краю поселка. Машины в нем не было, были только какие-то коробки, по виду напоминавшие то ли бытовую технику, то ли компьютеры.

— Давай, помогай, чего стоишь. Передвинуть все надо подальше, сейчас еще товар привезут.

Я не стала задавать лишних вопросов, и присоединилась к перетаскиванию нетяжелых коробок вглубь длинного темного гаража.

Минут через 40 я совершенно выдохлась, и присела рядом с гаражом на пластиковый ящик, который валялся неподалеку.

— Курить хочется… У тебя есть сигареты? — Женя даже не оглянулась на мой вопрос, обращенный к ней. Все было как-то странно: сегодня Женя почти не смотрела в мою сторону. Наверное, надо было уходить с утра пораньше, решила я.

В переулке появилась длинная фура, медленно передвигаясь вдоль гаражного массива. Женя вышла из гаража, внимательно посмотрела на меня, вздохнула, и сказав:

— Пошли! — Повернулась и быстро пошла по направлению к своему дому.

Я поплелась за ней, не зная, что и думать. В принципе можно было попрощаться и уехать, но денег у меня не было, и пока я не решила, как буду добираться до Славиной больницы, уезжать отсюда все-таки не имело смысла.

Поселок, по которому мы передвигались с Женей, старательно обходя лужи, был невелик. В который раз я была поражена тем, какие заброшенные и унылые места сохранились еще в наше, в общем-то, благополучное время. Обстановка была угнетающая — стены домов с обсыпавшейся штукатуркой, кривые входные двери, висящие на одной петле, разбитые окна над козырьками подъездов, где между рамами стояли выпитые пустые бутылки из-под пива. Мусор не убирался, наверное, уже не одну неделю — на ржавом переполненном контейнере устроили драку несколько котов, они противно орали, пока вышедшая из подъезда хмурая женщина не выплеснула в сторону бака мыльную воду из таза.

Говорить не хотелось, в полном молчании мы дошли до Жениного дома, зашли в квартиру, я мучительно подбирала слова, но Женя вдруг повернулась ко мне и сказала:

— Ты, Аля, иди, посиди в зале, пока Гришки нет, а я обед пока приготовлю.

Я кивнула. Ни спорить, ни говорить мне не хотелось, еще меньше хотелось помогать Жене с обедом на грязной кухне.

В комнате я села на диван, взяла в руки пульт от телевизора, и уже собралась его включить, как услышала, что входная дверь хлопнула, и в коридоре за стеной раздались мужские голоса. Выходить к гостям у меня не было никакого желания, правда, после ударной работы в гараже очень хотелось пить. Как будто услышав меня, в комнату заглянула Женя:

— Ты голодная? Я пока мужиков покормлю. Подождешь?

— Конечно, принеси мне только попить — в горле пересохло.

— Компот подойдет? — она улыбнулась.

— Конечно.

Через минуту я держала в руках большую кружку с яблочным компотом. Правда, вкус мне показался каким-то странным — как будто в нем растворили аспирин. Но пить хотелось так сильно, что я выпила все, не обращая внимания на странный вкус, и практически сразу же отключилась, успев подумать, что, наверное, я была неправа, когда попыталась искать здесь помощи и защиты.

* * *

Ученики звали Мага Бальтазар. Если бы его спросили, во что он верит, он не смог бы ответить. Много лет он занимался магией, сначала тайно, скрываясь ото всех, потом, получив сертификат целителя, уже не таясь, давая в местных газетенках время от времени рекламу о своих чудодейственных способностях. Лечить людей он никогда не умел, и не стремился этого делать. Все чудеса с исцелением безнадежных больных были тщательно инсценированы кругом приближенных к нему заинтересованных членов Тайного Общества, которое он создал. В основном он опирался на помощь нескольких стареющих одиноких женщин, которые закончив карьеру служащих в развалившихся НИИ и лабораториях, пополнили ряды активных распространителей пластиковой посуды, Гербалайфа и плохой зарубежной косметики. Познакомился он с этими тетеньками в период своей политической карьеры, которая закончилась, едва начавшись, в местном райсовете, выдавая им листовки с наглядной агитацией собственной особы. На выборах в местную Думу его опередил по числу голосов какой-то учитель-говорун в дешевых очках, ко времени последнего тура организовавший поездку старшеклассников своей школы к Гробу Господню в Иерусалим. Он не расстроился. Сайт, который он начал

раскручивать привлек в его ряды многочисленную молодую публику, ползущую как мухи на мед на информацию о безграничной власти, которую дает Черная Магия. А здесь уже были люди значительно интереснее, чем его престарелые боевые подруги. Молоденькие девушки школьного возраста засыпали его сообщениями о том, как к ним ночью приходил сам Дьявол и занимался с ними любовью. Парни пидерастического вида, красившие губы бесцветной помадой и обматывавшие свои цыплячьи шейки гигантскими шарфами с изображениями черепов томно глядели на него исподлобья. Женщины, лет 30, в самом соку, страстно желающие отомстить свекрови или бывшему мужу, практически в открытую предлагали себя. Он не торопился, он выбирал, проводя свои занятия в заброшенном ДК на окраине города. Медленно и томно он не говорил, а пел на непонятном языке, мало заботясь о том, какую ахинею несет — несомненно, он обладал Даром гипноза и мог делать с этими людьми все, что пожелает. Сложные постулаты каббалистической магии, таинственная Пентаграмма, заклинания, значения которых он и сам не понимал — все это создавало иллюзию избранности у его учеников, и они были готовы сделать для своего Учителя все, что угодно. Но по закону подлости, к этому времени он мало чем мог воспользоваться — его либидо, подточенное занятиями сексом с перезрелыми тетеньками-активистками, отказывалось реагировать даже на юных раскрепощенных фей школьного возраста, глядевшего на него влюбленными глазами. Немного поиграв в грубые игры с девочками по вызову, он понял, что этой стороне его жизни пришел конец. Единственно, что у него оставалось — это наблюдать, как совокупляются на его глазах другие. Это навело его на мысль поискать сходные магические обряды в Черной Магии, и он нашел в разделе некромантии схожие обряды, а потом уже увлекся идеями древнего ордена, и начал читать взахлеб все, что смог найти по этой теме.

Древняя магия поклонения мертвым поразила его уже привыкшее ко всему воображение. Когда он прочитал, что Некромантией занимались только мужчины, он понял, что нашел то, что искал все годы — Веру. Ну а потом в течение нескольких лет Маг работал только в этом направлении, ему удалось сделать себе рекламу среди бизнесменов и других публичных людей. К нему приходили и платили огромные деньги за обряды, которые должны были дать власть и деньги тем, кто в них участвовал. И он, по сути своей, неверующий ни во что мошенник, вдруг осознал — эта темная сторона Силы работает, и еще как! Смерть любого человека в момент перехода обладает колоссальной энергетической мощью, которую нужно уметь использовать.

Договорившись в местном морге, он проводил там свои обряды, иногда ему удавалось раздобыть парочку невостребованных трупов для проведения оргий на природе — в лесу или на кладбище. Он сам не мог объяснить тот факт, что люди, желающие получить деньги или власть после ночи, проведенной наедине с трупом, впоследствии легко добивались того, к чему стремились. Или энергия потустороннего мира играла свою роль, или человек, запертый в комнате с трупом до утра, становился другим — более волевым и жестким, Маг не знал, да и это было неважно. Энергия Смерти работала, и еще как работала!

И вот сегодня ему позвонил один из его учеников, и попросил совета. И только услышав голос ученика в телефонной трубке, Маг знал, что он ему посоветует. Положив трубку через несколько минут, он сладко потянулся в предвкушении того, что скоро будет наблюдать.

Глава 19

Темнота окружала меня со всех сторон. Где-то вдалеке капала вода, нестерпимым звоном отдаваясь в голове. Я сидела на жестком стуле, плотно привязанные к твердым ножкам ноги уже затекли. Руки были связаны за спиной, рот заклеен чем-то липким. «Дежавю», усмехнулась я про себя. От чего убежала, к тому и прибежала, стоило ли бегать? Положение мое, несомненно, было отчаянным. Сознание беспристрастно фиксировало все вокруг, я отдавала себе отчет, что это уже точно конец. Но никто не приходил, время тянулось как старая паутина, я уже не смогла бы точно определить ни времени суток, ни места в котором я находилась. На больничный подвал это не было похоже, на морг тоже — запахов никаких я не чувствовала, было холодно и пусто. Как на том свете, подумала я, и не ошиблась. Темнота буквально пронизывала мое тело, она текла внутрь черепа через невидящие света глаза, лишенные хоть какого-то слабого раздражителя. Через некоторое время мне показалось, что я начала пухнуть, расширяться и мое тело заполняет все помещение, в котором я находилась. Голова стала похожа на раздутый шар, мне стало душно, сухой от недостатка воды язык не помещался во рту, было ощущение, что я сейчас задохнусь. С хрипом я втянула спертый воздух через нос, и потеряла сознание.

Сколько времени прошло к тому моменту, когда я очнулась, мне было неизвестно. Но вялость и апатия говорили о том, что менее нескольких часов. Двигаться не хотелось, как впрочем, и жить. Пусть уже все скорее закончится, все равно мне уже не выйти отсюда. Странно, но эта мысль принесла мне облегчение. Но это был еще не конец.

Прошло еще сколько-то времени, но никто не приходил. Очень хотелось в туалет, но я была привязана к стулу. Потерпев еще какое-то время, я обессилено помочилась под себя. Сидя в луже собственной мочи, я равнодушно подумала о том, что теперь мне уже все равно, что со мной сделают, только бы это произошло поскорее.

Не знаю, сколько еще прошло времени, потому что я снова отключилась, но раздался какой-то шум, и ярким светом вспыхнула полоска света открываемой двери. Несколько неясных силуэтов плавно перетекли из дверного проема в помещение с низким потолком, последний закрыл за собой дверь и все снова погрузилось во тьму. Кто-то подошел ко мне, и я поняла, что меня развязывают. Потом сразу несколько рук рывком подняли меня со стула и начали раздевать. Я попыталась сопротивляться, но силы

полностью оставили меня и если бы меня не поддерживали, я бы просто рухнула на пол. Я напоминала самой себе безвольную тряпочную куклу. Сильные уверенные руки вертели меня, пока полностью не избавили меня от одежды. Почему-то этот факт оставил меня равнодушной, никакого чувства стыда я не испытывала и только совершенно ненужная мысль тревожила меня — «Они, что в темноте видят?!». Что-то мокрое коснулось моих волос, потом лица, шеи, рук и всего тела. Меня обтирали влажной губкой, намазанной каким-то душистым благовонием или маслом, расчесывали мне спутанные волосы. Потом завязали мне глаза, накинули мне на шею какой-то балахон, и грубо подталкивая в спину, повели куда-то, откуда виден был свет, слабо пробивавшийся через плотную повязку на глазах.

Спотыкаясь и сшибая босые ноги в кровь, я поднялась по каким-то ступенькам, после чего мои ступни коснулись земли, которая была пронизывающе холодной. Мое сознание фиксировало какой-то низкий гул, как будто рядом была станция метро. Но это оказалось совсем не метро. Все оказалось гораздо хуже.

* * *

Санитар Морга уже однажды пытался покончить с собой. Но попытка была неудачной, Скорая помощь приехала быстро, ему воткнули в нос скользкую трубку и промыли желудок, удалив остатки не растворившихся таблеток. Позже он понял, что совершил глупость. Крупные долги не прощают, а он проиграл тогда в казино крупную сумму. Потом, уже после попытки свести счеты с жизнью, ему объяснили, что если должник умирает, деньги вышибают из его близких людей, не стесняясь в средствах. Люди, которые уже два года преследовали его, в первый раз просто сильно его избили, прояснив на всякий случай ситуацию. Каждый день просрочки прибавляет к проигранной сумме один процент, сказали они. Во второй раз они продержали его три дня в холодном подвале, прикованным к батарее, а потом, открыв наручники, бросили к его ногам пачку цветных фотографий и предложили отработать долг вместо того, чтобы лежать в могиле. На фотографиях подробно были отражены все шокирующие подробности, конечно, это сделали специально, ну какому извращенному садисту пришло бы в голову снимать ЭТО?! Он согласился, не зная, что дальше будет еще хуже. И послушно работал на них почти два года, денег ему не платили, все шло на уплату долга, который постоянно рос. Он давно привык к трупам

и не испытывал брезгливости по отношению к искромсанным останкам, которые когда то были людьми. Наоборот, он жалел их, и старался придать им как можно более достойный вид после смерти. Обычно он имитировал обычное посмертное вскрытие, искусно уничтожая следы незаконного забора органов. Но то, что ему предложили сделать сегодня, было невозможным, нереальным, выходящим за рамки всего человеческого.

Он должен был сегодня участвовать в Ритуале Человеческого Жертвоприношения.

* * *

Сознание отказывалось принимать то, что я увидела, когда с моих глаз сорвали повязку. Рот мой по-прежнему был заклеен чем-то липким, поэтому получилось что-то вроде мычания. Первое, что бросилось мне в глаза — это костер из огромных сучьев, горевший недалеко от меня. Жар костра обдавал меня удушливыми волнами. Рядом с костром возвышался огромный гранитный крест, блики огня бегали по его гладкой поверхности, и я не сразу поняла, что нахожусь на кладбище на небольшой площадке между могилами. Кладбище было, видимо, новым, потому что оград у могил не было. Вокруг меня стояли какие-то фигуры в балахонах с капюшонами, полностью закрывающими их лица, в руках у них горели факелы. Потом я поняла, что гул, напомнивший мне метро, исходит от этих фигур. Фигуры пели и раскачивались, медленно приближаясь ко мне, факелы в их руках трещали и коптили. Когда фигуры подошли ближе их круг расступился, я увидела пятиконечную звезду, выложенную черными камешками на земле. От толпы фигур отделилась одна и воткнула горящий факел в середину выложенной на земле пентаграммы. При этом фигуры издали громкий крик как по команде, и вперед вышел человек в черном балахоне, расшитом звездами, он протянул ко мне руки, и пение прекратилось.

— Именем Тетраграмматона, к тебе взываю! — пропел он приятным тенором.

— Адонай, приди, Адонай, приди, — бодро подхватили фигуры, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Приди, о Слышащий, дай нам узреть истину — продолжал свою партию тенор.

— О-о Адонай, о-о Адонай! — гудели фигуры.

Мое сознание сыграло со мной злую шутку. Вместо того чтобы испугаться, мне почему-то стало смешно, и я фыркнула. С учетом заклеенного рта получился то ли всхлип, то ли квак, но,

похоже, никто не обратил на это внимания. Как ни странно, но страшно мне не было — все происходящее смотрелось как театральная постановка в плохом провинциальном театре. Из круга подвывающих капюшонов вперед вышла фигура с ведром в руке и что-то выплеснула из него на костер. Резко запахло горелым мясом.

До меня не сразу дошло, почему так пахнет, потом я поняла, что костер полили кровью. В этот момент меня буквально прошибла волна страха. Дешевая постановка в провинциальном театре превращалась на моих глазах в зловещее действо, в котором мне была уготована далеко не последняя роль. Внезапно весь ужас моего положения нахлынул на меня, и вся моя сущность буквально взорвалась одной мысль — ЖИТЬ!!! Я ХОЧУ ЖИТЬ!!!

Внезапно тенор замолчал и, повернувшись ко мне, резким жестом протянул в мою сторону обе руки. При этом широкие рукава его капюшона взлетели вверх, как крылья летучей мыши.

— Взять ее! — Завизжал тенор, показывая на меня пальцем. Несколько человек подбежали ко мне, подхватили меня под локти, быстро поднесли к кресту, приподняли, и, придерживая меня за колени, удерживали на уровне крестовины мои руки, приматывая их толстой колючей веревкой к огромному ледяному кресту. Когда мои колени отпустили, и я повисла на привязанных кистях, мои плечевые суставы хрустнули, острая боль ударила в голову, казалось, что голова сейчас лопнет и разлетится на мелкие осколки, но этого не случилось. И сознание потерять мне не удалось. От ужаса я крепко зажмурилась, крики вокруг меня становились все громче и пронзительнее, сдвигаясь к ультразвуковому диапазону, и вдруг все стихло, а потом наступившая тишина взорвалась хаотичными по сравнению с предыдущим стройным хором криками. Это было настолько неожиданно, что я открыла глаза, и увидела, как из-за могил выскакивают черные фигуры, похожие на чертей с огромными головами, но почему-то без рогов, хватают капюшонов и прижимают их к земле. И тут я понимаю, что это не черти, а головы кажутся большими из-за касок на них надетых. В руках выскакивающих мелькает оружие, на лицах черные маски. Чей-то огромный ботинок врезается в белое от ужаса лицо тенора, он падает, и чьи-то руки снимают меня с креста, осторожно отрывая отвратительную липкую ленту с моих губ вместе с кожей.

— Воды… — кто-то говорит, — Скорее, дайте воды! И противошоковое вколите ей быстро!..

И тут до меня, наконец, доходит, что я спасена, что рядом со мной мой Денис, и все, кажется, уже закончилось.

— Как долго тебя не было… — еле слышно шепчу я разорванными губами избитую фразу, и наконец-то начинаю плакать.

* * *

После того, как Ворожея съездила в больницу, она вернулась домой, сказала соседке, чтобы говорила всем, кто приедет к ней на прием, что она уехала, задернула все шторы, зажгла свечи и стала молиться. Свечи прогорали, воск стекал на скатерть, не Ворожея его не убирала, а снова ставила и зажигала новые свечи, и продолжала истово и молча перебирать всех Святых, сурово смотрящих на нее с икон, и просила, просила, просила у них помощи. Иногда ненадолго она останавливалась, торопливо пила холодную воду прямо из ковшика, висевшего на краю оцинкованного ведра на кухне, и раскладывала на столе карты, упрямо не желавшие давать ей надежду. Свечи оплывали и тухли, она ставила и зажигала новые, они опять прогорали, и все повторялось сначала. Сколько прошло времени, она не знала, но, наконец, карты легли так, как Ворожея хотела. Она встала, уже не чувствуя под собой ног, и медленно подошла к красному углу с иконами.

— Слава тебе, Господи Иисусе Христе, слава тебе! — нараспев, громко сказала она, широко перекрестилась, пальцами погасила горевшие еще свечи, отошла в угол комнаты, шатаясь от усталости, не раздеваясь, повалилась на заправленную кровать, и сразу же крепко заснула.

Глава 20

Я медленно возвращалась к жизни. Утром я проснулась от того, что мне в глаза ярко светило сквозь щели в жалюзи солнце. Капельница стояла рядом с кроватью, на тумбочке лежал одинокий апельсин.

События последних дней я помнила плохо, фигуры в капюшонах, костер, крест. Мне не хотелось об этом думать, и я заставила себя снова заснуть.

Ночью, когда я проснулась из-за позывов в туалет, мне вдруг показалось, что я в психбольнице. Но сверкающий кафелем чистый туалет в палате был не похож на тот, который я отмывала в психбольнице, и я с облегчением поняла, что все уже позади.

Прошло два дня. Мы с Денисом сидели за столиком в коридоре его ведомственной больницы, куда он госпитализировал меня под видом своей невесты. Он так и выразился «Под видом». Я сидела и прикидывала, стоит мне обидеться на него за эти слова, или нет. За открытым настежь окном столовой тихо шумели под осенним ветром пожелтевшие и уже сильно облетевшие березы. Денис, которого я не видела почти четыре месяца, сильно загорел, похудел, и выглядел совершенно вымотанным.

Я, не поднимая глаз, ковыряла вилкой несимпатичный остывший омлет на тарелке и молчала.

— Как ни странно, тебе удалось довольно близко к ним подобраться. Но добыть доказательства их деятельности ты все равно бы не смогла — они тщательно прятали следы.

— Я сразу, как сбежала, пошла в милицию.

— Да, только мы об этом не знали. Если бы у брата убитого Близнеца не проснулась совесть, и он не пришел бы к нам с повинной, я бы даже не знал, где тебя искать…

— Я собиралась тебе позвонить, правда!

— И Слава твой — дебил редкостный!. Зачем-то в райотдел милиции поперся, станут они заниматься сбежавшей куда-то с наркотиками медсестрой! Его даже слушать не стали. А сейчас ему статья светит за то, что он тебя чужим паспортом снабдил.

Я подавленно молчала. Мое частное расследование представлялось мне сейчас верхом идиотизма, непростительной глупостью. Ну как я могла подумать, что смогу найти доказательства!

— Но, в общем, ты молодчина, — Денис неожиданно ободряюще улыбнулся, — Рассуждала ты в целом правильно. Действительно, в нашей области при содействии и активном

участии одного из немалых чинов местного Министерства здравоохранения, уже несколько лет была создана преступная организация, которая безнаказанно забирала органы у молодых здоровых людей, у которых в результате несчастного случая пострадал головной мозг. Чаще всего это случалось при дорожно-транспортных происшествиях или производственных травмах. Органы человека, страдающего от тяжелой болезни, для дальнейшей пересадки по вполне понятной причине не годятся. Организация подрабатывала понемногу, отправляя в основном в столицу свежий материал, полученный в местном судебно-медицинском морге. Все изменилось, когда в нашем Аэропорту открыли прямой авиарейс на Варшаву-Франкфурт. Тут уже преступный трафик органов пошел полным ходом, резко увеличилось количество заказов. Органы переправляли в сумках-термоконтейнерах несколько курьеров, обычных частных лиц. Коридор на таможне организовали, по-видимому, в Москве на уровне тамошнего министерства заинтересованные лица. Пострадавших в авариях стало не хватать, и тогда эта банда стала просто убивать людей в больницах. Выглядело это так. Приходил заказ на конкретный орган, указывалась группа крови, резус-фактор потенциального донора, иногда эти негодяи даже пробы на совместимость с живым еще человеком умудрялись делать! А потом начинала работать стандартная отработанная схема. Потенциальный донор «внезапно» умирал во время операции или вводного наркоза, после чего смерть мозга быстренько констатировали три специалиста — судебно-медицинский эксперт, врач-невропатолог и врач-реаниматолог, которые, конечно, были членами преступной шайки. Когда главный врач больницы вечером уходил домой, приезжала бригада трансплантологов — специалистов, в неурочное время, с согласия ответственного дежурного проводилась операция по удалению органа или органов. Затем тело везли в морг Центральной больницы, где известный тебе Вадик маскировал следы от незаконной операции под обычное вскрытие, а материал, как они его называли, уходил через границу в Европу в контейнере.

— Мы со Славой и подумать не могли, что операции по незаконной пересадке делают в этой тихой больнице, решили, что в Центральной… Что незаконные операции проходят там. — Я задумалась на минуту, снова переживая подробности своего приключения.

— А как вы узнали, где я?

— Ну, тут все побежали тебя спасать. Слава торчал в нашей конторе три дня, пока я не приехал с Кавказа. Ему какая-то гадалка сказала, что тебя убить могут. Санитар морга Вадик к

нам пришел накануне. Они, видишь ли, потребовали, чтобы он тебя живую распотрошил… Пару лет назад Вадик крупно проигрался в казино, лично я думаю, что его умышленно под это подставили. Они всех по-разному обрабатывали — кому помогали долг отдать, кому просто много платили, не гнушались шантажом. Кстати, Веронику Римскую, жену гражданскую жену Серёгина-паращютиста, они быстренько на наркотики посадили. Она им сразу позвонила, как только встретилась с тобой. Кстати, повторю, банду врачей-убийц мы взяли с поличным в этой больнице благодаря одному из боевиков, у него в перестрелке брата-близнеца убили, вот он с повинной и пришел. У них, видишь — ли, сестра младшая больная, с синдромом Дауна, вот он и сдал всех подельников, а с меня слово взял, что позабочусь о ней, в интернат не отдам, там эти дети в грязи и вшах заживо догнивают. Я пообещал, так что девочку еще пристроить куда-то надо.

— А Скворцов? Что было на флэшке?

— Скворцову удалось скачать с электронного носителя Центральной больницы протоколы вскрытий пациентов, умерших в других лечебных учреждениях области. Если бы флэшку обнаружили и прочитали, неизбежно встал бы вопрос — почему вскрытие проводилось не в той больнице, где умер пациент, зачем его понадобилось тащить на другой конец города. И от него избавились, тем более что узнали о его дружбе с покойным Серегиным.

— Слушай, а почему они Софью убили?

— Я точно не знаю, почему они не перевезли труп Серегина в морг Центральной в выходные, может, заминка вышла с машиной. А Софья, во-первых, шов от операции увидела нетипичный, а во-вторых, она этим поделилась со знакомым патологоанатомом из другой больницы, а он был «в теме».

— Ну и что сейчас?

— Представляешь, почти всех участников преступной группы удалось задержать. Сработал фактор внезапности. Арестовали даже большого медицинского начальника. Он заведовал отделом инноваций в медицине. Да, кстати, твой гениальный план расследования лежал у него в кабинете, он и отдал приказ тебя убить.

— А как он попал к нему?

— Комендант общежития, баба, тертая во всех отношениях, обнаружила его под твоим матрасом, когда меняла белье. Но это она так нарочно говорит, сроду она сама белье никогда не меняла в комнатах, просто ты показалась ей подозрительной и она следила за тобой.

— А как они нашли меня и эту комедтатшу? В общежитии?

— Тебе просто не повезло, тебя в Центральной случайно узнал анестезиолог Мокрецов, сосед Серегина. Он приходил за графиком дежурств, когда ты крутилась у дверей оперблока, изучая операционный список. Ты так была поглощена своим расследованием, что не обратила на него внимание.

От обиды за себя у меня запершило в горле. Какая же я идиотка!

— Денис, а там правда в подвале есть публичный дом? — быстро перевела я разговор на другую тему.

Денис опешил. Пока он напряженно думал, собираясь с мыслями, я задала вопрос, который меня сильно мучил.

— А что это за секта была? На кладбище? Какое отношение эти люди имели к незаконной пересадке органов?

— Точно разобраться нам пока не удалось, самый главный из них сбежал из КПЗ.

— Как сбежал? Разве оттуда можно сбежать?

Денис отвел глаза, смахнул со скатерти хлебные крошки загорелой ладонью, и нехотя ответил:

— Видимо, покровители у него высокие имелись. Удалось ускользнуть под видом задержанного за мелкое хулиганство — видимо поменялся с ним одеждой. В этой истории много непонятного, Олеся. Какие-то ритуалы проводили эти люди в морге и на кладбище. А тебя, кстати, хотели принести в жертву. И от свидетеля нежелательного избавиться, и шоу устроить… Козлы! Среди задержанных придурков этих, кстати, твой однокурсник из медучилища. Рыдал на допросе, говорил, что тебя любит, и никогда бы себе не простил, если бы с тобой что-то случилось. Уверял, что тебя бы обязательно отпустили. Ритуал провели и отпустили.

— Ритуал?

Уточнять, какой ритуал, мне почему-то совсем не хотелось.

— Слушай, Лесь, не хочешь выходить за меня замуж — не надо, — вдруг не по теме высказался Денис. — Только жить я буду у тебя, когда ты отсюда выйдешь, согласна?

— Ты делаешь мне предложение? — хлюпнула я носом.

— Констатирую факт. Больше я тебя без присмотра не оставлю, заруби на носу! — Он уже улыбался.

Конечно же, я была согласна.

* * *

Олеся и Денис вдвоем уже минут десять стояли и смотрели,

как девочка-даун рассматривает плюшевую собачку. От любопытства она приоткрыла рот, и с уголка на подбородок потекла тоненькая струйка слюны. Девочка ткнула маленьким пальчиком собачке в пластмассовый глаз и радостно засмеялась. Они практически одновременно перевели дыхание.

— Ладно, Леся, пусть она поиграет, а ты вещи собери быстро! — скомандовал Денис, наблюдая за ребенком.

Вещей было немного, они все поместились в одну большую спортивную сумку. Не сговариваясь, они оба сели на краешек итальянского кожаного дивана, потом Денис взял девочку на руки, вышел на лестничную площадку и запер дверь в опустевшую надолго квартиру близнецов. По правилам следовало дверь опечатать, но это потом, когда приедет опергруппа, сделают обыск с понятыми по всем правилам в квартире, где жили два брата-близнеца, боевики преступной группировки. Сначала чуть не убили его Лесю, а потом один из них спас ей жизнь… Думать об этом Денису не хотелось. Шея уже была мокрой от слюны больного ребенка, девочка вертела головой, задевая его за ухо, и что-то непонятно лопотала. Леся молча шла сзади, и уже садясь в машину, Денис вдруг подумал, что впервые за долгие годы он не боится того, что кто-то находится у него за спиной.

* * *

Я все продумала досконально. Навязчивая идея отправить девочку-дауненка к Славе в больницу возникла у меня сразу, как только Денис рассказал об оставшемся в живых Брате — Близнеце. Славина мама была совсем плоха, а там, в больнице, девочка не будет выделяться, и обслуга Славе поможет, с ребенком повозятся, пирогами и ягодами покормят. В любом случае лучше, чем интернат для слабоумных. Слава ее читать научит, говорят, если с даунятами заниматься, они все быстро понимать начинают, приспосабливаются к жизни. А там и Брата-Близнеца освободят — срок скостят, наверняка, за явку с повинной и содействие следствию. Лет пять получит, не больше. И освободится досрочно. И будут они опять вместе, и я осталась жива из-за этого. И к бабке Татьяне будем с Денисом заезжать в гости, она тоже поспособствовала моему спасению. А какие у нее пироги! И еще надо Денису показать лес, в котором я заблудилась тогда и чуть со страху не умерла. И еще родителей с Денисом познакомить. Интересно, как с ним поладит вредный Касьян? Будет писать в тапки? Кстати Касьяна приветила соседка, увидев его в подъезде. Он сидел на лестничной клетке и мяукал таким

низким утробным мявом, что казалось, будто рыдает человек. Соседка сжалилась над несчастным котом и пустила к себе и, хотя ей пришлось с характерным Касьяном нелегко, мой кот благополучно пережил эту историю.

Девочка ползала по заднему сиденью машины и бубнила что-то про себя. Денис молча вел машину, я смотрела в окно, вспоминая, как ехала из города на грузовичке почтовой связи, а потом возвращалась в город в санитарной «буханке» психбольницы, полная глупых планов и пустых надежд. Я повзрослела на несколько лет за эти две недели. Передряга, в которую я попала, была настолько жестокой и опасной, что я смотрела на жизнь совсем по-другому. Вчера звонили взволнованные родители, конечно, я им ничего не рассказала, но, положив трубку, вдруг поняла, что их трогательная забота о том, тепло ли я одеваюсь, и что кушаю на обед и на ужин, впервые была для меня приятной, и ни капельки не раздражала.

Я думала о том, что когда вернусь в свое отделение, никогда больше не буду прикалываться над Аней, потому что она на следующий день после моего исчезновения якобы с украденными наркотиками устроила в местном отделении милиции жуткий скандал, доказывая, что я никак не могла этого сделать. И еще мне очень помог звонок Петра Васильевича своему брату, который работал в медсанчасти ФСБ под Москвой, потому что лица, причастные ко всей этой истории имели высоких покровителей среди силовиков, и дело бы неминуемо «замяли», если бы не вмешались столичные контрразведчики. И Ашот Андреевич поразил меня до глубины души, когда заставил почти всех работающих в больнице подписаться под петицией о том, что я не могла быть воровкой. Ну а когда ко мне в больницу пришла наша престарелая Ольга и принесла мне шерстяные носки и банку варенья из моркови, сваренного по какому-то военному рецепту, и обладавшего чудесными целебными свойствами, я просто разревелась. Мир оказался совсем не так уж плох, как он мне стал казаться после всей этой истории. И только ночью ко мне в темноте подкрадывался липкий страх, он не хотел меня покидать после той жуткой ночи на кладбище. Несколько раз я просыпалась от собственного крика, вскакивая на больничной кровати и пугая дежурную медсестру. А в ушах все еще продолжало гудеть — «О-о Адонай, о-о Адонай!..»

* * *

Слава стоял и смотрел вслед уходящим Денису и Олесе. Они

выглядели абсолютно счастливыми, и ни разу не оглянулись. Впереди у них была целая жизнь, и они шли к ней, радостно держась за руки. В правую ладонь Славы вцепилась девочка-даун, она не плакала и не смеялась, а молча и, казалось, вполне осознанно наблюдала, как высокий парень в камуфляже и хрупкая девушка в джинсах сели в машину и уехали. Потом она подняла голову, посмотрела на Славу, и сказала что-то похожее на «пойдем». Со стороны кухни вкусно пахло пирогами. На скамейке сидел темноволосый гений и наблюдал за вороной, пытавшейся клюнуть больничного кота в зад. Кот оборачивался и шипел, но вскакивать со скамейки не собирался, лениво отмахиваясь лапой от зарвавшейся нахалки. Гений наблюдал за котом и вороной так внимательно, как будто все, что происходило рядом с ним, касалось его лично. Слава вспомнил, как старенький профессор говорил им на лекциях по психиатрии о сумасшедших. — «Они не глупые, и не тупые, они просто другие».

Другие. Тогда Слава ему не поверил. А сейчас он знал, что так оно и есть. Слава посмотрел на девочку, сосавшую палец, и подумал, что судьба этого ребенка устроена на ближайшие несколько лет благодаря Олесе, его подруге, сестре милосердия. Проявлением настоящего душевного милосердия стало появление здесь в его больнице младшей сестры человека, чуть не убившего Олесю. Он еще раз повторил про себя по слогам «ми-ло-сер-дие». Почему проявление душевной чуткости и сострадания определено в русском языке, как «милое сердцем», Слава не знал. И вдруг он понял, милосердие, это значило совсем не «милое сердце», как он думал раньше, а «миловать сердцем», значит, прощать. И на душе у него от этого внезапной мысли вдруг потеплело, как будто уже началась весна или в гости к нему надолго приехал хороший друг.

Глава 21

Я шла по коридору с заправленной капельницей. За время скитаний я сильно похудела, и мой сиреневый медицинский костюм болтался на мне как поверженный вражеский флаг.

Все было как обычно, и все было правильно. Очередь больных, жаждущих укола, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу у процедурного кабинета и вполголоса обсуждала погоду за окном, запах капусты от провезенных только что по коридору из больничной столовой жидких диетических щей клубился по коридору, напоминая, что скоро обед. Сергей Анатольевич, старательно заполнял на посту листки назначений, а Ашот Андреевич с Петром Васильевичем оживленно спорили о чем-то в конце коридора.

Аня демонстрировала девочкам-анестезисткам новые босоножки, похожие на танк последней модели. Девочки внимательно их рассматривали, и, по-моему, одобряли. Пока меня не было, в палаты поставили новые двери, и теперь они придавали общему интерьеру отделения светлый и праздничный вид.

В палате люкс, куда я вошла, на функциональной высокой кровати лежал худой человек с нездоровой желтизной на лице и запавшими глазами. Я не сразу узнала директора местного завода, любителя сердечных утех, что же с ним стало?! Из-под больничной пижамы на его животе торчал краешек бинта послеоперационной повязки.

Совершенно беспристрастно, как будто происходящее не имело к нему никакого отношения, директор смотрел, как я тщательно протерла сгиб его локтя, прицелившись, проколола суховатую пожелтевшую кожу, расслабила резиновый жгут у него на плече и подсоединила систему к иголке, введенной в вену. Он перевел свой взгляд на медленно падающие внутри прозрачной системы капли, а потом посмотрел на меня и тихо спросил:

— Я сильно изменился, скажите, сестричка?

— Нет, ну что Вы, похудели только немножко. Уже дело на поправку идет, сразу видно…

Директор отвернулся к стене, как будто не хотел меня видеть, и, не поворачивая головы в мою сторону, помолчав минутку, тихо сказал:

— Самое главное в жизни — это сама жизнь…

Я не нашла слов, чтобы ему ответить, и тихо вышла из палаты, около которой сидели и тихо плакали в обнимку две женщины — жена и любовница, соединенные уже до конца жизни

дорогого им человека общим своим горем. Но я не стала их утешать, мне надо было торопиться, работы было еще много, а вечером дома, кроме кота Касьяна, меня теперь ждал Денис. И я знала, что теперь ночью страх не вернется ко мне, потому что рядом будет он, мой Денис, мой защитник, мой любимый…

* * *

В кабинете, отделанным тисовым деревом тихо шелестел кондиционер. Сняв очки, Второй заместитель министра здравоохранения России сильно потер переносицу, отложил в сторону свежий номер «Комсомольской правды» со статьей, вызвавшей в обществе эффект разорвавшейся бомбы, причем для него это был эффект бомбы, взорвавшейся в бочке с фекалиями. Он, устало поднявшись, подошел к окну. Об открытии отделения трансплантации органов в этом городе средней полосы России сейчас не стоило и думать. Черт, два года работы псу под хвост! Теперь придется начинать новую пиар-компанию, успокаивать общественность, снова вбухивать деньги из подконтрольного фонда в телевидение, газеты, интернет.

Но ничего, позже можно попробовать другой регион. Заодно и транспортные расходы сократить. Он внимательно перебрал входящие документы, пришедшие в Министерство из разных областей страны с просьбой открыть у них в регионе аналогичные отделения, нашел в стопке бумаг официальное письмо из самой западной области, и, еще несколько минут подумав, наложил на него наискосок одобряющую резолюцию и поставил размашистую подпись.